

ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

НАУЧНАЯ
ФАНТАСТИКА

КОМПЛЕКТ
ИЗ 3 КНИГ

Лю Цысинь
Задача трех тел. Комплект
из 3 романов Лю Цысиня
Серия «Fanzon. Sci-Fi
Universe. Лучшая новая НФ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71643766
Задача трех тел / Лю Цысинь ; [пер. с англ. О. Глушковой, Д.
Накамура].: Эксмо; Москва; 2025
ISBN 978-5-04-219493-1

Аннотация

Задача трех тел

В те времена, когда Китай переживал последствия жестокой «культурной революции», в ходе секретного военного проекта в космос были посланы сигналы, чтобы установить контакт с инопланетным разумом. Один из сигналов подхватила цивилизация, находящаяся на краю гибели, и теперь пришельцы готовятся вторгнуться на Землю. Узнав об этом, люди разделились на тех, кто готов отдать наш порочный мир под управление высшего разума, и тех, кто до последнего будет бороться против этого вторжения.

Блестящий научно-фантастический роман «Задача трех тел» из цикла «Воспоминания о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня обрел широкое мировое признание и стал первой переводной книгой, номинированной на самые престижные литературные премии в области фантастики: «Хьюго», «Небьюлу», «Локус», «Прометей» и другие. По циклу снят сериал китайского производства «Задача трех тел», а также готовится экранизация от Netflix.

Темный лес

Продолжение феноменальной «Задачи трех тел», романа великого китайского фантаста Лю Цысиня.

Трисолярианский кризис продолжается. У землян есть 400 лет, чтобы предотвратить инопланетное вторжение. Но угроза полного уничтожения, вопреки ожиданиям, не объединяет человечество. Сверхдержавы отстаивают свои интересы, космические флоты, становясь независимой политической силой, вовсе теряют связь с Землей. Тотальный контроль над научно-техническими разработками со стороны чужой цивилизации, во много раз превосходящей нашу в развитии, не оставляет людям шанса на победу. Исход войны решат проекты «Отвернувшихся» – лучших мыслителей планеты.

Продолжение трилогии «В память о прошлом Земли» самого популярного китайского писателя Лю Цысиня удостоилось положительных отзывов критиков и вошло в рейтинги лучших НФ-романов последних лет.

Вечная жизнь Смерти

Через полвека после конца Эры Устрашения человечество снова сталкивается со смертельной опасностью, исходящей из глубин космоса – словно из Темного Леса, полного чудовищ.

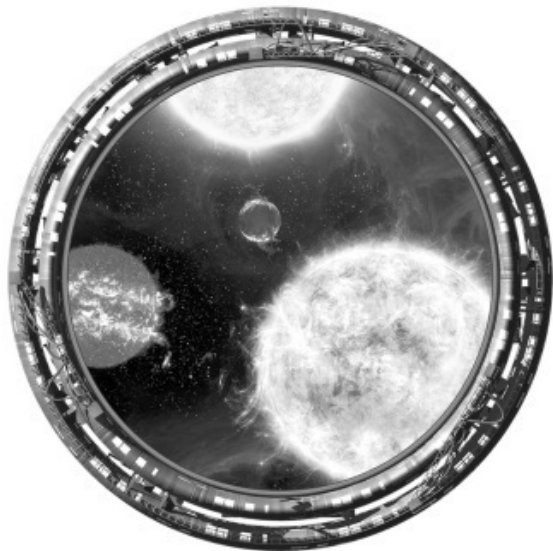
Окончание трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» самого знаменитого китайского фантаста Лю Цысиня. Книга буквально взорвала читательскую аудиторию и завоевала все жанровые награды.

Содержание

Лю Цысинь	9
Предисловие переводчика	13
Действующие лица[1]	15
Часть I	17
Глава 1	18
Глава 2	38
Глава 3	64
Часть II	77
Глава 4	78
Глава 5	102
Глава 6	109
Глава 7	139
Глава 8	163
Глава 9	173
Глава 10	189
Глава 11	200
Глава 12	218
Глава 13	234
Глава 14	246
Глава 15	253
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Лю Цысинь

**Воспоминания о прошлом
Земли: Задача трех тел**

Воспоминания
о прошлом Земли:

ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

ТЕМНЫЙ ЛЕС

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СМЕРТИ

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2017, 2018

© Д. Накамура, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017, 2018

Лю Цысинь
Воспоминания о прошлом
Земли: Задача трех тел

###

Copyright © 2006 by ### (Liu Cixin) © FT Culture
(Beijing) Co., Ltd. All Rights Reserved

ЗАДАЧА ТРЕХ ТЕЛ

Разработка серии *Андрея Саукова, Николая Плутахина*
Иллюстрации на обложке и в тексте *Николая Плутахина*

© О. Глушкова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие переводчика

Прочитав в 2014 году английский перевод романа китайского писателя Лю Цысиня ## (пиньинь «саньти», русск. «Задача трех тел»), и особенно после того как эта книга в 2015 году получила премию Хьюго, я загорелась идеей перевести его для русского читателя. Я не знаю китайского языка, поэтому переводила с английского. Времени на это ушло очень много, поскольку до этого я чисто научную фантастику не переводила. Приходилось много общаться со специалистами: китаеводами, физиками, программистами и тому подобное. В процессе написания перевода мне пришлось близко познакомиться и с теорией струн, и со строением Солнца, и с космологией, и с историей Китая (в особенности времен «культурной революции»), и так далее, и тому подобное. Я мучила вопросами всех, кто имел хотя бы отдаленное отношение к Китаю или науке. Меня заставляли двигаться вперед любовь к книге и чисто спортивное упрямство.

Перевод с китайского на английский сделал замечательный американский писатель-фантаст китайского происхождения Кен Лю. Работать с его текстом было удовольствием. В романе довольно много говорится о временах и реалиях «культурной революции», не очень известных в «большом мире», поэтому и сам автор, и Кен Лю снабдили текст значительным количеством совершенно необходимых для пони-

мания текста сносок. Мне, со своей стороны, пришлось тоже внести свою лепту в сноски, поскольку в романе имеется множество научных терминов и фактов, о которых большинство читателей имеет лишь весьма отдаленное представление. Итак, примечания в книге принадлежат трем авторам: самому Лю Цысиню; Кену Лю, переводчику романа на английский язык; и мне, переведшей его на русский язык; обозначены они соответственно как «Прим. автора», «Прим. К. Л.» и «Прим. перев.».

Я глубоко благодарна за помощь и поддержку в создании этого перевода моему помощнику Константину Васенину; знающему и тонко чувствующему консультанту Дмитрию Накамуре; Альберту Крисскому – опытному драгоману, тщательно сверившему текст по китайскому оригиналу; Гар Гарычу, рассказавшему мне много нового и интересного о Китае эпохи «культурной революции»; Red China Devil за его неоценимые советы; другим участникам и администрации форума «Восточное Полушарие», всем моим друзьям и «болельщикам», а также несравненному, великолепному, волшебному мистеру Гуглу. Всем огромное спасибо!

Ольга Глушкова

Действующие лица¹

Семья Е

Е Чжэтай – физик, профессор Университета Цинхуа

Шао Линь – жена Е Чжэтая, физик

Е Вэньцзе – дочь Е Чжэтая, астрофизик

Е Вэньсюэ – сестра Е Вэньцзе, член организации хунвэйбинов

База «Красный берег»

Лэй Чжичэн – политический комиссар базы «Красный берег»

Ян Вэйнин – главный инженер базы «Красный берег», бывший студент Е Чжэтая

Настоящее время

Ян Дун – дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, физик, специалист в теории струн

Дин И – близкий друг Ян Дун, физик-теоретик

¹ В китайских именах первой идет фамилия, затем личное имя. – *Прим. перев.*

Ван Мяо – исследователь в области наноматериалов

Ши Цян – полицейский детектив, также известный под прозвищем Да Ши

Чан Вэйсы – генерал-майор Народно-освободительной армии Китая

Шэнь Юйфэй – японка, физик, член общества «Рубежи науки»

Вэй Чэн – муж Шэнь Юйфэй, гениальный математик, изобретатель

Пань Хань – биолог, друг/знакомый Шэнь Юйфэй и Вэй Чэна, член общества «Рубежи науки»

Ша Жуйшань – астроном, один из студентов Е Вэньцзе

Майк Эванс – наследник нефтяного магната

Стентон – полковник морской пехоты США, руководитель операции «Гучжэн»

Часть I

Безмолвная весна

Глава 1

Годы безумия

Китай, 1967 год

Уже второй день Красный союз вел осаду штаба Бригады Красной охраны имени Двадцать восьмого апреля. Вокруг осажденного здания неустанно реяли красные флаги, словно костры, постоянно жаждущие дров.

Командира Красного союза снедала тревога, но не из-за противника: две жалкие сотни хунвэйбинов² из Бригады имени Двадцать восьмого апреля были просто молокососами по сравнению с бойцами Красного союза, основанного в 1966 году, в самом начале Великой Пролетарской Культурной революции. Хунвэйбины Красного союза, принимавшие участие в революционных походах по всей стране и видевшие выступления Председателя Мао на площади Тяньаньмэнь, были опытными и закаленными бойцами.

И все же их командир боялся. Он боялся двух десятков чугунных печек внутри здания, начиненных взрывчаткой и соединенных общим электрическим детонатором. Он не ви-

² Хунвэйбины – буквально «красные охранники» – отряды молодежи, сформированные в Китае в 1966 г., в период так называемой «культурной революции», отличавшиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, а также невероятной жестокостью по отношению к людям и правам человеческой личности. – *Прим. перев.*

дел, но чувствовал их, как железо ощущает притяжение магнита. Если кто-то из осажденных переключит рубильник, в гигантском взрыве погибнут все – и революционеры, и контрреволюционеры.

А юнцы из Бригады имени Двадцать восьмого апреля и правда были способны на такое безумие. В отличие от суровых мужчин и женщин первого поколения хунвэйбинов эти бунтовщики были как стая бешеных волков на раскаленных углях.

Внезапно на крыше здания возникла тонкая фигурка красивой девушки с огромным красным знаменем Бригады в руках. Ее появление было встречено какофонией выстрелов. Оружие у нападавших было самое разнообразное: от устаревших американских карабинов, чешских автоматов и японских ружей 38-го калибра до новейших винтовок и пулеметов, принятых на вооружение в Народно-освободительной армии Китая и украденных из ее арсеналов после публикации «Августовской передовицы»³. Здесь были даже копья и китайские мечи – дадао. Вся современная история в сжатом изложении.

³ Имеется в виду статья, напечатанная в августе 1967 г. в журнале «Красный флаг», важном источнике пропаганды во время «культурной революции». Статья призывала «очистить нашу армию от горстки [контрреволюционеров]». Многие хунвэйбины истолковали это как завуалированный призыв к захвату арсеналов НОАК, что способствовало разжиганию междоусобных войн локального масштаба между различными фракциями хунвэйбинов (Красной охраны). – *Прим. К. Л.*

Члены Бригады и раньше устраивали подобные «показательные выступления». Они взбирались на крышу, размахивали флагами, выкрикивали в мегафон лозунги, осыпали нападающих листовками... Как правило, храбрецы, среди которых были как мужчины, так и женщины, успевали скрыться от града пуль, заслужив почет и славу за свой подвиг.

Девушка на крыше, очевидно, не сомневалась, что ей это тоже удастся. Она размахивала боевым знаменем, рдеющим, словно ее пламенная юность, и свято верила, что враги сгорят дотла в огне революции, что завтра из пыла и жара ее крови родится новый, совершенный мир. Девушку опьяняла эта сияющая алая мечта... но тут ее грудь пронзила пуля.

Ее пятнадцатилетнее тело было так нежно, что пуля прошла его насквозь, не задержавшись ни на мгновение. Юная воительница и ее знамя полетели с крыши; легкая фигурка, казалось, падала медленнее, чем красное полотнище, – словно птичка, не желающая покидать небо.

Бойцы Красного союза завопили от радости. Они ринулись к зданию, подхватили худенькое безжизненное тело девушки и вырвали знамя из ее рук. Воздев трофеи над головами, они некоторое время торжествовали, а потом швырнули погибшую на ворота, ведущие во двор комплекса.

Большинство металлических прутьев, из которых состояли ворота, исчезло – их сорвали еще в начале межфракционных войн, чтобы использовать как копья, – но пара еще держалась. Тело девушки нанизалось на их острия. Некоторым

в этот момент показалось, будто оно, дернувшись, на мгновение вернулось к жизни.

Хунвэйбины из Красного союза немного отошли и принялись упражняться в стрельбе, используя труп в качестве мишени. Для погибшей свинцовый шквал был все равно что легкий дождик, поскольку она больше ничего не чувствовала. Ее безжизненные руки, тонкие словно прутыки, изредка вздрагивали под пулями, будто под каплями дождя.

А потом ей снесло половину лица. Ее прекрасный глаз одиноко смотрел в голубое небо 1967 года. Во взгляде не было боли, только преданность делу и решимость.

И все же по сравнению с другими девушка была счастливой. Она, во всяком случае, погибла славной смертью, пожертвовав жизнью за идею...

* * *

Такие бои полыхали по всему Пекину, словно множество параллельно работающих процессоров, на выходе у которых была «культурная революция». Безумие затопило город, насилие проникло во все его углы и закоулки.

На окраине города, на спортплощадке Университета Цинхуа в присутствии нескольких тысяч человек уже часа два шел «митинг борьбы»⁴. Это массовое мероприятие имело

⁴ «Митингами борьбы», или, в другом варианте перевода, «собраниями кри-тики», называли собрания, призванные «перевоспитать» преподавателей в ду-

целью с помощью оскорблений и пыток унижить и сломить врагов революции, заставить их публично покаяться в своих преступлениях.

Фракции внутри революционного движения, раздираемого идеологическими противоречиями, постоянно враждовали между собой. В университете не прекращались напряженные конфликты между Красной охраной, «Рабочей группой культурной революции», «Агитбригадой рабочих» и «Агит-

хе революции. По существу, это были публичные издевательства студентов-хунвэйбинов над преподавателями. Вот что пишет о них в своей книге «Дикие лебеди» Юн Чжан, живая свидетельница «культурной революции»: «...«Митинги борьбы» стали одной из главных примет «культурной революции». На них исторически орали и редко обходились без рукоприкладства. Возглавлял движение Пекинский университет, под личным присмотром Мао. На первом же митинге 18 июня били, пинали, поставили на многие часы на колени более шестидесяти профессоров и деканов, и даже ректора. На головы им надели дурацкие колпаки с издевательскими надписями, лицо вымазали черными чернилами (черный – цвет зла), все тело обклеили лозунгами. Каждую из жертв, заломив ей руки за спину с такой силой, словно хотели их вывихнуть, толкали вперед двое студентов. Эта поза, называемая «реактивный самолет», вскоре стала характерной чертой «митингов борьбы» по всей стране. Однажды хунвэйбины из нашего класса позвали меня на митинг. В жаркий летний полдень меня била дрожь: на спортплощадке, на помосте я увидела десяток учителей со склоненными головами и руками в позе «реактивный самолет». Потом одних пнули под колени и приказали на них встать, других, включая моего пожилого учителя английского языка с манерами джентльмена, поставили на длинные узкие скамьи. Он не удержался, покачнулся, упал и расшиб об острый край лоб. Стоявший рядом хунвэйбин машинально нагнулся и протянул ему руки, но тут же выпрямился, сжал кулаки, принял преувеличенно суровый вид и закричал: «Быстро на скамью!» Юноша явно не хотел показаться мягким к «классовому врагу». Кровь текла по лбу учителя и запекалась на его щеке». (Перев. Р.Г. Шапира). – *Прим. перев.*

бригадой военных». Вдобавок сами фракции делились на группы, каждая из которых имела свою социальную основу и программу. Все это вело к еще более ожесточенной борьбе.

Жертвами сегодняшнего мероприятия были реакционные буржуазные преподаватели. Будучи врагами для всех фракций, они были вынуждены отбиваться от яростных атак со всех сторон.

Преподаватели-реакционеры отличались от прочих «чудищ и демонов»⁵: на «митингах борьбы» в начале «культурной революции» они вели себя упрямо и вызывающе. Именно на этой стадии погибли очень многие из них. За сорок дней в одном только Пекине были забиты насмерть тысяча семьсот человек. Другие, такие как Лао Шэ, У Хань, Цзянь Боцзань, Фу Лэй, Чжао Цзючжан, И Цюнь, Вэнь Цзе, Хай Мо и другие некогда уважаемые интеллектуалы, выбрали более легкий путь, уйдя из жизни по собственной воле⁶.

Те же, кто выжил после первой стадии, постепенно теряли чувствительность к нескончаемым издевательствам. Ментальная броня помогала им не сломаться физически. Зачастую во время судилищ эти люди, казалось, впадали в про-

⁵ «Чудища и демоны» – так вслед за Мао хунвэйбины именовали контрреволюционеров. – *Прим. перев.*

⁶ Перечислены только некоторые из самых знаменитых ученых, покончивших жизнь самоубийством во время «культурной революции»: писатели И Цюнь и Лао Шэ, историки У Хань и Цзянь Боцзань, критик и переводчик Фу Лэй, метеоролог и геофизик Чжао Цзючжан, поэт Вэнь Цзе, сценарист и романист Хай Мо. – *Прим. К. Л.*

страцию, и, чтобы привести их в чувство, мучители орали им в лицо. Тогда истязаемые, очнувшись, машинально повторяли свои признания, и до того уже произнесенные бесчисленное количество раз.

Дальше для некоторых наступала третья стадия. Бесконечные внушения отравляли им мозг до тех пор, пока их умы, возвращенные на знаниях и логике, не уступали натиску. Жертвы начинали верить, что и правда виновны, проникались осознанием того, какой тягчайший вред они нанесли великому делу революции. Их слезы были более искренними, а раскаяние – более глубоким, чем у тех «чудищ и демонов», которые не принадлежали к интеллектуальной элите.

Хунвэйбинам было неинтересно иметь дело с жертвами на последних двух стадиях. Они получали удовольствие от страданий только тех «чудищ и демонов», что находились на первой стадии; такие были для них как красная тряпка для быка. Но этих желанных жертв становилось все меньше. В Цинхуа остался, возможно, только один такой человек, и потому его, словно изысканное лакомство, приберегли на конец мероприятия.

Е Чжэтяо до сих пор удавалось оставаться в живых, но он застрял на первой стадии, то есть не собирался каяться, впадать в прострацию или кончать жизнь самоубийством. Когда профессор физики всходил на помост перед толпой, на лице его было ясно написано: «Пусть крест, который я несу, ста-

нет еще тяжелее»⁷.

Хунвэйбины и в самом деле навьючили на него тяжкое бремя, но это был не крест. В то время как на других «подсудимых» надевали дурацкие колпаки из бамбука, на Е Чжэтая напялили колпак из толстых стальных прутьев. И на груди у него висела не деревянная табличка, как у остальных. Ее заменяла чугунная дверца, снятая с лабораторной печи. На дверце большими черными иероглифами было написано имя профессора, и две красные полосы перечеркивали его крест-накрест.

На помост Е сопровождало в два раза больше конвоиров, чем у других жертв, – двое юношей и четыре девушки. Юноши, студенты-физики четвертого курса, шагали уверенно и целеустремленно, как истинные образцы зрелой большевистской молодежи. Е был их профессором. Девушки, вернее, совсем еще девочки, учились во втором классе неполной средней школы при университете⁸. Одетые в военную форму с патронташами, они так и лучились юношеским задором. Девочки окружили Е Чжэтая, словно четыре языка

⁷ Специально для скептиков: переводчик выяснил у тех, кто читал роман по-китайски, что Лю Цысинь действительно употребляет именно это выражение. – *Прим. перев.*

⁸ В образовательной системе Китая после шести классов начальной школы следуют три класса неполной средней и три класса полной средней школы (*эту последнюю еще называют старшей школой или гимназией – устоявшегося термина нет*). Во время «культурной революции» двенадцать лет сократили до девяти и десяти – в зависимости от провинции или муниципалитета. В данном случае девушкам-конвоирам по четырнадцать лет. – *Прим. К. Л.*

зеленого пламени.

Толпа пришла в возбуждение. Скандирование лозунгов, до этого слегка ослабевшее, возобновилось с прежней силой. В криках, поднявшихся, словно цунами, утонули все остальные звуки.

Терпеливо дождавшись, пока шум утихнет, один из хунвэйбинов обратился к жертве:

– Е Чжэтай, ты эксперт в механике. Тебе должна быть очевидна величина совокупной силы, которой ты противостояшь. Если будешь упрямиться по-прежнему, гибели тебе не избежать! Сегодня мы продолжим с того, на чем остановились в прошлый раз. Ни к чему попусту расходовать слова. Отвечай на вопрос без своих обычных уловок. В 1962–1965 годах ты по собственной воле, не спрашивая разрешения, добавлял теорию относительности к вводимому курсу физики. Это так?

– Теория относительности – одна из фундаментальных физических теорий, – ответил Е. – Разве можно исключать ее из элементарного обзорного курса?

– Лжешь! – воскликнула одна из девочек. – Эйнштейн – реакционный ученый. Он служил всякому, кто звенел перед ним золотом. Он даже сбежал к американским империалистам и помогал им конструировать атомную бомбу! Чтобы развивать революционную науку, нам необходимо повергнуть теорию относительности, это черное знамя капитализма! – Она была самая умная из четырех хунвэйбинок и хо-

рошо подготовилась, заранее вызубрив сценарий.

Е молчал. Все его силы уходили на борьбу с мучениями, причиняемыми стальным колпаком и чугунной плитой, ви-сящей на шее; у него не оставалось энергии, чтобы отвечать на вопросы, не заслуживавшие ответа.

Но с таким, как Е Чжэтай, одних только лозунгов мало. Хунвэйбины решили применить новое оружие. Один из сту-дентов подал знак кому-то в толпе, и из первого ряда под-нялась жена Е, профессор физики Шао Линь. Она вышла на помост, одетая в мешковатый зеленый костюм, явно под-ражающий военной форме хунвэйбинов. Те, кто знал Шао Линь, помнили, что она нередко читала лекции в элегантном ципао⁹. Нынешний наряд был ей совсем не к лицу.

– Е Чжэтай! – К подобной аудитории она была непривыч-на, поэтому, пытаясь кричать, добилась лишь того, что голос ее дрожал сильнее обычного. – Ты, конечно, не рассчитывал, что я начну изобличать тебя?! Да, в прошлом тебе удалось ввести меня в заблуждение! Ты затуманил мой разум своими реакционными взглядами на мир и науку! Но теперь я все осознала! Больше тебе меня не обмануть! С помощью рево-люционной молодежи я стану на сторону правого дела, на сторону народа!

Она повернулась к зрителям:

⁹ Ципао – красивое шелковое платье, модель которого разработана в Китае еще в 30-е годы прошлого века, но популярное до сих пор, и не только в Китае. – *Прим. перев.*

– Товарищи революционные студенты и революционные преподаватели, мы все должны четко осознавать реакционный характер теории Эйнштейна. Особенно сильно он проявляется в общей теории относительности: статическая модель Вселенной отрицает динамический характер материи. Эта теория противоречит диалектике! Она рассматривает Вселенную как ограниченную, замкнутую. Это самый заско-рузный идеализм!..

Слушая выступление жены, Е лишь горько усмехался. «Линь, значит, я ввел тебя в заблуждение? На самом деле это ты всегда была для меня загадкой. Как-то раз я выразил свое восхищение твоим талантом, но твой отец (какое счастье, что он давно умер и не видит этого позора!) покачал головой и сказал, что ты вряд ли достигнешь больших высот в науке. Его следующие слова оказались пророческими: «Линьлинь слишком сообразительна. Чтобы заниматься фундаментальной наукой, нужно быть тупицей».

Лишь в последние годы смысл его слов стал мне ясен. Линь, ты и правда слишком сообразительна. Уже несколько лет назад ты почувствовала, откуда ветер дует, и начала готовиться. Например, в своих лекциях ты изменила названия многих физических законов и констант: закон Ома называла законом сопротивления, уравнения Максвелла – электромагнитными уравнениями, постоянную Планка – квантовой постоянной... Ты вдалбливала студентам, что все научные достижения – это результат мудрости пролетарских

масс, а эти просвещенные приспешники капиталистов лишь присвоили себе их плоды, дав им свои имена.

Однако и тогда большинство «товарищей» не желало признавать тебя своей. Посмотри на себя: тебе даже сейчас не позволяют носить красную нарукавную повязку «революционных преподавателей»; ты была вынуждена прийти сюда с пустыми руками, без права держать в них «маленькую красную книжицу»... Ты родилась в знатной семье дореволюционного Китая, твои родители – знаменитые ученые. Этот грех не простится тебе никогда.

Что касается Эйнштейна, тут ты могла бы порассказать гораздо больше меня. Зимой 1922 года Эйнштейн приезжал в Шанхай. Твой отец бегло разговаривал по-немецки, поэтому его попросили сопровождать приезжую знаменитость. Ты много раз говорила мне, что твой отец занялся физикой под влиянием Эйнштейна, а ты выбрала ту же науку по примеру отца, так что Эйнштейна можно в некотором роде считать твоим учителем. Когда-то ты была этим горда и счастлива.

Позже я узнал, что отец скормил тебе сладкую ложь. У них с Эйнштейном состоялась только одна очень короткая беседа. Утром 13 ноября 1922 года он сопровождал Эйнштейна на прогулке по Нанкинской улице. С ними были и другие: Юй Южэнь, ректор Шанхайского университета, и Цао Губин, главный редактор газеты «Дагунбао». На дороге шел ремонт. Эйнштейн остановился около рабочего, который разбивал камни, и некоторое время молча смотрел на него. На

парне были старые лохмотья, лицо и руки в грязи. Эйнштейн осведомился у твоего отца, сколько этот рабочий зарабатывает за день. Твой отец спросил парня, а затем ответил: пять центов.

Это был единственный раз, когда твой отец разговаривал с научным светилом, изменившим мир. Не было никаких дебатов ни о теории относительности, ни о физике вообще – лишь холодная, суровая реальность. По словам твоего отца, услышав ответ, Эйнштейн долго стоял и наблюдал за размеренными, механическими движениями рабочего, забыв про свою трубку, из которой просыпался пепел. Твой отец сам рассказал мне об этом. А потом добавил: «В Китае любая мысль, дерзнувшая воспарить в небеса, обречена упасть на землю. Тяготение реальности слишком сильно».

– Голову вниз! – выкрикнул один из конвоиров. Все, кто подвергался общественной критике, должны были униженно гнуть шею. Возможно, этот окрик был проявлением милосердия со стороны бывшего студента: стоит профессору склониться – и железный колпак упадет; если при этом Е продолжит стоять согнувшись, то не будет и повода снова надевать на него орудие пытки. Но профессор держал голову высоко, отказываясь смириться. И как только его тонкая шея выдерживала такую тяжесть?

– Голову вниз, строптивый реакционер! – Одна из девочек сдернула с себя ремень и хлестнула профессора. Медная пряжка угодила жертве в лоб, оставив глубокую ссадину, ко-

торая тут же начала сочиться кровью. Е покачулся, но удержался на ногах и гордо выпрямился.

Один из хунвэйбинов сказал:

– Ты и в квантовую механику подбавлял немало реакционных идей! – Он кивнул Шао Линь, призывая ее продолжать.

Та с готовностью подчинилась. Собственно, у нее не было выбора, иначе ее хрупкий разум, и без того балансирующий на грани безумия, взорвался бы.

– Е Чжэтай, тебе нечего возразить на это обвинение! Ты постоянно вдалбливал в головы студентов реакционную копенгагенскую интерпретацию квантовой механики!

– Эта гипотеза признана как наиболее соответствующая экспериментальным данным. – Его тон, спокойный и собранный, удивил и напугал Шао Линь.

– Эта гипотеза постулирует, что внешнее наблюдение ведет к коллапсу волновой функции! Еще одно утверждение из области реакционного идеализма, причем до крайности наглое!

– Философия направляет эксперименты или эксперименты определяют философию? – Контратака Е застала экзекуторов врасплох. На несколько мгновений они растерялись.

– Конечно же, истинная философия, философия марксизма, должна направлять научные эксперименты! – наконец ответил один из хунвэйбинов.

– Тогда это эквивалентно утверждению, будто истина па-

дает с неба. Это противоречит тезису, гласящему, что истина познается опытным путем, то есть противоречит марксистскому методу понимания законов природы.

Шао Линь и оба студента-хунвэйбина не нашли что ответить. В отличие от девочек – учениц неполной средней школы, они не могли совсем уж игнорировать логику.

Зато у четырех малявок имелись свои радикальные революционные методы, против которых, как они полагали, никто не устоит. Та, что ударила Е, размахнувшись, хлестнула ремнем еще раз. Остальные девочки тоже сняли ремни. Поскольку их соратница продемонстрировала столь яростное революционное рвение, им надлежало выказать еще большее или хотя бы такое же. Юноши не останавливали их, потому что, если бы они вмешались, их могли бы посчитать недостаточно революционными.

– Ты также преподавал теорию Большого взрыва. Это самая реакционная из всех научных теорий! – проговорил один из них, пытаясь сменить тему.

– Возможно, в будущем эта теория и будет опровергнута. Но два великих космологических открытия двадцатого века – закон Хаббла и космическое микроволновое фоновое излучение – доказывают, что теория Большого взрыва на данный момент наиболее правдоподобно объясняет происхождение Вселенной.

– Ложь! – выкрикнула Шао Линь и пустилась в длительные рассуждения об упомянутой теории, не забывая встав-

лять острые критические замечания относительно ее реакционного характера. Но свежесть этой гипотезы импонировала самой развитой из девочек, и она не могла не поинтересоваться:

– Время началось с исходной точки? А что же было до этого?

– Ничего, – ответил Е, как ответил бы на вопрос каждого любознательного молодого человека. Он повернулся и доброжелательно взглянул на девочку. Ему, израненному и с железным колпаком на голове, это движение далось с огромным трудом.

– Ни... ничего? Но это же реакционно! Просто махровая реакция! – спохватилась перепуганная девочка. Она бросила взгляд на Шао Линь, которая кивнула и с готовностью пришла ей на помощь:

– Эта теория оставляет место для Бога.

Юная хунвэйбинка, озадаченная новыми для нее идеями, наконец нащупала опору под ногами. Она наставила на Е руку с зажатым в ней ремнем:

– Ты хочешь сказать, что Бог существует?

– Я не знаю.

– Что?!

– Я говорю, что не знаю. Если под Богом ты подразумеваешь некое сверхсознание за пределами Вселенной, то я не знаю, существует оно или нет. Наука не дает доказательств ни за, ни против.

На самом деле в этот кошмарный момент своей жизни Е склонялся к мысли, что Бога нет.

Услышав это крайне реакционное заявление, публика взволновалась, зашумела и, следуя примеру одного из хунвэйбинов на помосте, снова разразилась лозунгами:

- Долой ученого-реакционера Е Чжэтая!
- Долой всех преподавателей-реакционеров!
- Долой контрреволюционные доктрины!

Как только волна криков улеглась, девочка провозгласила:

– Бога нет! Все религии – это орудия, изобретенные правящими классами для порабощения воли народа!

– Это очень однобокий подход, – спокойно парировал Е.

Юная хунвэйбинка, смущенная и рассерженная, пришла к выводу, что против такого опасного врага словесные аргументы бессильны. Она подняла ремень и снова накинулась на Е. Три ее товарки последовали за ней. Профессор был высок ростом и по-прежнему стоял выпрямившись; чтобы попасть ему по лбу, четырнадцатилетним девчонкам приходилось хлестать ремнями снизу вверх. После нескольких первых ударов железный колпак, который хоть немного, но все-таки защищал его, свалился, а вскоре под обрушившимися на него ударами медных пряжек упал и сам Е.

Девочки, воодушевленные успехом, с еще большим усердием отдались своему славному занятию. Они боролись за веру, за идеалы. Их пьянил яркий свет, который бросала на них история, они гордились своей храбростью...

Два студента Е в конце концов вмешались и прекратили расправу.

– Председатель Мао советует нам больше полагаться на убеждение, чем на силу! – Они оттащили вошедших в раж девчонок от профессора.

Но было поздно. Физик безмолвно лежал в багровой луже, его невидящие глаза были открыты. Возбужденная толпа застыла в молчании. Единственное, что двигалось, – это ручеек крови. Словно алая змея, он медленно извивался по помосту, добегал до края и падал на подставленный внизу ящик. Ритмичный стук падающих капель был похож на звук шагов – как будто кто-то уходил отсюда...

Тишину нарушил резкий смех. Смеялась Шао Линь, разум которой в конце концов не выдержал. Присутствующие содрогнулись. Толпа начала расходиться, сперва по одному, потом широким потоком. Спортплощадка опустела, и около помоста осталась только одна девушка.

Это была Е Вэньцзе, дочь Е Чжэтая.

Во время расправы над отцом она порывалась выскочить на помост, но два старых университетских уборщика удерживали ее, шепча ей на ухо, что если она поднимется туда, ее постигнет судьба отца. «Митинг борьбы» превратился в сцену коллективного помешательства, и появление Вэньцзе на помосте привело бы только к еще большему разгулу насилия. Она кричала и кричала, но в громовых раскатах лозунгов и одобрительных возгласов ее никто не слышал.

Когда настала тишина, Вэньцзе уже не была в состоянии издать ни звука. Она лишь молча смотрела на безжизненное тело отца, и мысли, которые она не могла высказать, ушли в самую глубь ее души, растворились в крови, где остались до конца ее дней. Толпа разошлась, а Вэньцзе так и стояла, будто окаменевшая, продолжая сохранять ту позу, в которой ее еще недавно удерживали два старых уборщика.

Прошло довольно много времени, прежде чем она опустила руки, медленно взошла на помост, присела около отца и взяла его похолодевшую руку. Она сидела, уставив в никуда пустой взгляд, а когда за телом пришли, вытащила из кармана и вложила в ладонь отца его любимую трубку.

Вэньцзе тихо покинула спортплощадку, совсем пустую, если не считать оставленного толпой мусора, и направилась домой. Подойдя к жилому корпусу преподавательского состава, она услышала взрывы безумного хохота, доносящиеся из окна второго этажа, где располагалась их квартира. Это смеялась женщина, которую Вэньцзе когда-то называла матерью.

Ее развернула и пошла прочь, не задумываясь о том, куда ведут ее ноги.

Они привели ее к двери профессора Жуань Вэнь. В течение четырех лет учебы Вэньцзе в университете профессор Жуань была не только ее наставницей, но и другом. Она оставалась им и в течение двух лет магистратуры, когда Е специализировалась в астрофизике, и в последующем хаосе

«культурной революции». Профессор Жуань была ее самым близким человеком, не считая отца.

Жуань училась в Кембриджском университете. Вэньцзе очень любила бывать в ее доме, полном прекрасных, удивительных вещей. Чего там только не было: редкие книги, картины и пластинки, завезенные из Европы; рояль; коллекция курительных трубок на изящной деревянной подставке – одни из средиземноморского вереска, другие из турецкой пенки... Каждая из этих трубок, казалось, была проникнута мудростью их владельца, человека, который давным-давно, погрузившись в мысли, держал ее в руке или зажимал в зубах мундштук. Жуань никогда не упоминала имени этого мужчины. Трубка, которую курил отец Вэньцзе, была ее подарком.

Когда Вэньцзе требовалось скрыться от бурь окружающего мира, этот уютный, теплый дом служил ей убежищем... но это было до того, как дом Жуань обыскали хунвэйбины и забрали себе ее сокровища. Как и отец Вэньцзе, Жуань подверглась издевательствам со стороны Красной охраны. На «митинге борьбы» хунвэйбины повесили ей на шею пару туфель на тонком высоком каблуке и размалевали лицо губной помадой, чтобы показать всем, какой развратный капиталистический образ жизни ведет профессор Жуань.

Вэньцзе толкнула дверь, вошла и увидела, что беспорядка, который оставили после себя хунвэйбины, больше нет. Сорванные со стен картины склеены и развешаны по местам;

разбитый рояль, хотя и безнадежно испорченный, натерт до блеска; несколько оставшихся книг аккуратно расставлены по полкам...

Жуань сидела за письменным столом с закрытыми глазами. Вэньцзе подошла и осторожно прикоснулась к ее лицу и рукам – они оказались холодными. Еще только войдя в дверь, девушка заметила на столе пустую склянку из-под таблеток...

Она некоторое время постояла в молчании. Затем повернулась и пошла к выходу. Она больше не чувствовала скорби. Вэньцзе стала как счетчик Гейгера, зашкаливший от слишком сильной радиации: не способный к измерениям, он молчит и ничего не может показать.

Но на самом пороге Вэньцзе обернулась и окинула комнату взглядом в последний раз. Она заметила, что профессор Жуань перед смертью позаботилась о своей внешности: на губах ее была яркая помада, на ногах – туфли на тонком высоком каблуке.

Глава 2

«Безмолвная весна»

Два года спустя, хребет Большой Хинган

«Поберегись!»

За возгласом последовал треск, и могучая даурская лист-

венница, массивная, как колонна Парфенона, рухнула на землю. Е Вэньцзе ощутила, как дрогнула почва под ногами.

Орудую топором и пилой, она принялась очищать ствол от ветвей. Каждый раз, проделывая эту работу, она чувствовала себя так, будто обрубает руки-ноги мертвому великану. Иногда ей даже казалось, что этот великан – ее отец, и тогда в ней просыпались воспоминания о той страшной ночи, когда она обмывала его тело в морге. Сучки и трещины в древесине казались рубцами и ранами на теле ее отца.

Больше ста тысяч человек – шесть дивизий и сорок один полк Производственно-строительного корпуса – рассыпались по необозримым степям и лесам Внутренней Монголии. Многие из «образованной молодежи» – студенты, лишённые возможности продолжать учебу, – покинули города и прибыли в эти негостеприимные места, движимые романтической жадой подвига: как только танковые соединения советских империалистов-ревизионистов пересекут китайско-монгольскую границу, они, молодые бойцы, возьмут оружие и встанут живым щитом на их пути. Собственно, такова и была стратегическая цель создания Производственно-строительного корпуса.

Однако война, которой они так жаждали, была словно горы по ту сторону степи: видны четко, но недостижимы, как мираж. Поэтому им пришлось удовлетвориться расчисткой полей, выпасом скота и лесоповалом.

Вскоре молодые мужчины и женщины, когда-то потратив-

шие немало юношеской энергии на паломничество к священным местам революционной славы, обнаружили, что по сравнению с необъятным небом и просторами Внутренней Монголии самые великие города Китая – лишь тесные овечьи загоны. Здесь, посреди бесконечных холодных чащ и покрытых травой лугов, их революционный пыл расходовался впустую. Даже если бы все бойцы Корпуса изошли кровью, она остыла бы быстрее, чем кучка коровьего навоза, и пользы от нее было бы не больше. Но такова была судьба этого поколения – вспыхнуть и сгореть в пламени революции. Под их бензопилами холмы, покрытые необозримыми лесами, превращались в голые бугры. Под их тракторами и комбайнами бескрайние степи становились сначала хлебными полями, а затем пустынями.

Е Вэньцзе уничтожение лесов, которому она была живым свидетелем, казалось безумием. Величественные даурские лиственницы, вечнозеленые сосны, стройные белые березы, высоченные, под облака, корейские осины, ароматные сибирские кедры, а вместе с ними и черные березы, дубы, горные ясени и чозении – под топор шло все, на что падал взгляд. Сотни бензопил гудели, словно туча стальной саранчи. Там, где проходили товарищи Е Вэньцзе, из земли торчали лишь пни.

Поваленную даурскую лиственницу, лишенную ветвей, оставалось только прицепить к трактору. Е осторожно провела ладонью по свежему спилу. Она часто так делала – слов-

но спил был огромной раной и она могла почувствовать боль дерева. Внезапно она заметила, как чья-то другая рука гладит пень убитой лиственницы. Рука дрожала, выдавая сердце, бьющееся в такт с ее собственным. Несмотря на белизну и изящество, ладонь явно принадлежала мужчине.

Вэньцзе подняла глаза и увидела Бай Мулия – маленького, хрупкого человека в очках, корреспондента газеты Корпуса «Новости Великой стройки». Он прибыл позавчера, чтобы собрать материал об отряде, в котором состояла Вэньцзе. Она читала его статьи, написанные прекрасным стилем, тонкие и прочувствованные, совсем не соответствующие грубым реалиям здешней жизни.

– Ма Ган, идите-ка сюда! – позвал Бай молодого человека, возившегося неподалеку. Ма был здоровяк, грудь колесом, могучий, как та даурская лиственница, которую он только что свалил. Когда он подошел, Бай спросил:

– Сколько лет этому дереву?

– Так посчитайте кольца. – Ма кивнул на пень.

– Уже посчитал. Больше трехсот тридцати. А сколько времени вам понадобилось, чтобы перепилить ствол?

– Минут десять, не больше. Я ведь управляюсь с пилой быстрее всех в нашем отряде. Да я б в какую команду ни пошел, везде у меня красный флаг. Я передовик! – Ма Ган говорил с гордостью – впрочем, как и все, кто привлекал к себе внимание Бая. Еще бы, такая честь: о тебе напишут в главной газете Корпуса!

– Больше трехсот лет! Дюжина поколений... Это дерево застало еще времена династии Мин! И все эти годы... Вы можете себе представить, сколько бурь оно выдержало, скольким событиям стало свидетелем? А вы свалили его за считанные минуты. Неужели вы ничего не почувствовали?

– А что я должен был почувствовать? – Ма Ган непонимающе уставился на Бая. – Дерево как дерево. Тут их навалом всяких. Есть и постарше этого.

– Совершенно верно. Возвращайтесь к работе. – Бай покачал головой, присел на пень и вздохнул.

Ма Ган тоже покачал головой, разочарованный тем, что у репортера пропал к нему интерес.

– Вечно этой интеллигенции что-нибудь не так, – проворчал он и покосился на Е Вэньцзе, по-видимому, распространяя свое обвинение и на нее.

Ствол потащили. Камни и пеньки сдирали кору, еще больше травмируя и без того израненное тело гиганта. В слое отмершей листвы, накапливавшейся здесь годами, протянулась глубокая борозда, быстро заполнявшаяся водой. От гниющих листьев вода стала красной как кровь.

– Вэньцзе, идите сюда, отдохните. – Бай похлопал ладонью по пню рядом с собой. Е и правда устала. Положив инструменты на землю, она подошла к корреспонденту и села с ним спина к спине.

Последовало долгое молчание. Наконец Бай не выдержал:

– Я знаю, что вы чувствуете. Но, похоже, таких, как мы с

вами, здесь только двое.

Е не отозвалась. Бай и не ожидал ответа. Она была женщиной молчаливой и редко вступала в разговоры. Некоторые новички даже принимали ее за немую.

– Я бывал в этих местах год назад, – продолжал Бай. – Помню, приехал около полудня. Хозяева сказали, что на обед будет рыба. Я обвел хижину взглядом и увидел на огне котелок с водой и больше ничего. Никакой рыбы. А потом, когда вода начала закипать, хозяин взял удочку и вышел. Встал на берегу ручья, протекавшего около хижины, пару-тройку раз забросил крючок и вытянул несколько здоровенных рыбин... Какое изобильное здесь было место! А теперь, если захочешь полюбоваться этим ручьем, ничего не выйдет. Он мертв. Мутная вода в гнилой канаве. Я вот все думаю: чем, собственно, занимается Корпус? Созиданием или разрушением?

– Откуда у вас такие мысли? – тихо спросила Е.

Она не выразила никаких эмоций, но Бай обрадовался, что она вообще заговорила.

– Прочел одну книгу, и она глубоко тронула меня. Вы читаете по-английски?

Она кивнула.

Бай вынул из сумки книгу в голубой обложке. Оглянувшись, не следит ли за ними кто-нибудь, он протянул томик Е.

– Она была опубликована в 1962 году и стала заметным явлением на Западе.

Вэньцзе повернулась на пне и взяла книгу. На обложке было написано: Рэйчел Карсон. «Безмолвная весна».

– Где вы ее взяли? – спросила Е.

– Она привлекла внимание высокого начальства. Было решено распространить ее среди избранных товарищей – только для внутреннего пользования. Мне поручили перевести часть, касающуюся лесов.

Вэньцзе открыла книгу и погрузилась в чтение. В короткой вводной главе автор описывала тихий городок, безмолвно умирающий из-за пестицидов. В простых, безыскусных выражениях автор высказывала свою глубокую озабоченность судьбой городка.

– Я хочу написать руководству в Пекин. Пусть узнают, какие бесчинства творит Строительный корпус, – сказал Бай.

Е подняла голову от книги и некоторое время раздумывала над словами собеседника. Затем, ничего не ответив, снова вернулась к чтению.

– Могу одолжить ее вам. Но будьте осторожны, чтобы никто не увидел. Вы же знаете, что они думают о подобных книгах...

Бай поднялся, еще раз оглянулся вокруг и ушел.

* * *

Сорок лет спустя, в свои последние годы, Е Вэньцзе вспоминала, какое огромное влияние оказала «Безмолвная весна».

на» на ее жизнь.

Книга ограничивалась одной-единственной темой – губительным влиянием чрезмерного использования пестицидов на окружающую среду, однако нарисованная автором картина потрясла Е до глубины души. До сих пор она думала, что пестициды не вредят природе, но книга Карсон показала ей, что пестициды для природы – то же самое, что «культурная революция» для страны: и то, и другое чревато чудовищными разрушениями. Значит, и другая человеческая деятельность, на первый взгляд нейтральная или даже полезная, может оказаться для природы злом?

И тогда в голову Е пришла мысль:

«Что, если отношения между человечеством и злом подобны отношениям между океаном и айсбергом, плавающим на его поверхности? И то, и другое состоит из одного и того же вещества. И если айсберг кажется чем-то совершенно отличным от океана, то это лишь потому, что у него другая форма. В действительности же айсберг есть не что иное, как часть все того же необозримого океана...

Совесть человечества спит, и не стоит рассчитывать, что она когда-нибудь проснется сама по себе. Это так же невозможно, как попытка вытащить самого себя из болота за волосы. Нужна помощь извне».

Эта мысль и определила всю дальнейшую жизнь Е.

Спустя четыре дня она отправилась в отрядное общежитие к Баю, чтобы вернуть книгу. Открыв дверь, она обнаружила, что тот, усталый, весь в грязи и опилках, лежит на кровати. Увидев гостью, Бай с трудом поднялся на ноги.

– Вы сегодня работали на лесоповале? – спросила Е.

– Я ведь давно здесь, в отряде. Нельзя же слоняться повсюду целый день, ничего не делая. Надо работать наравне со всеми. Дух революции, понимаете ли. Я работал у подножия Радарного Пика, где деревья растут особенно густо. Гнилой листвы там столько, что утопаешь по самые колени. Боюсь, как бы не заболеть от тамошних миазмов.

– У Радарного Пика? – опешила Е.

– Да. Корпус получил срочное задание: очистить от деревьев буферную зону вокруг горы.

Радарный Пик был местом, окутанным тайной. Некогда безымянная гора получила свое название из-за размещенной на ее вершине огромной параболической антенны. Вообще-то каждый, у кого была хоть крупица здравого смысла, понимал, что никакой это не радар: хотя ориентация антенны менялась каждый день, тарелка никогда не двигалась непрерывно, как это свойственно радарам. Когда дул ветер, антенна издавала заунывный вой, слышимый издалека.

Сотоварищам Е по отряду было известно, что Радарный

Пик – военная база. По словам местных жителей, когда ее строили три года назад, военное ведомство привлекло множество людей – прокладывать на вершину дорогу и тянуть линию электропередачи. На гору были завезены тонны оборудования. Но после окончания строительства дорогу разрушили, оставив лишь труднопроходимую извилистую тропу. Частенько можно было наблюдать, как на вершину садятся вертолеты, а потом взмывают в воздух и улетают.

Антенна была видна не всегда: при сильном ветре ее складывали.

Но как только антенну полностью раскрывали, в округе начинало твориться нечто необычное: звери беспокоились и подавали тревожные голоса, стаи птиц вдруг ни с того ни с сего вылетали из-под полога леса, а люди страдали от головокружения и тошноты. Вдобавок у тех, кто жил неподалеку от Пика, выпадали волосы. По словам местных жителей, раньше здесь ничего подобного не наблюдалось.

О Радарном Пике рассказывали немало интересного. Однажды антенну раскрыли во время снегопада, и снег моментально перешел в дождь. Но поскольку температура у поверхности земли по-прежнему была ниже нуля, влага на деревьях превратилась в лед. С ветвей свисали гигантские сосульки, и лес стал похож на ледяной дворец. Некоторые ветки ломались под тяжестью льда, и сосульки с громким треском обрушивались на землю. Временами, когда антенна стояла во всей своей красе, среди ясного дня сверкали молнии и

гремел гром, а ночью в небе вспыхивали причудливые огни.

Командиры Строительного корпуса предупредили бойцов, чтобы те держались подальше от Радарного Пика – объект находился под усиленной охраной, и у патрулей был приказ открывать огонь без предупреждения.

На прошлой неделе двое мужчин пошли на охоту. Занятые преследованием оленя, они, не подозревая, куда их занесло, оказались у Радарного Пика, и часовые, несущие вахту на полпути к вершине, начали стрелять. К счастью, лес здесь густой, и охотникам удалось уйти невредимыми, хотя один из них от страха напустил в штаны. На следующий день на отрядном сборе обоим неудачникам объявили выговор. Возможно, именно из-за этого происшествия начальство базы и предписало Корпусу вырубить лес вокруг горы. Итак, база имела право отдавать приказы Корпусу, что говорило о многом...

Бай Мулинь взял книгу из рук Е и спрятал под подушку, откуда вынул несколько убористо исписанных листов бумаги. Он протянул их Вэньцзе.

– Вот черновик моего письма. Не хотите почитать?

– Письма?

– Я говорил вам, что хочу написать центральному руководству в Пекине.

Почерк у Бая был неразборчивый, поэтому Е читала медленно. Письмо содержало много информации и было тщательно аргументировано. Оно начиналось с описания того,

как горы Тайханшань, это место с изобильной и богатейшей природой, превратились в пустыню, и причиной тому было сведение лесов. Затем говорилось о резком и сильном залипании Желтой реки. Завершалось письмо неутешительным прогнозом: деятельность Производственно-строительного корпуса Внутренней Монголии приведет к тяжелейшим экологическим последствиям. Е обратила внимание, что у Бая та же манера изложения, что и в «Безмолвной весне»: четкая, простая и одновременно поэтичная. Несмотря на технический склад ума, Е любила хорошую литературу.

– Это прекрасно, – искренне промолвила она.

Бай кивнул.

– Тогда я отошлю его.

Он взял несколько листов бумаги – переписать текст начисто. Но руки его дрожали так сильно, что он не смог изобразить ни одного иероглифа. Обычное дело у новичков в первые дни работы с бензопилой. Зачастую они не могут удержать в руках миску с рисом, а о том, чтобы что-то написать, и говорить нечего.

– Разрешите вам помочь? – предложила Е и взяла у Бая перо.

– У вас такой красивый почерк, – сказал журналист, взглянув на первый ряд написанных ею иероглифов. Он налил Е стакан воды, при этом руки его тряслись так, что он пролил воду. Е успела отдернуть письмо.

– Вы изучали физику? – спросил Бай.

– Астрофизику. – Е даже не подняла головы. – Кому она теперь нужна...

– Вы изучаете звезды. Разве это может когда-нибудь стать бесполезным занятием? Университеты сейчас открываются заново, но в них нет магистратуры. Посылать на лесоповал таких высокообразованных специалистов, как вы...

Е молча продолжала писать. Ни к чему растолковывать Бая, что для такого человека, как она, попасть в Корпус было величайшей удачей. О своей жизни Е предпочитала не распространяться.

В хижине стало тихо, слышался только шорох пера по бумаге. Е ощущала свежий аромат древесных опилок на одежде Бая. Впервые после смерти отца сердце ее согрелось, и она позволила себе расслабиться, на некоторое время забыв о своей вечной настороженности против всего мира.

Через час все было готово. Е написала на конверте адрес под диктовку Бая и поднялась. Пора прощаться.

Около двери она оглянулась.

– Дайте мне вашу куртку. Я ее постираю. – Е сама поразилась собственной дерзости.

– Что вы, как можно! – Бай потряс головой. – Женщины-бойцы Корпуса работают так же тяжело, как и мужчины. Идите к себе, отдыхайте, вам же утром вставать в шесть! Послушайте, Вэньцзе, послезавтра я возвращаюсь в управление дивизии. Я расскажу о вашем положении руководству. Может, смогу чем-нибудь помочь.

– Спасибо. Но мне и так хорошо. Здесь тихо. – Е взглянула в окно, где виднелся лес, залитый светом луны.

– Вы от чего-то скрываетесь?

– До свидания, – тихо проговорила Е. И ушла.

Бай смотрел, как ее тонкий силуэт растворяется в лунном свете. Затем поднял взгляд на темный лес, на который только что смотрела Е.

Вдали, на вершине Радарного Пика, возвышалась, отличая холодным металлическим блеском, гигантская антенна.

* * *

Как-то вечером недели через три Е Вэньцзе вызвали из лесного лагеря в штаб отряда. Едва переступив порог, она почуяла неладное. Кроме обоих начальников – командира отряда и политического руководителя – здесь присутствовал еще и какой-то незнакомец с суровым лицом. На столе перед ним лежали черный портфель, конверт и книга. Конверт был открыт, а книга оказалась экземпляром «Безмолвной весны».

В те годы у каждого выработалось особое чутье на беду, грозящую со стороны властей. У Е Вэньцзе оно было исключительно острым. Сейчас ей показалось, будто мир вокруг нее стягивается, словно мешок, и душит.

– Е Вэньцзе, это руководитель Чжан из Политуправления дивизии. Он прибыл, чтобы провести расследование. – По-

литрук указал на чужака. – Мы надеемся на твое сотрудничество и полную откровенность.

– Скажите, это вы писали? – спросил Чжан и вытащил из конверта письмо. Е потянулась за ним, но Чжан отвел руку с письмом. Он стал показывать ей страницу за страницей, пока не дошел до последней, которую Е ждала с особым волнением.

Вместо подписи здесь значилось: «Революционные массы».

– Нет, это не я писала. – Вэньцзе помотала головой. Ей стало страшно.

– Но это ваш почерк.

– Да, но я переписала письмо для другого человека.

– Для кого?

Обычно, столкнувшись с несправедливостью, Е избегала открытой конфронтации, страдала молча и старалась не втягивать других в свои проблемы. Но сейчас было совсем другое дело. Она очень хорошо понимала, *что* ей угрожает.

– Я помогла корреспонденту газеты «Новости Великой стройки». Он был здесь несколько недель назад. Его звали...

– Е Вэньцзе! – Глаза Чжана уставились на нее, словно два пушечных дула. – Предупреждаю: не пытайтесь подставить других, это лишь осложнит ваше положение. Мы уже все прояснили с товарищем Бай Мулинем. Он лишь отправил письмо из Хух-Хото по вашей просьбе. Он понятия не имел о его содержании.

– Он... он так сказал? – У Е потемнело в глазах.

Вместо ответа Чжан взял со стола книгу.

– Вы написали письмо, без сомнения, под влиянием этой книги. – Он продемонстрировал томик командиру отряда и политруку. – «Безмолвная весна» была опубликована в Америке в 1962 году и пользуется значительным влиянием на капиталистическом Западе.

Он вынул из портфеля другую книгу – в белой обложке с черными иероглифами.

– Вот перевод на китайский. Руководство распространило его в закрытом кругу избранных товарищей, чтобы они могли дать справедливую критическую оценку. На данный момент руководство уже определило свое отношение к этой книге. Это пропаганда, ядовитая и вредоносная, насквозь проникнутая историческим идеализмом и проповедующая теорию конца света. Переводя стрелки на проблемы окружающей среды, она пытается отвести массам глаза, чтобы трудящиеся не видели, как загнивает капиталистическое общество. Содержание ее крайне реакционно.

– Но эта книга... она не моя...

– Руководство уполномочило товарища Бая сделать перевод. Так что он имел полное право носить с собой эту книгу. Безусловно, он отвечает за то, что недосмотрел и позволил вам украсть ее, пока он принимал участие в работах Корпуса. Вы почерпнули в этой книге интеллектуальное оружие, которое можно использовать в нападках на социализм!

Е Вэньцзе прикусила язык. Она понимала, что упала на дно пропасти. Бороться бесполезно.

* * *

Вопреки утверждениям в последующих исторических публикациях, Бай Мулинь поначалу не собирался подставлять Е Вэньцзе. Письмо, которое он написал в Пекин, было продиктовано искренним чувством ответственности. В те времена многие обращались к центральному руководству за решением самых разных, в том числе и личных проблем. Большинство писем оставалось без ответа, но для некоторых авторов последствия были значительны: одни стремительно взмывали в зенит политического небосклона, для других дело оборачивалось катастрофой. Будучи журналистом, Бай рассчитывал, что ему удастся попасть в струю и при этом избежать подводных камней, однако переоценил свои силы. Его письмо угодило на минное поле, о существовании которого он даже не подозревал. Страх в Бае перевесил порядочность, и, чтобы защитить себя, журналист пожертвовал Е Вэньцзе.

Спустя полвека исследователи сошлись на том, что это событие, произошедшее в 1969 году, изменило течение истории.

Бай совершенно случайно стал ключевой исторической фигурой, но он об этом так никогда и не узнал. Историки

с разочарованием повествуют о его дальнейшей, ничем не примечательной жизни. Он трудился в «Новостях Великой стройки» до 1975 года, когда Производственно-строительный корпус Внутренней Монголии был распущен. Потом его послали работать при Объединении научных работников одного из городов северо-восточного Китая. В начале восьмидесятых он покинул Китай и уехал в Канаду, где преподавал в китайской школе в Оттаве. Умер Бай Мулинь в 1991 году от рака легких. За всю свою жизнь он ни разу не упомянул о Е Вэньцзе, и остается неизвестным, ощущал ли он какое-либо раскаяние или укоры совести за свое предательство.

* * *

– Вэньцзе, в отряде к тебе отнеслись очень по-доброму. – Командир выдохнул густой клуб табачного дыма. Уставив взгляд в пол, он продолжил: – Происхождение у тебя подкачало. Но мы всегда смотрели на тебя как на одного из нас. И политрук, и я много раз беседовали с тобой, предупреждали, что нехорошо отделяться от людей, ставили на вид твою безынициативность и нежелание самосовершенствоваться. Мы искренне хотим тебе помочь. А ты что? Совершаешь такой серьезнейший проступок!

– Я всегда говорил, – подхватил политрук, – что она глубоко ненавидит «культурную революцию»!

– Сегодня же вечером отправьте ее в штаб дивизии вместе

с доказательством ее преступления, – сказал руководитель Чжан с бесстрастным лицом.

* * *

Трех других сокамерниц Е забрали одну за другой; она осталась одна. Уголь, сваленный около стенки кучкой, закончился, но никто не пришел и не пополнил запасы. Огонь в печи давно угас. В камере царил холод, и Е куталась в одеяло.

Еще до наступления темноты ее навестили два ответственных товарища. Старшую, женщину средних лет, ее спутник назвал военным представителем народного суда средней ступени¹⁰.

– Меня зовут Чэн Лихуа, – представилась она. Лет сорока с небольшим; военная форма, очки в толстой оправе. Черты лица утонченные – видимо, в молодости женщина была очень красива. Улыбчивая, она сразу располагала к себе. Е понимала, что для такого высокопоставленного лица навещать заключенного, ожидающего суда, – дело не совсем обычное. Вэньцзе осторожно кивнула Чэн и подвинулась на узкой койке, чтобы та могла присесть.

¹⁰ На этой стадии «культурной революции» большинство народных судов средней и высшей ступени и органы прокуратуры, ответственные за расследование преступлений и ведение судебных дел, находились под контролем военных комиссий. В юридических разбирательствах военный представитель имел решающий голос. – *Прим. автора.*

– Здесь очень холодно. Почему печка не горит? – Чэн бросила осуждающий взгляд на начальника исправительного центра, оставшегося у двери, и повернулась обратно к Е. – Хм, а вы очень молоды. Гораздо моложе, чем я ожидала.

Она опустилась на койку рядом с Е и принялась копаться в своем портфеле, продолжая бормотать:

– Вэньцзе, ты растерянна. Молодежь везде одинакова. Чем больше читаете, тем больше у вас путаница в мозгах. Мда, что тут скажешь...

Наконец она нашла, что искала, и вытащила небольшую стопку бумаг. При взгляде на Е глаза ее наполнились добротой и пониманием.

– Ну да невелика беда. Кто из молодых не совершал ошибок? Я сама такого наворотила... В молодости я была членом творческой бригады при Четвертой армии, пела советские песни. Однажды во время политинформации я ляпнула, что Китаю нужно отказаться от суверенитета и присоединиться к Советскому Союзу на правах союзной республики. Тогда, мол, коммунистический интернационал станет еще сильнее. Как же наивна я была! А кто из нас не был когда-нибудь наивен? Ладно, что сделано, то сделано. Совершив ошибку, важно признать ее и исправить. И вернуться в революцию.

Слова Чэн согрели сердце Вэньцзе. Однако после всего, что ей довелось пережить, она научилась осторожности. Е не отваживалась поверить в чью-либо доброту. Доброта казалась чуть ли не роскошью.

Чэн положила стопку бумаг на постель перед Е и протянула ей ручку.

– Вот, подпиши это. Тогда мы сможем поговорить по душам и преодолеть твои идеологические затруднения. – Она говорила, словно мать, уговаривающая дочку поесть.

Е безмолвно и недвижно смотрела на бумаги. Ручку она не взяла.

Чэн понимающе улыbnулась:

– Ты можешь доверять мне, Вэньцзе. Даю личную гарантию, что этот документ не имеет никакого отношения к твоему делу. Давай, подписывай.

Ее спутник, до сих пор не вмешивавшийся в разговор, строго сказал:

– Е Вэньцзе, представитель Чэн пытается помочь тебе. Ради тебя она проделала огромную работу!

Чэн жестом остановила его.

– Это можно понять. Бедный ребенок! Ты так напугана. Есть товарищи, политическая сознательность которых не на высоте. Некоторые члены Строительного корпуса и кое-кто из народного суда используют слишком грубые методы и ведут себя недостойно. Это никуда не годится! Хорошо, Вэньцзе, почему бы тебе не прочитать документ? Читай, да повнимательнее.

Е взяла бумаги и начала перелистывать их в тусклом свете камерной лампочки. Представитель Чэн не лгала. Документ и правда не имел отношения к ее делу.

Он касался ее отца. В нем излагались его поступки и беседы с разными людьми. Источником информации служила ее младшая сестра, Вэньсюэ. Будучи яркой хунвэйбинкой, она активно «разоблачала» отца, сочиняя бесчисленные доносы с детальным описанием его грехов, что в конечном итоге способствовало его гибели.

Но Е сразу определила, что этот документ написан не ее сестрой. Вэньсюэ была человеком эмоциональным. При чтении ее рапортов создавалось впечатление, будто каждая строка – словно удар хлыста, взрыв петарды. Но этот донос был написан холодной, опытной, аккуратной рукой. Кто с кем говорил, когда, где, что обсуждалось – каждая подробность, каждая дата были точно зафиксированы. На первый взгляд документ был похож на скучный и дотошный канцелярский доклад, однако холодный расчет, скрывавшийся за изложенными сведениями, был совершенно нехарактерен для полудетских сочинений Вэньсюэ.

Е не совсем понимала, о чем в точности говорилось в документе, но подозревала, что дело касается какого-то важного оборонного проекта. Будучи дочерью физика, Е догадывалась, что речь идет о «проекте двух бомб»¹¹, информация о котором потрясла мир в 1964 и 1967 годах.

Это была обычная практика в те времена: чтобы низвергнуть какое-нибудь высокопоставленное лицо, необходимо

¹¹ Таким термином обозначали проекты «596» и «Тест № 6» – успешные испытания китайской атомной и термоядерной бомб соответственно. – *Прим. перев.*

было собрать доказательства его несостоятельности во всех делах, которыми заправлял этот человек. Однако тем, кто задумывал подобные политические махинации, подобраться к «проекту двух бомб» было затруднительно. Люди из самых высоких правительственных кругов взяли проект под свою опеку, чтобы защитить его от нападок приверженцев «культурной революции». Пробраться в эти круги недоброжелателям было очень и очень сложно.

Происхождение отца Вэньцзе не позволило ему принять непосредственное участие в «проекте двух бомб». Все, что он сделал для него, – это некоторые периферийные теоретические исследования. Зато очернить Е Чжэтая было гораздо проще, чем тех, кто работал внутри проекта. Е не могла судить о том, правда или ложь то, что написано в докладе, но не сомневалась, что каждый иероглиф, даже каждый знак препинания наносил ее отцу сокрушительный политический удар. Кроме тех, кого этот документ касался напрямую, его жертвами могли стать и многие другие.

В конце доклада красовались большие иероглифы – подпись ее сестры, а Е Вэньцзе должна была подписаться в качестве свидетеля. Она заметила, что там уже стояли подписи трех других свидетелей.

– Мне ничего не известно об этих разговорах, – тихо сказала Е. Она положила бумаги обратно на постель.

– Как это – тебе неизвестно? Многие из этих разговоров происходили в вашем доме! Твоей сестре известно. Тебе

должно быть тоже!

– Я правда ничего не знаю.

– Но ведь эти разговоры действительно происходили! Неужели ты нам не веришь?

– Я не говорю, что их не было. Я говорю, что ничего о них не знаю. Я не могу это подписать.

– Е Вэньцзе! – Спутник Чэн шагнул вперед, но Чэн вновь остановила его. Она подсела ближе к Е и взяла ее холодную руку в свои.

– Вэньцзе, смотри – я выкладываю все карты на стол. Твое дело можно интерпретировать по-разному. В одном случае мы могли бы приуменьшить твое преступление и свести его к проступку, совершенному молодым, неопытным человеком, одураченным реакционной книжонкой. Можно было бы даже обойтись без суда. Тебя обязали бы ходить на уроки политпросвещения и написать пару самокритичных эссе, после чего ты вернулась бы обратно в Корпус. В другом случае мы могли бы дать твоему делу широкий ход. Вэньцзе, ты должна понимать, что тебя можно объявить активным контрреволюционером. В таких политических делах, как твое, прокуратура и суд склонны относиться к подсудимым суровее, чем необходимо. Потому что чересчур строгое обращение можно списать на чрезмерное усердие, тогда как слишком мягкое – это уже политический просчет. В любом случае решение остается за военной комиссией. Разумеется, все это я говорю тебе совершенно неофициально.

Спутник Чэн добавил:

– Представитель Чэн пытается спасти тебя. Трое свидетелей уже подписались. Отказываться бессмысленно. Я настоятельно советую тебе не упрямиться, Е Вэньцзе.

– Да, Вэньцзе, – согласилась Чэн. – Видеть, как образованная молодая женщина сама разрушает себе жизнь, – мое сердце этого не перенесет. Я действительно хочу спасти тебя. Пожалуйста, не запирайся. Посмотри на меня. Ты считаешь, я способна причинить тебе вред?

Но Е не стала смотреть на Чэн. Перед ее мысленным взором стоял образ отца, истекающего кровью.

– Представитель Чэн, я ничего не знаю о разговорах, описанных в этом документе. Я не могу его подписать.

Чэн умолкла и уставилась на Е долгим, пристальным взглядом. И без того холодный воздух камеры, казалось, начал превращаться в лед. Затем гостя медленно положила бумаги обратно в портфель и встала. Доброе выражение с ее лица не исчезло, оно, по-видимому, приклеилось к нему, как гипсовая маска. Все с тем же мягким и понимающим видом Чэн прошагала в угол камеры, где стояло ведро для умывания, подняла его и спокойными, расчетливыми движениями вылила половину воды на Е, а остальное – на ее одеяло, после чего бросила ведро на пол и вышла из камеры, задержавшись лишь для того, чтобы пробормотать: «Ах ты упрямая тварь!»

Начальник исправительного центра ушел последним. Он

пронзил Е, с которой капала вода, холодным взглядом, потом с грохотом захлопнул дверь и запер замок.

Суровый ветер Внутренней Монголии сжал мокрую и дрожащую Е в своем кулаке. Она слышала, как стучат ее зубы, но в конце концов замер и этот звук. Холод прохватил Вэньцзе до костей, и ее взор затянуло молочно-белой пеленой. Казалось, будто вся Вселенная – огромный кусок льда, и она, Вэньцзе – единственная искорка жизни в ней. Она была маленькой девочкой на грани смерти от холода, и у нее не было даже пары спичек, одни иллюзии...

Постепенно ледяной монолит, заключивший ее, стал прозрачным. Вэньцзе различила перед собой высокое здание. На самом верху какая-то девочка размахивала красным знаменем. Ее тонкая фигурка казалась совсем крошечной по сравнению с огромным полотнищем. Это была Вэньсюэ. С того момента, когда сестра порвала со своей семьей ученых реакционеров, она не давала о себе знать. Совсем недавно Вэньцзе сказали, что Вэньсюэ погибла два года назад в одной из стычек между фракциями хунвэйбинов.

На глазах у Е фигурка, размахивающая флагом, превратилась в Бай Мулия. В его очках отразился охвативший здание огонь. Затем Бай превратился в представителя Чэн, потом в мать Е, Шао Линь, потом в отца. Девочка со знаменем продолжала преображаться, но флаг реял и реял, не переставая, будто вечный маятник, отсчитывающий мгновения ее короткой жизни.

Вскоре флаг превратился в размытое пятно. Все вокруг словно вылиняло. Вэньцзе вновь застыла в самой сердцевине ледяного монолита, заполнявшего Вселенную. Только на этот раз лед был черным.

Глава 3

«Красный берег» I

Е Вэньцзе разбудил громкий, непрерывный гул. Сколько же времени прошло?

Гремело со всех сторон. Не до конца пришедшей в себя Вэньцзе представилась гигантская пила, разрезающая сковавшую ее ледяную глыбу. Вселенную по-прежнему заливала тьма, но звук становился все более и более реальным. В конце концов Е решила, что он исходит не из рая или ада. Она по-прежнему в мире живых.

Е осознала, что глаза ее все еще закрыты. Она с трудом подняла веки, и первым, что увидела, была лампочка в глубокой выемке в потолке, тускло светящаяся сквозь защитную проволочную сетку. Потолок, похоже, металлический?..

Е услышала мужской голос, тихо зовущий ее по имени.

– У вас жар, – сказал мужчина.

– Где я? – Голос Вэньцзе был так слаб, что она не была уверена, чей он – ее или кого-то другого.

– В вертолете.

Слабость охватила Вэньцзе, и, невзирая на рев двигателя,

она задремала, но вскоре снова проснулась. Онемение прошло и уступило место боли. Голова и все тело ныли, дыхание, вырывавшееся изо рта, казалось обжигающе горячим. Горло саднило, и когда Е сглатывала, ощущение было, будто в гортани застрял раскаленный уголек.

Вэньцзе повернула голову и увидела двоих мужчин в расстегнутых шинелях наподобие той, в которой ходила представитель Чэн. Но в отличие от Чэн на обоих были фуражки Народно-освободительной армии с красной звездой над козырьком. Под шинелями Е разглядела военную форму и красные петлицы со знаками различия. Один мужчина носил очки.

Е обнаружила, что ее тоже укрыли шинелью. Одежда на ней была теплая и сухая.

Она попыталась сесть, и, к ее удивлению, ей это удалось. Выглянув в иллюминатор, она увидела медленно проплывающие мимо облака, озаренные ослепительным солнечным светом. Е окинула взглядом тесную кабину, заставленную железными ящиками защитного зеленого цвета. В другом иллюминаторе мелькали тени от винтов. Значит, она действительно в вертолете.

– Лучше бы вам пока не вставать, – сказал мужчина в очках. Он помог ей лечь и снова прикрыл шинелью.

– Е Вэньцзе, эту статью написали вы?

Другой мужчина раскрыл перед ее глазами журнал на английском языке. Заголовок статьи гласил: «О возможности

существования фазовых границ внутри солнечной зоны лучистого переноса и их отражательных характеристиках». Со- беседник показал Е обложку. Это был выпуск «Астрофизи- ческого журнала» за 1966 год.

– Конечно, она. К чему излишние вопросы? – Мужчина в очках забрал журнал и перешел к знакомству: – Это полити- ческий комиссар базы «Красный берег» Лэй Чжичэн. Меня зовут Ян Вэйнин, я главный инженер базы. Мы приземлимся через час. А пока отдыхайте.

«Так вот ты кто – Ян Вэйнин!..» Е была поражена, но не выдала этого ни единым звуком. Лицо Вэйнина сохраня- ло бесстрастность – наверно, он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об их знакомстве. А они были знакомы. Ян проходил магистратуру у Е Чжэтая. Когда он получал диплом, Вэньцзе училась на первом курсе.

Она отчетливо помнила первый приход Яна к ним домой. Он только-только начал учиться в магистратуре, и ему тре- бовалось обсудить с профессором направление исследова- ний. Ян заявил, что хотел бы сосредоточиться на проблемах экспериментальной и прикладной науки. Теория его не при- влекала.

Е Вэньцзе вспомнила, как отец сказал ему:

– Не стану разубеждать вас. Но все же у нас отделение тео- ретической физики. Почему вы не хотите заниматься теори- ей?

– Потому что таковы веяния времени, – ответил Ян. – Я

хочу принести обществу практическую пользу.

Отец возразил:

– Теория – это основа практики. Разве исследование фундаментальных законов природы не принесет обществу самую большую практическую пользу?

Ян помедлил, а затем раскрыл истинную причину своего нежелания:

– В теории легко наделать идеологических ошибок.

На это отцу Вэньцзе было нечего возразить.

Ян был талантлив, имел хорошую математическую подготовку и острый ум. Но на всем протяжении учебы в магистратуре он держался на некотором расстоянии от своего научного руководителя. Е Вэньцзе видела Яна несколько раз, однако не обращала на него особого внимания. А он – обращал ли он внимание на нее? Этого она не знала. Вскоре после получения диплома Ян прекратил всякие отношения с ее отцом.

Снова накатила слабость. Е закрыла глаза. Спутники отошли и, присев за ящиками, продолжали негромко беседовать. Правда, кабина была так тесна, что Е слышала их даже сквозь грохот двигателя.

– Мне по-прежнему не нравится эта затея, – сказал комиссар Лэй.

– Вы можете найти мне специалиста через обычные каналы? – спросил Ян.

– Ну... Я сделал все, что мог. В армии нет никого с такой

специальностью, а если начать искать за ее пределами, это может вызвать много кривотолков. Вы же знаете – уровень безопасности нашего проекта требует, чтобы сотрудник поступил на военную службу. Но это еще не самое страшное. Согласно тем же требованиям безопасности, этот сотрудник будет очень долго находиться на базе в изоляции от окружающего мира. А если у него семья? Ее тоже запирают здесь? Да никто на это не пойдет! Я нашел двоих подходящих кандидатов, но они охотнее останутся в своих школах кадров имени Седьмого мая¹², чем приедут сюда. Конечно, мы могли бы принудить их, но характер нашей деятельности таков, что лучше, когда ученые работают с полной отдачей, а значит, добровольно.

– Тогда другого выхода нет, придется использовать Е Вэньцзе.

– Да, но это так из ряда вон...

– Весь этот проект из ряда вон. Если что-то пойдет не так, я возьму ответственность на себя.

– Инженер Ян, вы вправду полагаете, что такая ответственность вам по плечу? Вы технарь, а «Красный берег» совсем не такой, как другие оборонные проекты. Проблемы, которые он призван решить, выходят далеко за рамки чисто технических.

¹² Во времена «культурной революции» школы кадров имени Седьмого мая представляли собой трудовые лагеря, в которых служащие и интеллигенция находились на «перевоспитании». – *Прим. К. Л.*

– Вы правы, но я умею решать только технические.

* * *

Приземлялись они уже в сумерках.

Е отвергла помощь мужчин и выбралась из вертолета самостоятельно. Сильным порывом ветра ее едва не сбило с ног. Все еще крутящиеся лопасти с громким свистом рассекали воздух. Запах деревьев, принесенный ветром, был ей знаком, как, впрочем, и сам ветер. Ветер гор Большого Хингана.

Вскоре Е услышала другой звук – тихий, низкий, мощный. Казалось, будто вибрирует само мироздание. Это гудела на ветру параболическая антенна. Только сейчас, очутившись к ней вплотную, Вэньцзе осознала масштабы этого сооружения. Итак, жизнь сделала резкий поворот: Е стояла на вершине Радарного Пика.

Она не удержалась и посмотрела туда, где, по ее предположению, находился отряд Корпуса, в котором она работала, но увидела лишь необъятное лесное море, окутанное сумеречным туманом.

Е Вэньцзе была не единственным грузом вертолета. Пришли несколько солдат и начали разгружать ящики, сложенные в кабине. Они сновали туда-сюда, не глядя на Е.

Идя за Яном и Лэем, Вэньцзе отметила, что вершина Радарного Пика представляет собой обширную площадку.

Несколько белых строений сгрудились под гигантской антенной, словно детские кубики. Подойдя к воротам базы, охраняемым двумя часовыми, прибывшие остановились.

Лэй повернулся к Вэньцзе и торжественно проговорил:

– Е Вэньцзе, доказательства вашей контрреволюционной деятельности неоспоримы, и суд наказал бы вас по всей строгости закона. Но сейчас вам предоставляется отличная возможность упорным трудом искупить свои преступления. Вы вправе принять или отвергнуть наше предложение. – Он указал на антенну. – Это научный центр министерства обороны. Для исследований, которые здесь проводятся, необходим специалист вашего профиля. Главный инженер Ян посвятит вас в детали. Советую вам все тщательно взвесить.

Он кивнул Яну и, пропустив солдат, таскающих ящики, прошел на территорию базы.

Ян подождал, пока все уйдут, и отошел от ворот, дав знак Е следовать за ним. Очевидно, он не хотел, чтобы их разговор слышали часовые.

Перестав притворяться, будто они не знакомы, Ян сказал:

– Вэньцзе, выслушайте меня. Вряд ли это можно назвать «отличной возможностью». В военной комиссии при суде я узнал, что, хотя Чэн Лихуа и просила о самом суровом наказании, вам грозит не больше десяти лет. Принимая во внимание смягчающие обстоятельства, вам пришлось бы отсидеть шесть, максимум семь лет. Тогда как здесь... – он кивнул на базу, – научно-исследовательский проект высшего уровня

секретности. Ваше положение таково, что если вы войдете в эти ворота, то, может статься... — он помолчал, словно давая низкому гулу антенны подчеркнуть важность его слов, — не выйдете отсюда до конца жизни.

— Я хочу войти.

Ян удивился ее быстрому ответу.

— Не спешите. Вернитесь в вертолет. Через три часа он взлетит, и если вы откажетесь от нашего предложения, он доставит вас обратно.

— Я не хочу обратно. Пойдемте.

Голос Е оставался мягким, но в нем была слышна железная решимость. Помимо неизведанной страны по ту сторону смерти, из которой никто не возвращается, единственным местом, куда бы ей хотелось сейчас попасть, был этот пик, отрезанный от всего мира. Здесь Е чувствовала себя в безопасности — а это ощущение она уже позабыла.

— Не поступайте опрометчиво! Хорошенько подумайте, к чему может привести ваше решение.

— Я хочу остаться здесь до конца жизни.

Ян опустил голову и ничего не сказал, стоял потупившись, словно давая собеседнице возможность еще раз как следует все обдумать. Е тоже молчала. Она плотнее запахнулась в шинель и устремила взгляд вдаль, туда, где хребет Большой Хинган постепенно окутывался ночной мглой. Нет, дольше торчать на таком холоде нельзя.

Ян заспешил к воротам, как будто хотел убежать от Е.

Но та не отставала. Они вошли внутрь, и тяжелые железные створки с лязгом закрылись за ними.

Пройдя немного в глубь территории, Ян остановился и указал на антенну:

– Это широкомасштабный военный и научный проект. Если мы добьемся успеха, атомная и водородная бомбы покажутся детскими игрушками.

Подойдя к самому большому строению базы, Ян толкнул дверь. Е прочитала надпись над входом: «Центр управления передачами». Они вошли. Е обьял теплый воздух, слегка отдающий машинным маслом. Обширный зал был уставлен разнообразным оборудованием. Повсюду мигали сигнальные лампочки и светились экраны осциллографов. Полтора десятка операторов, одетых в военную форму, сидели между рядами высоких консолей, словно солдаты в окопах на поле битвы. Бесперывная череда оперативных запросов и подтверждений придавала обстановке особую напряженность. Е чуть растерялась.

– Здесь теплее. – Ян указал на стул у письменного стола рядом с дверью: – Подождите немного. Я распоряжусь, чтобы вам подготовили жилье, и вернусь.

Однако за столом уже кто-то сидел. Охранник с пистолетом.

– Я лучше подожду на улице, – сказала Е.

Ян мягко улыбнулся:

– С этого момента вы становитесь полноправным сотруд-

ником базы и, за исключением особых зон, можете ходить где угодно. – На лице его вдруг появилось смущенное выражение, когда он осознал подспудный смысл своих слов: «Ты никогда не выйдешь отсюда».

– Я лучше подожду на улице, – упрямо повторила Е.

– Ну хорошо. – Ян посмотрел на охранника у стола, который не обращал на них никакого внимания. По-видимому, поняв беспокойство своей спутницы, Ян вывел ее наружу. – Спрячьтесь здесь где-нибудь от ветра, я вернусь через пару минут. Распоряжусь, чтобы в вашей комнате затопили печь – условия на базе суровые, у нас нет центрального отопления.

Е встала около двери Центра управления. Громадная антенна возвышалась у нее за спиной, закрывая половину небосвода. Отсюда Вэньцзе было хорошо слышно все, что происходило внутри. Внезапно поток команд и подтверждений прекратился и повисла тишина, лишь иногда прерываемая тихим гудением какого-нибудь прибора.

Затем раздался громкий мужской голос:

– Народно-освободительная армия, Второй артиллерийский корпус¹³, проект «Красный берег», передача номер сто сорок семь. Доступ подтвержден. Готовность тридцать секунд.

– Классификация цели: А-три. Порядковый номер в системе координат: BN20197F. Позиция проверена и подтвер-

¹³ В ведении Второго артиллерийского корпуса находятся китайские ядерные ракеты. – *Прим. К. Л.*

ждена. Двадцать пять секунд.

– Номер передаваемой командной последовательности: двадцать два. Дополнения: отсутствуют. Продолжения: отсутствуют. Конечная проверка передаваемой командной последовательности завершена. Двадцать секунд.

– Энергетический блок: все системы в норме.

– Блок кодирования: все системы в норме.

– Усилительный блок: все системы в норме.

– Блок слежения за помехами: в приемлемом диапазоне.

– Точка невозврата пройдена. Пятнадцать секунд.

Снова стало тихо. Через пятнадцать секунд взревела сирена, наверху антенны быстро замигал красный сигнальный огонь.

– Начать передачу! Всем подразделениям продолжать записи режимов работы!

Е почувствовала на лице легкий зуд. Она поняла, что вокруг антенны образовалось мощное электрическое поле. Устремив взгляд в том направлении, куда указывала антенна, Е увидела в ночном небе облако, светящееся слабым голубым светом – настолько слабым, что поначалу она подумала, что ей это кажется. Но облако уплыло, и свечение исчезло, а когда на это место пришло другое облако, оно тоже начало тускло светиться.

Из Центра донеслось:

– Неисправность в энергетическом блоке! Магнетрон номер три вышел из строя.

– Резервный блок подключен, все системы в норме.

– Контрольная точка номер один достигнута. Возобновление передачи.

Е услышала шум хлопающих крыльев. Сквозь клубящийся внизу туман она различила множество взмывающих в темное небо теней. Удивительно, сколько птиц, оказывается, скрывает в себе зимний лес! И тут она увидела нечто ужасающее: одна стайка залетела в область излучения антенны – и птицы посыпались на землю, мертвые.

Передача продолжалась около пятнадцати минут. Затем красный огонь на антенне погас, и лицо Е перестало зудеть. В Центре управления возобновилась переключка команд и ответов, сквозь которую пробивался громкий мужской голос:

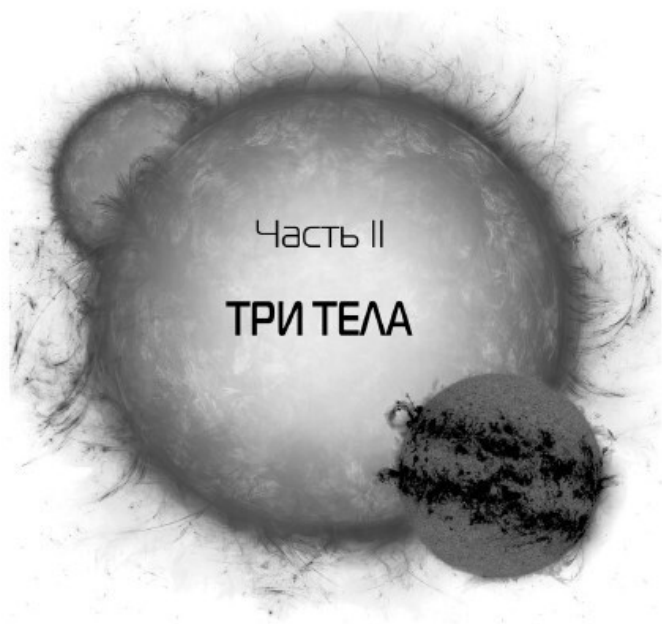
– Передача номер сто сорок семь с базы «Красный берег» завершена. Отключить системы передатчика. «Красный берег» переходит в режим мониторинга. С этого момента системный контроль передается Отделу наблюдения. Просьба загрузить данные, полученные при прохождении контрольной точки. Всем подразделениям заполнить журналы передач. Начальникам подразделений собраться на совещание в конференц-зале. Работа закончена.

Вновь воцарилась тишина, только антенна пела на ветру. Оставшиеся в живых птицы постепенно возвращались в лес. Е взглянула вверх – громадная ладонь антенны тянулась к небу, источая космическую мощь. Но сколько Вэньцзе ни всматривалась, она так и не обнаружила никакого объ-

екта, с которым можно было соотнести порядковый номер BN20197F. В холодном ночном небе зимы 1969 года Е Вэньцзе видела лишь облака и бесчисленные звезды.

Часть II

Три тела

Глава 4

«Рубежи науки»

Сорок с небольшим лет спустя

Ван Мяо решил, что четверо мужчин, пришедших к нему, составляют прелюбопытную комбинацию: двое полицейских и двое в военной форме. Если бы последние были из вооруженной полиции, это еще можно было бы понять, но они и правда являлись офицерами армии.

При виде полицейских Ван почувствовал раздражение. Нет, с тем, что помоложе, все в порядке; он хотя бы ведет себя вежливо. Зато тот, что постарше, в гражданском, сразу вызвал у Вана неприязнь. Это был плотного телосложения мужчина с мясистым лицом. Одетый в засаленную кожаную куртку, воняющий табачищем и громогласный, он относился к тому разряду людей, которых Ван презирал.

– Ван Мяо?

От такого бесцеремонного обращения¹⁴ Вана покорило. При этом полицейский прикуривал, не соизволив даже поднять голову, отчего Ван почувствовал себя оскорбленным еще сильнее. Не дожидаясь ответа, толстомордый кив-

¹⁴ У китайцев при обращении к незнакомым и малознакомым людям принято употреблять какой-нибудь титул: «профессор Ван», «инженер Ян». – *Прим. перев.*

нул младшему коллеге. Тот показал Вану свой значок.

Закурив, старший собрался войти в квартиру.

– Я попросил бы у меня не курить, – сказал Ван, заступая дорогу.

– Просим прощения, профессор Ван, – смущенно улыбнулся младший офицер. – Это капитан Ши Цян. – Он послал коллеге умоляющий взгляд.

– Ладно, можно поговорить и в коридоре, – сказал Ши, глубоко затянувшись. Почти половина сигареты обратилась в пепел, при этом полицейский выдохнул очень мало дыма. Он кивнул молодому: – Давай, спрашивай.

– Профессор Ван, – сказал тот, – нам хотелось бы знать, вступали ли вы в последнее время в какие-либо контакты с членами общества «Рубежи науки»?

– В «Рубежах науки» состоят многие знаменитые ученые, и оно очень influent. Почему это мне вдруг нельзя вступать в контакт с легальным международным научным обществом?

– Послушай только, что он несет, – буркнул Ши. – Мы что, сказали, что оно нелегальное? Или что вам нельзя вступать с ним в контакт? – Он наконец выдохнул огромный клуб дыма прямо в лицо Ван Мяо.

– Хорошо. Тогда вот что: мои контакты – мое личное дело, и попрошу вас не вмешиваться. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

– Личное дело? Вы научный работник. У вас есть обязан-

ности по отношению к народу, который вас кормит. – Ши отбросил окурок и вытащил новую сигарету из мятой полупустой пачки.

– Я имею право не отвечать. Будьте добры, уйдите. – Ван повернулся, чтобы уйти к себе.

– Подождите! – выкрикнул Ши и махнул рукой молодому. – Дай ему адрес и номер телефона. – Затем обратился к Вану: – Совещание сегодня после обеда.

– Что вам, собственно, нужно? – спросил Ван; в его голосе уже начали пробиваться нотки гнева. Привлеченные шумом, в коридор стали выглядывать соседи.

– Капитан Ши! Вы же обещали, что вы... – Молодой полицейский отвел начальство в сторону и торопливо заговорил приглушенным голосом. Похоже, дурные манеры Ши раздражали не только Вана.

– Профессор Ван, пожалуйста, поймите нас правильно, – шагнув вперед, сказал один из военных, майор. – Сегодня после обеда состоится важное совещание, на которое приглашены несколько крупных ученых и специалистов. Генерал лично послал нас передать вам приглашение.

– После обеда я занят.

– Мы знаем. Генерал уже переговорил с главой Исследовательского института нанотехнологий. Без вас это совещание не имеет смысла. Если вы не можете в нем участвовать, мы перенесем его на удобное время.

Ши и его напарник, не добавив ни слова, повернулись и

пошли вниз по лестнице. Оба военных смотрели им вслед с явным облегчением.

– Почему он так себя ведет? – обратился майор к своему коллеге.

– Да он всегда такой. У него, кстати, не досье, а что-то невероятное. Пару лет назад, в эпизоде с заложниками, он действовал опрометчиво, не задумываясь над судьбой заложников. В результате от рук преступников погибла целая семья, три человека. Ходят слухи, что он и с некоторыми мафиози якшается, использует эту дружбу, чтобы стравливать банды между собой. В прошлом году избил подозреваемого на допросе, тот теперь инвалид на всю жизнь. Из-за этого его на время отстранили от службы...

Ван Мяо заподозрил, что этот разговор между офицерами был специально предназначен для его ушей. Наверно, хотели, чтобы он понял, как сильно они отличаются от этого грубияна. А может, хотели подстегнуть интерес Вана к их миссии.

– И такой тип принимает участие в работе Боевого командного центра? – удивился майор.

– Его сам генерал привлек. Вероятно, он обладает какими-то особыми навыками. В любом случае, его обязанности строго определены, он занимается только вопросами общественной безопасности, а больше ему знать не положено.

«Боевой командный центр?» – Ван уставился на военных, онемев от изумления.

Машина, которую военные прислали за Ван Мяо, доставила его к большому зданию на окраине города. Поскольку на двери был только номер и никакой таблички с названием учреждения, Ван пришел к выводу, что здание, скорее всего, принадлежит армии, а не полиции.

Когда Ван переступил порог конференц-зала, первое, что его поразило, — это царящий здесь хаос. Помещение было заставлено компьютерами. У организаторов не хватило столов, и они разместили несколько системных блоков на полу, опутанном электропроводами и сетевыми кабелями. Маршрутизаторы расставили как попало прямо на серверах. Повсюду валялась принтерная бумага. Несколько проекционных экранов неприкаянно торчали в углу. В помещении висело облако густого табачного дыма. Ван Мяо не был уверен, в самом ли деле он попал в Боевой командный центр, но одно он осознал четко: происходящее здесь настолько важно, что этим людям наплевать, как это все выглядит.

На большом столе, составленном из нескольких поменьше, кучами громоздились документы, валялась всякая всячина. Вид у собравшихся был усталый, одежда измята. Те, на ком были галстуки, ослабили узлы. Создавалось впечатление, будто эти люди не спали всю ночь.

Совещание возглавлял генерал-майор Чан Вэйсы; полови-

ну собравшихся составляли военные. Вану быстро представили всех, и оказалось, что здесь также присутствовало много полицейских. Остальные оказались учеными, как и сам Ван, причем некоторые были знаменитыми специалистами в различных областях фундаментальной науки.

Среди присутствующих оказалось четверо иностранцев. Ван поразился, узнав, кто они такие. Здесь были два представителя НАТО – полковник ВВС США и полковник британской армии – и два офицера ЦРУ, по всей видимости, наблюдатели.

На лицах всех сидящих за столом было одно и то же выражение: «Мы сделали все, что в наших силах, давайте поскорее покончим с этим, и пошло оно все к такой-то матери».

За столом Ван Мяо увидел Ши Цяна. Сегодня тот вел себя вежливее, чем накануне, – здороваясь с Ваном, назвал его «профессор». И все же высокомерная усмешка на лице Ши безмерно раздражала Вана. Ему не хотелось сидеть рядом с этим неотесанным мужланом, но выбора не было – единственное свободное место оставалось как раз около него. И без того густое облако дыма было тут еще плотнее.

Пока собравшимся раздавали документы, Ши придвинулся ближе к новому соседу.

– Профессор Ван, я слышал, вы разрабатываете этот, как его... новоматериал?

– Наноматериал, – поправил Ван.

– Ну да. Говорят, очень прочная штука. А как вы думаете-

те, она может послужить орудием преступления? – На лице Ши по-прежнему застыла полуулыбка, так что Ван не мог понять, серьезен тот или шутит.

– Что вы имеете в виду?

– Ну... Я слышал, что на тоненькой нити из этого вещества можно поднять в воздух целый грузовик. А если оно попадет в руки преступников и они сделают из него нож – смогут они одним махом разрезать автомобиль?

– Для этого и нож делать не надо. Из наноматериала можно изготовить нить толщиной в одну сотую волоса. Если ее натянуть поперек шоссе, она разрежет проезжающий автомобиль на две половинки, словно сыр. Конечно, наноматериал можно использовать с преступными целями – а что нельзя? Убить можно и тупым ножом для чистки рыбы.

Ши наполовину вытащил документ из лежащего перед ним конверта, но сунул его обратно, внезапно потеряв интерес.

– Точно! Даже самую рыбу можно использовать как орудие преступления. Расследовал я как-то одно дело. Тетка отрезала своему мужу фамильные драгоценности. И знаете чем? Тилапией, которую достала из морозилки. У этой рыбки шипы на спине острые, как бритва...

– Простите, но мне неинтересно. Меня пригласили сюда, чтобы говорить об этом?

– О чем – об «этом»? О рыбе или наноматериалах? Ладно, ладно, вы здесь вовсе не для этого. – Ши придвинулся ближе

и зашептал Вану в ухо: – Не церемоньтесь с этими типами. Они нас ни в грош не ставят. Все, чего им надо, – это выудить из нас всю информацию, а вот самим что-нибудь рассказать – шиш. Я, например, торчу тут уже месяц и по-прежнему ничего не знаю. В точности как вы.

– Товарищи, – проговорил генерал Чан Вэйсы, – давайте приступим к делу. Из всех зон боевых действий на Земле эта – самая важная. Необходимо доложить всем присутствующим товарищам о последних изменениях в ситуации.

Не слишком обыденное выражение – «зона боевых действий», подумал Ван. Он заметил также, что генерал, очевидно, не собирается посвящать новичков вроде Вана в подробности происходящего. Это подтверждало слова Ши. И еще одна странность – в своем кратком вступлении генерал дважды употребил слово «товарищи». Ван взглянул на сидящих напротив представителей НАТО и ЦРУ. Генерал не посчитал нужным прибавить обращение «господа»...

– Они тоже товарищи. Здесь все так обращаются друг к другу, – прошептал Ши Вану, указывая на иностранцев кончиком сигареты.

Ван изумился – Ши прочитал его мысли! Да, этому человеку в наблюдательности не откажешь...

– Погаси сигарету, Да Ши. Тут и без нее нечем дышать, – сказал генерал, просматривая бумаги. Он назвал Ши Цяна дружеским прозвищем – «Старина Ши».

Полицейский оглянулся вокруг в поисках пепельницы и,

так и не найдя, сунул сигарету в чашку с чаем. Затем вскинул руку и заговорил прежде, чем генерал предоставил ему слово:

– Генерал, у меня все тот же вопрос. Требую информационного паритета!

Генерал поднял голову.

– Информационный паритет при военной операции? Когда такое было? Вынужден извиниться перед уважаемыми учеными, но сказать больше того, что уже сказали, мы не можем.

– Мы не то же самое, что яйцеголовые, – настаивал Ши. – Полиция находится на службе у Боевого командного центра с момента его учреждения, а мы до сих пор не знаем, что к чему. Как использовать нас – так вы первые, а как что-то рассказать – так посылаете нас куда подальше!

Сразу несколько полицейских зашикали на него. Ван удивился: Ши осмеливается так говорить с генералом? Но ответная реплика Чана изумила его еще больше.

– Да Ши, похоже, у тебя все та же проблема, что и во время службы в армии. Ты считаешь, что имеешь право говорить от имени полиции? За все твои художества тебя отстранили от службы на несколько месяцев, а могли бы и вообще выгнать! Я взял тебя на работу в Центр, потому что высоко ценю твой опыт по части охраны правопорядка в городе. Поблагодарил бы лучше за такую возможность!

Но Ши и не думал рассыпаться в благодарностях.

– Ах вот как! Значит, по-вашему, я должен вкалывать как проклятый, чтобы заслужить прощение? А разве не вы говорили, будто все мои методы – грязные и нечестные?

– Зато действенные, – возразил Чан. – Для нас сейчас важно только, чтобы они работали. В военное время не до церемоний.

– Нам нельзя быть чересчур разборчивыми в средствах, – поддакнул офицер ЦРУ на превосходном китайском. – Обстоятельства таковы, что приходится мыслить и действовать нестандартно.

Британский полковник кивнул – он, очевидно, тоже знал китайский.

– Быть или не быть, – добавил он по-английски. – Это вопрос жизни и смерти.

– Что он говорит? – поинтересовался Ши у Вана.

– Неважно, – машинально ответил тот. Что за бред несут эти люди? «Военное время? Какая война, где?!» Ван повернулся к одному из высоких, от пола до потолка, окон. Там был залитый весенним солнцем Пекин: плотные потоки автомобилей текут по улицам, в скверике какой-то человек выгуливает собаку, играют детишки...

«Какой мир более реален – там, снаружи, или здесь, в этих стенах?»

Генерал Чан сказал:

– В последнее время враг усилил атаки. Его целью по-прежнему остаются самые выдающиеся представители нау-

ки. Будьте добры ознакомиться со списком имен в документе.

Ван взглянул на первую страницу, напечатанную крупным шрифтом. Список, похоже, составленный на скорую руку, содержал и китайские, и английские имена.

– Профессор Ван, вам знакомы какие-нибудь из этих имен? – спросил Чан.

– Мне известны три из них – все большие ученые, работающие на передовых рубежах физики. – Тут Ван чуть запнулся. Глаза его остановились на последнем имени. Эти два иероглифа по цвету отличались от других. «Она? В этом списке? Почему? Что с ней?!»

– Вы с ней знакомы? – Ши ткнул в имя толстым пальцем с желтым пятном от табака. Ван не ответил. – Ха! Не знакомы. Но очень хотели бы познакомиться, а?

Вот теперь Ван Мяо понял, почему генерал Чан взял к себе этого человека, который когда-то служил у него простым солдатом. Вульгарный и невоспитанный Ши обладал отменно острым глазом. Может, он и не был *хорошим* полицейским, но эффективным – безусловно. Он нагонял страх.

* * *

За год до описываемых событий Ван Мяо отвечал за наноконпоненты на строящемся в Лянсяне «Синотроне II» – ускорителе заряженных частиц высоких энергий. Как-то по-

сле полудня, выйдя на воздух, он был поражен открывшейся ему картиной. Ван увлекался пейзажной фотографией и поэтому часто смотрел на окружающее взором художника.

Сейчас перед ним развернулась великолепная композиция, центром которой служил соленоид сверхпроводящего магнита. Смонтированное пока только наполовину, но уже насчитывавшее три этажа в высоту, это нагромождение гигантских металлических блоков и охлаждающих труб выглядело настоящим монстром. От сооружения, похожего на груды индустриальных отходов во времена промышленной революции, веяло бездушной технологической жестокостью и железобетонным варварством.

На фоне этого мрачного чудовища ярким пятном выделялась тонкая фигура молодой женщины. Не только сама эта картина, но и освещение было совершенно фантастическим: строящийся соленоид утопал в тени временного строительного тента, что еще больше подчеркивало его мрачный характер, но один-единственный луч послеполуденного солнца проникал сквозь отверстие в центре навеса и падал на женщину. Мягкое сияние окутывало ее роскошные волосы и подчеркивало белизну шеи над воротником комбинезона. Она была похожа на диковинный цветок, распустившийся среди металлических руин после яростной бури...

– На что уставился? Быстро за работу!

Ван, внезапно вырванный из созерцания, опешил от такой грубости, однако тут же сообразил, что директор Иссле-

довательского института нанотехнологий кричал вовсе не на него, а на молодого инженера, тоже не отводившего глаз от незнакомки. Вернувшись в реальность, Ван увидел, что рядом с женщиной стоит главный инженер и что-то почтительно объясняет. Значит, она не простая работница.

– Кто эта женщина? – спросил Ван директора.

– Вы должны бы ее знать. – Директор повел рукой вокруг себя. – Вам известно, сколько стоит этот ускоритель? Двадцать миллиардов юаней. И первый эксперимент на нем, скорей всего, проведет именно она, проверяя свою модель суперструн. Как правило, эта честь оказывается особо заслуженным ученым мужам, и в обычных обстоятельствах ей бы такого права не дали – она не «муж», и не особо заслуженный. Но никто из маститых не выразил желания сделать первый опыт – наверно, боятся провалить его и потерять лицо. Вот ей и выпал шанс.

– Как?.. Так это Ян Дун? Она женщина?!

– Вы правы, – вздохнул директор. – Мы и сами узнали об этом всего пару дней назад, когда наконец познакомились с ней.

Вмешался молодой инженер:

– А у нее с головой вообще-то все в порядке? Разве люди в здравом рассудке отказываются от интервью? Или она как Цян Чжуншу¹⁵, который так и умер, ни разу не появившись

¹⁵ Цян Чжуншу (1910–1998) был одним из самых знаменитых литераторов Китая XX века. Эрудит, культуролог, человек острого ума, он был отшельником по

на телевидении?

— Мы хотя бы знали, какого Цян пола, — отозвался Ван. — Держу пари, у Ян Дун было необычное детство. Наверно, поэтому она замкнулась в себе. — Ван произнес это с некоторой самоиронией. Он пока еще даже не заслужил, чтобы им заинтересовалась пресса, не говоря уж о том, чтобы отказываться от интервью...

В это время Ян Дун и главный инженер отошли от соленида. Проходя мимо Вана и его собеседников, она безмолвно улыбнулась и легонько кивнула. Вану навсегда запомнились ее лучистые глаза.

В тот вечер он сидел у себя в кабинете и любовался фотографиями, висящими на стене. Эти работы были его гордостью. Особенно пристально он всматривался в один пейзаж, изображавший уединенную долину меж заснеженных гор. Почти треть переднего плана занимал остов мертвого дерева, иссушенный долгой чередой лет. Ван мысленно подставил в картину фигуру, которая занимала сейчас все его мысли, поместив ее в дальнем конце ложины. Удивительно — пейзаж мгновенно ожил, как будто запечатленный на фотографии мир признал незнакомку своей неотъемлемой частью, как будто само это место было создано природой только ради нее.

Точно так же Ван мысленно подставил фигуру Ян Дун во все остальные фотографии, иногда помещая ее сияющие гла-

за в небе над землей. Эти снимки тоже оживали и становились безупречно прекрасными. Такой красоты Ван даже вообразить себе не мог.

Ему всегда казалось, что его фотографиям чего-то не хватает – быть может, души? Теперь он понял: им не хватало *ее*.

* * *

– Все имена в списке – это физики, совершившие самоубийство за последние два месяца, – пояснил генерал Чан.

Вана словно громом поразило. Черно-белый ландшафт перед его мысленным взором поблек. На фотографиях больше не было Ян Дун, и ее глаза исчезли с небосвода. Все эти миры погибли.

– Когда... Когда это произошло? – непослушными губами спросил он.

– В течение последних двух месяцев, – повторил Чан.

– Вы имеете в виду имя в конце списка, я так полагаю? – влез Ши. – Она умерла последней – двое суток назад от передозировки снотворного. Ушла тихо и спокойно, без боли.

На одно мгновение Ван почувствовал признательность к грубияну-полицейскому.

– Но почему? – спросил Ван. Мертвые ландшафты продолжали свою круговерть в его мозгу.

– Единственное, в чем мы можем быть уверены, – ответил генерал, – это что причина для самоубийства была у всех

одна и та же. Правда, ее трудно определить. Может статься, что нам, неспециалистам, ее вообще не понять. В документе приводятся выдержки из их предсмертных записок. Вы сможете ознакомиться с ними после совещания.

Ван пролистал записки. Вернее, даже не записки, а целые сочинения.

– Доктор Дин, не будете ли вы так добры показать профессору Вану записку Ян Дун? Она самая короткая из всех и, похоже, наиболее точно выражает общий характер записок.

Дин И, к которому обращался генерал, до сих пор не произнес ни слова. Немного помедлив, он протянул Вану через стол белый конверт.

Ши пробормотал:

– Он был парнем Ян.

Ван припомнил, что видел Дина на строительстве ускорителя в Лянсяне. Этот теоретик прославился тем, что, изучая шаровую молнию, открыл макроатом¹⁶. Ван вынул из конверта тонкий, неправильной формы листок, от которого исходил едва заметный аромат. Это была не бумага – записку написали на бересте. Изящные иероглифы гласили:

«Все факты свидетельствуют об одном: физика никогда не существовала и никогда не будет существовать. Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора».

Под запиской даже не было подписи. Ян Дун покинула

¹⁶ Чтобы узнать больше о Дин И, обратитесь к рассказу Лю Цисиня «Шаровая молния». – *Прим. К. Л.*

этот мир.

– Физика... никогда не существовала? – Ван не знал, что и думать.

Генерал захлопнул папку.

– Среди документов вы также найдете подробный отчет о результатах экспериментов, полученных на трех новейших ускорителях. Информация чисто техническая, мы не станем ее тут обсуждать. Центром нашего расследования прежде всего является общество «Рубежи науки». ЮНЕСКО объявила 2005 год Всемирным годом физики. Общество, о котором идет речь, образовалось путем постепенного объединения различных групп ученых, собиравшихся на конференциях и дискуссиях в этом году. Доктор Дин, вы, как физик-теоретик, не могли бы разъяснить нам ситуацию более подробно?

Дин кивнул.

– Я лично не поддерживаю прямой связи с «Рубежами науки», но это общество очень известно в академических кругах. Его кредо можно выразить следующим образом.

Во второй половине XX века физика утратила стройность и простоту, характерную для классических теорий. Современные теоретические построения становятся все более и более сложными, расплывчатыми и неясными. Экспериментальные подтверждения тоже добываются с большим трудом. Это признак того, что физика уперлась лбом в стену.

Члены «Рубежей науки» учатся мыслить по-новому. Они

хотят с помощью научных методов исследовать границы науки, пытаются узнать, существуют ли пределы, за которые наука в своем познании природы не может заглянуть. Состояние современной физики предполагает, что мы как раз коснулись этой черты.

— Очень хорошо, — сказал Чан. — Согласно нашим сведениям, большинство ученых, совершивших самоубийство, были так или иначе связаны с «Рубежами науки», а некоторые даже являлись членами общества. Но мы не нашли никаких доказательств использования психотропных средств или других приемов психологической манипуляции наподобие тех, что применяются в некоторых религиозных сектах. Другими словами, даже если «Рубежи науки» и повлияли на ученых, то сделано это было иначе, например, во время дискуссий. Профессор Ван, поскольку с вами они вошли в контакт совсем недавно, хотелось бы кое-что у вас узнать...

Тут его перебил Ши Цян:

— Включая имена, время и место встреч, содержание разговоров, а если вы обменивались обычной или электронной почтой, то и...

— Заткнись, Да Ши! — приказал Чан.

Другой офицер полиции придвинулся к Цяну и прошипел:

— Бойтесь, мы забудем, что у вас есть рот, если вы не будете все время разевать его?

Ши схватил свою чашку, но, увидев плавающий в ней оку-

рок, поставил обратно.

Слова Ши опять вызвали у Вана раздражение сродни тому, которое испытывает человек, почувствовавший, что вместе с едой проглотил муху. От бывлой признательности не осталось и следа. Но он взял себя в руки и ответил:

– Мое знакомство с «Рубежами науки» началось со встречи с Шэнь Юйфэй – японкой китайского происхождения. Она физик, работает в японской компании здесь, в Пекине. Раньше она была сотрудником лаборатории при «Мицубиси», занималась нанотехнологиями. Мы встретились на технической конференции в начале этого года. Она познакомила меня с другими физиками, членами «Рубежей науки», как китайскими, так и зарубежными. Наши разговоры были... как бы это выразиться... ну, очень радикальными, что ли. Основным вопросом был тот, который только что затронул доктор Дин: каковы пределы научного познания?

Поначалу эти беседы интереса у меня не вызывали. Праздное времяпрепровождение, и только. Мое дело – прикладные исследования, и я мало разбираюсь в вопросах теории. По большей части я лишь выслушивал споры между другими учеными. Все эти люди были мыслителями с неординарными взглядами, и я чувствовал, что общение с ними расширяет мой кругозор. Постепенно во мне проснулся интерес, однако все разговоры ограничивались лишь теорией. Однажды меня пригласили присоединиться к «Рубежам науки», но если бы я это сделал, собрания и дискуссии превра-

тились бы в обязанность. Поскольку время и силы у меня весьма ограничены, я отказался.

– Профессор Ван, – сказал генерал, – нам бы хотелось, чтобы вы приняли их предложение и присоединились к «Рубежам науки». Собственно, поэтому мы вас сегодня и пригласили. С вашей помощью мы могли бы больше узнать о том, что происходит внутри этой организации.

– Вы хотите сделать из меня «крота»? – Вану стало не по себе.

– Точно, крота! – хохотнул Ши.

Чан осуждающе взглянул на него и вновь повернулся к Вану.

– Скажем так – мы хотели бы получать от вас информацию. Другой возможности проникнуть в это общество у нас нет.

Ван покачал головой.

– Прошу прощения, генерал. Я не могу так поступить.

– Профессор Ван, в «Рубежи науки» входят ведущие ученые разных стран. Расследование их деятельности – дело чрезвычайно сложное и деликатное, все равно что идти по тонкому льду. Если нам не поможет кто-то из академических кругов, далеко мы не продвинемся. Вот почему мы просим вас. Но мы примем любое ваше решение. Если вы не согласитесь, мы пойдем.

– Но я... я очень занят по работе... У меня попросту нет времени...

Генерал Чан кивнул.

– Хорошо, профессор Ван. Мы больше не смеем отнимать ваше драгоценное время. Спасибо, что посетили наше совещание.

Ван подождал еще несколько секунд, не сразу поняв, что его просят уйти.

Генерал вежливо проводил Вана до двери. Сзади раздался громкий голос Ши:

– Так оно, пожалуй, и к лучшему. Мне все равно этот план не нравился. Книжные черви только и знают, что кончают с собой. И с этим будет так же. Посылать его все равно что бросить пельмень собакам.

Ван развернулся и ринулся обратно к Ши. С трудом овладев собой, он отчеканил:

– Хорошему полицейскому так разговаривать не подобает!

– А кто сказал, что я *хороший* полицейский?

– Мы не знаем, почему эти исследователи покончили с собой, но вам не стоило бы говорить о них так пренебрежительно! Их труды внесли неоценимый вклад в мировую культуру!

– Хотите сказать, что я им в подметки не гожусь? – Ши, не вставая с места, поднял голову и взглянул Вану прямо в глаза. – Я-то уж, по крайней мере, не стал бы резать себе вены из-за того, что какая-то сволочь нагородила мне кучу всякой ерунды!

– А я, по-вашему, стану?!

– Я всего лишь забочусь о вашей безопасности. – На лице Ши снова появилась его фирменная кривая усмешка.

– Думаю, что в подобной ситуации я справился бы лучше вас! Способность человека отличать правду от лжи напрямую зависит от багажа его знаний.

– А вот я так не думаю. Для таких, как вы...

– Замолчи, Да Ши! – вмешался генерал Чан. – Еще одно слово – и вылетишь отсюда как миленький!

– Нет, почему же, – возразил Ван. – Пусть говорит. – Он повернулся к генералу. – Знаете что, я передумал. Я присоединюсь к «Рубежам науки».

– Вот и хорошо! – энергично кивнул Ши. – Держите ушки на макушке. Пользуйтесь любой возможностью добыть новую информацию. Например, заглядывайте в их компьютерные экраны, запоминайте адреса электронной почты и веб-сайтов...

– Довольно! Вы не поняли меня. Я не желаю становиться шпионом. Я всего лишь хочу доказать, что вы дурак!

– Если протянете хотя бы пару месяцев, после того как присоединитесь к ним, то я охотно признаю себя дураком! Но, боюсь, вы того... – Ши вздернул голову, и его усмешка превратилась в волчий оскал.

– Еще как протяну! И больше я не хочу вас видеть! Никогда!

Генерал отвел Вана в сторону и занимал разговором, пока все не разошлись – чтобы они с Ши опять не схлестнулись. Затем он проводил профессора на первый этаж и вызвал машину.

– Выкиньте Ши из головы, – сказал генерал Вану. – Ну такой он человек, что поделаешь. Вообще он очень опытный полицейский, эксперт по борьбе с терроризмом. Двадцать лет назад служил рядовым в моей роте.

Подходя к машине, Чан добавил:

– Профессор Ван, у вас, должно быть, много вопросов...

– Какое отношение то, о чем говорилось на совещании, имеет к военным?

– Война – это дело военных, разве не так?

Ван недоуменно уставился на него.

– О какой войне речь? Ведь сейчас, похоже, самое мирное время за всю историю человечества!

На непроницаемом лице Чана появилась загадочная улыбка.

– Скоро узнаете. Скоро все узнают. Профессор Ван, с вами когда-нибудь случалось что-то такое, что изменило бы всю вашу жизнь? Событие, после которого мир для вас стал бы совершенно другим?

– Нет.

– Тогда считайте, вам очень повезло! В мире царит непредсказуемость, а с вами, получается, не происходило никаких кризисов?

Ван некоторое время обдумывал сказанное, по-прежнему в недоумении.

– Думаю, то же самое можно сказать о большинстве людей, – наконец сказал он.

– Ну тогда большинству людей везет в жизни.

– Но... многие поколения жили так – просто жили и все...

– Им тоже повезло.

Ван засмеялся и покачал головой.

– Должен признаться, сегодня я не очень сообразителен.

Вы хотите сказать, что...

– Да, я хочу сказать, что вся история человечества – сплошное везение. Начиная с каменного века и до наших дней нам не приходилось сталкиваться с настоящим кризисом. Но всякое везение когда-нибудь кончается. Послушайте меня. Удаче пришел конец. Готовьтесь к худшему.

Ван хотел было спросить о чем-то еще, но генерал помотал головой и попрощался, избегая дальнейших вопросов.

Ван сел в машину, назвал шоферу адрес и спросил:

– Это вы привезли меня сюда? Кажется, машина та же самая.

– Нет, не я. Я вез доктора Дина.

У Вана родилась идея. Он попросил шофера отвезти его к Дину.

Глава 5

Партия в бильярд

Едва открыв дверь в новенькую трехкомнатную квартиру Дин И, Ван учуял запах алкоголя. Дин валялся на диване перед включенным телевизором и пиялился в потолок. В квартире, еще не обставленной до конца, было мало мебели и уютных безделушек, отчего обширная гостиная выглядела голой. Самой большой достопримечательностью здесь служил бильярдный стол в углу.

Вану показалось, что его неожиданный визит был кстати. Дину явно хотелось излить душу.

– Я купил это жилье три месяца назад, – сказал Дин. – И зачем только я это сделал? Неужели надеялся, что ей когда-нибудь захочется завести семью?.. – Он с пьяной улыбкой покачал головой.

– Так вы... – Вану было интересно узнать подробности личной жизни Ян Дун, но он не представлял, с чего начать.

– Она была как звезда – всегда такая далекая, отстраненная... Даже тот свет, который она изливала на меня, был холоден. – Дин подошел к окну и уставился в ночное небо.

Ван не ответил. Как он жалел, что никогда не слышал ее голоса! Ведь год назад, в тот памятный вечер, когда они на мгновение встретились глазами, они не сказали друг другу ни слова.

Дин махнул рукой, словно отгоняя от себя что-то.

– Профессор Ван, вы были правы. Не связывайтесь ни с полицией, ни с военными! И те, и другие просто кретины! Самоубийства всех этих ученых не имеют никакого отношения к «Рубежам науки». Я много раз пытался им это объяснить, но все без толку. Не понимают.

– Похоже, они проводят какое-то независимое расследование...

– Да, причем в глобальном масштабе. Неплохо бы им знать, что двое из их списка покойников никогда не имели дел с «Рубежами науки», включая... включая Ян Дун. – Повидимому, упоминание ее имени давалось Дину с трудом.

– Дин И, вы ведь в курсе, что я уже дал согласие сотрудничать. Поэтому... мне очень хотелось бы узнать, почему Ян... сделала такой выбор. Мне кажется, вам известно что-то такое... – Ван чувствовал, что выглядит очень глупо, пытаясь скрыть свои истинные намерения.

– Может, лучше не надо? Сейчас вы только-только окунулись в это дело, а узнай вы побольше – и ваш дух тоже затянет в трясину, а тогда жди беды!

– Я, знаете ли, практик. А мы народ не такой чувствительный, как вы, теоретики.

– Ну хорошо, уговорили. В бильярд играете? – Дин подошел к бильярдному столу.

– Играл немного в колледже.

– Мы с ней любили играть. Бильярд напоминает столкно-

вание частиц в ускорителе. — Дин взял два шара, черный и белый, установил черный около одной из луз и положил белый сантиметрах в десяти от него. — Сможете положить черный в лузу?

— С такого расстояния? Любой неумеха смог бы.

— Давайте.

Ван взял кий, легонько ударил по белому шару и забил черный в лузу.

— Отлично. А теперь перетащим стол в другое место. — Дин взялся за крышку стола, растерянный Ван последовал его примеру. Они передвинули бильярд в другой угол, к окну. Затем Дин снова расставил шары как в первый раз. — Сумеете повторить? — поинтересовался он у Вана.

— Само собой.

— Валяйте.

И снова Ван легко положил шар в лузу.

Дин взмахнул рукой:

— Давайте передвинем его еще раз.

Они подняли стол и переставили в третий угол. Дин расположил шары как раньше:

— Бейте.

— Послушайте, мы...

— Делайте, кому говорят!

Ван беспомощно пожал плечами. И опять ему удалось загнать черный шар в лузу.

Они передвинули стол еще два раза — к двери и на перво-

начальное место. Дин еще дважды ставил шары на сукно в прежнем порядке, и дважды Ван забил черный шар в лузу. Оба игрока чуть-чуть запыхались.

– Отлично, эксперимент окончен. А теперь проанализируем результаты. – Прежде чем продолжить, Дин закурил сигарету. – Мы провели один и тот же опыт пять раз. Четыре из них – в разных местах и в разное время. Два – в одном и том же месте, но в разное время. Ну разве это не потрясающе?! – Он преувеличенно широко развел руки в стороны. – Пять раз! С одним и тем же исходом!

– Что вы хотите этим сказать? – недоумевал Ван.

– Вы в состоянии объяснить этот невероятный результат? Будьте добры, воспользуйтесь языком физики.

– Ладно... В течение этих пяти экспериментов масса обоих шаров оставалась неизменной. Если в качестве системы координат мы выберем крышку стола, то и пространственное положение шаров не менялось. Скорость белого шара, бьющего по черному, тоже оставалась примерно одинаковой. Значит, и перенос импульса между шарами был одним и тем же. Этим обуславливается один и тот же результат: во всех пяти экспериментах черный шар оказался в лузе.

Дин взял с пола бутылку бренди и два стакана, налил в оба и один протянул Вану. Тот отказался.

– Да ладно вам, давайте отпразднуем! Мы открыли великий принцип: законы физики неизменны в пространстве и времени. Абсолютно все физические законы в истории че-

ловечества, начиная с Архимеда до теории струн, все научные открытия и плоды человеческого разума являются побочными продуктами этого великого закона. Профессор, мы теперь можем считать себя теоретиками науки! По сравнению с нами Эйнштейн и Хокинг всего лишь заурядные инженеришки.

– Я по-прежнему не пойму, к чему вы ведете.

– Вообразите себе иные результаты. В первый раз белый шар толкнул черный в лузу. Во второй черный отскочил. В третий черный шар взлетел к потолку. В четвертый он пометался по всей комнате, как испуганный воробей, и канул в ваш карман. И в пятый раз черный шар, набрав скорость, близкую к скорости света, проломил бортик стола, пронзил стену и покинул Землю, а потом и Солнечную систему, как это описал Азимов¹⁷. Что бы вы тогда сказали?

Дин внимательно наблюдал за Ваном. После долгого молчания тот произнес:

– Это произошло на самом деле. Я прав?

Дин опустошил оба стакана, которые держал в руках, и уставился на бильярдный стол так, будто ему явился дьявол.

– Да. Это произошло. В последние годы у нас появилось новое оборудование для опытной проверки фундаментальных теорий. Были сооружены три чертовски дорогих «бильярдных стола»: один в Северной Америке, другой в Европе и третий – вы его знаете, в Лянсяне. Ваш Исследовательский

¹⁷ См. рассказ А. Азимова «Бильярдный шар». – *Прим. автора.*

институт нанотехнологий заработал очень неплохие деньги на поставках для него.

На этих ускорителях сталкивающимся частицам можно придать энергии на порядок больше, чем на всех других, – такого уровня человечество еще никогда не достигало. И вот на этом самом новейшем оборудовании, при одних и тех же частицах, одном количестве энергии и одинаковых экспериментальных параметрах получены совершенно разные результаты. Причем не только на разных ускорителях, но и на одном и том же ускорителе в разное время. Физики впали в панику. Они бесконечно повторяли опыты, не меняя условий, и каждый раз получали иной результат. Совершенно никакой системы!

– И что все это значит? – спросил Ван, но Дин лишь смотрел на него и молчал. Не дождавшись ответа, Ван добавил: – Да, я нанотехнолог и тоже работаю с микроскопическими объектами, но вы-то имеете дело с частицами на много порядков меньше! Пожалуйста, растолкуйте мне все с самого начала.

– Это значит, что законы физики не неизменны в пространстве и времени.

– То есть как это?!

– Думаю, дальнейшие выводы вы сможете сделать сами. Даже генерал Чан додумался. В уме ему не откажешь.

Ван задумчиво посмотрел в окно. Городские огни затмевали звезды в ночном небе.

– Это значит, что таких законов физики, которые выполнялись бы в любой точке Вселенной, не существует, что, в свою очередь, значит... что физики не существует, – сказал Ван и отвернулся от окна.

– «Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора», – процитировал Дин. – Это вторая половина ее записки. Первую вы только что сформулировали сами. Теперь вы понимаете, почему она так поступила? Ну хоть немного?

Ван взял в руку белый шар, погладил и опустил обратно на сукно.

– Для человека, находящегося на переднем фронте теоретической науки, это настоящая катастрофа.

– Теоретическая физика требует чуть ли не религиозной веры. А фанатика легко столкнуть в пропасть.

Прощаясь, Дин И дал Вану бумажку с адресом:

– Если у вас будет время, пожалуйста, навестите мать Ян Дун. Они всегда жили вместе, и Дун была для матери зеницей ока. Теперь старушка почти все время одна.

– Дин, вы знаете гораздо больше меня. Не могли бы вы рассказать подробнее? Неужели вы и вправду верите, что законы физики не неизменны в пространстве и времени?

– Да не знаю я ничего! – Дин долго молча смотрел Вану в глаза и наконец проговорил: – Вот в чем вопрос.

Ван понял, что Дин И закончил цитату, часть которой привел британский полковник: «Быть или не быть – вот в

чем вопрос».

Глава 6

Стрелок и фермер

Следующий день был выходной. Ван встал пораньше и поехал кататься на велосипеде. Как фотографа его больше всего привлекали картины девственной природы, свободной от присутствия человека. Теперь, когда Ван был уже не так молод, у него не хватало энергии ехать куда-то далеко, поэтому он ограничивался съемками в городе.

Сознательно или бессознательно, но он обычно выбирал мотивы, в которых было что-то от дикой природы: пересохшее озерцо в парке, свежевыкопанная земля на стройке, сорняк, пробивающийся сквозь трещину в асфальте... Чтобы насыщенные городские краски не мешали восприятию, Ван пользовался только черно-белой пленкой. Он выработал свой особый стиль, и его заметили. Некоторые его работы отобрали для участия в двух выставках, а Вана приняли в Союз фотографов. В поисках вдохновения и композиций, которые тронули бы его душу художника, он подолгу колесил по городским улицам. Зачастую он уезжал из дому на целый день.

С самого утра Ван чувствовал себя не в своей тарелке. Его художественный стиль тяготел к классическому – спокойно-му и уравновешенному, но сегодня ему никак не удавалось

достичь состояния духа, необходимого для съемки. Город, только что пробудившийся ото сна, представлялся ему построенным на песке. Стабильность была иллюзорной. Всю ночь Вану снились те самые два бильярдных шара. Они носились в темном пространстве без всякой системы; черный растворялся на черном фоне, и его можно было заметить только тогда, когда он заслонял собой белый шар.

«Неужели основной закон природы – это отсутствие законов? – размышлял Ван. – Возможно ли, что стабильность и порядок – лишь временное динамическое равновесие, достигнутое только в одном уголке Вселенной, маленький островок покоя в океане хаоса?»

Неожиданно для себя самого Ван оказался у подножия только что построенного здания Центрального телевидения Китая. Он остановился на обочине и всмотрелся в гигантскую башню в форме буквы А, пытаясь вновь обрести равновесие. Его взгляд заскользил по острому шпилью, который устремлялся в бездонную голубизну неба, сияя в лучах утреннего солнца. И в голове Вана внезапно всплыли два слова: «стрелок» и «фермер».

Когда члены «Рубежей науки» вели дискуссии на физические темы, они часто пользовались сокращением «СФ». Нет, они имели в виду не «сай-фай», то есть научную фантастику, а эти самые два слова – «стрелок» и «фермер». Это была отсылка к двум гипотезам, включающим в себя фундаментальные законы природы и Вселенной.

Гипотеза стрелка состоит в следующем: снайпер стреляет в мишень, пробивая ее через каждые десять сантиметров. Теперь вообразите себе, что поверхность мишени заселена расой разумных двумерных существ. Их ученые, наблюдая за Вселенной, открыли великий закон: «Через каждые десять сантиметров во Вселенной имеется отверстие». Они приняли сиюминутную прихоть стрелка за закон природы.

В гипотезе фермера есть что-то от фильма ужасов. Итак, каждое утро на индюшиной ферме начинается с того, что фермер кормит птиц. Ученая индюшка, наблюдавшая данное явление в течение почти целого года, приходит к выводу: «Каждое утро в одиннадцать прибывает еда». В утро Дня благодарения всезнайка провозглашает сей закон товаркам. Но в этот день, в одиннадцать, вместо кормежки фермер забивает всех индюшек.

Вану почудилось, что земля под его ногами плывет, как зыбучий песок. Телебашня задрожала и покачнулась. Он быстро перевел взгляд вниз, на улицу.

* * *

Стараясь избавиться от неприятного чувства, Ван заставил себя побыстрее доснять всю пленку и к обеду уже был дома. Жена с сыном ушли на прогулку и вернутся нескоро. Обычно Вану не терпелось сразу проявить отснятую пленку, но сегодня настроение было не то. После легкого обеда

он прилег вздремнуть. Поскольку ночью он спал плохо, то проснулся только часов в пять. Вспомнив о пленке, Ван отправился в чулан, приспособленный под темную комнату.

Когда пленка была проявлена, он начал просматривать кадры – стоит ли какой-нибудь из них того, чтобы его напечатать? И на первом же увидел нечто странное. На снимке изображался скверик напротив большого торгового центра. В самой середине негатива виднелся ряд крохотных белых значков, которые при ближайшем рассмотрении оказались цифрами: *1200:00:00*.

На следующем кадре тоже были цифры: *1199:49:33*, на третьем *1199:40:18*.

Фактически каждый кадр содержал такие числа. На последнем, тридцать шестом, значилось: *1194:16:37*.

Первой мыслью Вана было, что что-то случилось с пленкой. Leica M2 1988 года выпуска, которой он пользовался, была пленочным фотоаппаратом старой конструкции, так что никаких цифр, например, дату, печатать на пленке не умела. Из-за высокого качества объектива и безукоризненно отлаженного механизма этот фотоаппарат считается великолепной профессиональной камерой даже в наш цифровой век.

Еще раз просматривая негативы, Ван обнаружил и другую странность: цифры будто специально приспособлялись к изображению. На черном фоне цифры были белые и наоборот – для максимального контраста. К тому времени, когда

Ван снова дошел до шестнадцатого кадра, сердце его уже колотилось как бешеное, а по спине полз холодок.

Этот снимок изображал мертвое дерево у древней стены, испещренной белыми и черными пятнами. Такой фон создавал трудности: и черные, и белые цифры будут одинаково плохо видны. И что же? На этой картинке числа выстроились вертикально, следуя изгибам древесного ствола. Ряд белых цифр извивался на темной коре мертвого дерева, точно ядовитая змея.

Ван принялся анализировать математические закономерности чисел. Сначала он думал, что это некая порядковая нумерация, но разница между числами была неодинаковая. Потом предположил, что числа выражают время: часы, минуты и секунды. Он достал свой журнал съемок, куда педантично заносил время каждого снимка с точностью до минуты, и обнаружил, что разница между двумя последовательными кадрами соответствует разнице во времени между щелчками затвора.

Это был обратный отсчет.

Он начался с 1200 часов. Сейчас оставалось около 1194 часов, то есть меньше 50 дней.

«Сейчас? Нет, в момент, когда я сделал последнюю фотографию. Интересно, отсчет продолжается?»

Ван вышел из чулана, заправил в «лейку» новую кассету с пленкой и пустился фотографировать все подряд. Даже вышел на балкон и сделал несколько снимков на све-

жем воздухе. Прикончив пленку, он вынул ее и вернулся в темную комнату. На проявленных негативах, словно призраки, опять красовались цифры. На первом кадре значилось: *1187:27:39*. Разница точно соответствовала отрезку времени, прошедшему между последним кадром предыдущей пленки и первым нынешней. На остальных негативах числа последовательно уменьшались на три-четыре секунды: *1187:27:35*, *1187:27:31*, *1187:27:27*, *1187:27:24*... – точно соответствуя интервалам между щелчками затвора.

Отсчет продолжался.

Ван опять зарядил в камеру новую пленку. Он щелкал беспрерывно, иногда даже не снимая крышку с объектива. Как раз в момент, когда он вынимал пленку из аппарата, вернулись жена с сыном. Прежде чем уйти в темную комнату, Ван заправил в «лейку» свежую пленку и вручил камеру жене:

– Вот. Окажи услугу – снимай, пока пленка не закончится.

– Что снимать? – переполошилась жена. Ван никому не позволял пальцем притронуться к своему драгоценному фотоаппарату; правда, ни жена, ни сын никогда и не проявляли особого желания это сделать. В их глазах допотопная «лейка» была просто старьем ценой более двадцати тысяч юаней.

– Неважно. Просто щелкай все подряд. – Ван сунул камеру жене в руки и собрался нырнуть в чулан.

– Ну ладно... Дуду, может, давай тебя пофотографируем? – Жена направила объектив на сына.

Вану вдруг представилось лицо сына, пересеченное рядом

потусторонних цифр, словно клеймом палача.

– Нет, только не его! Снимай что-нибудь другое.

Затвор щелкнул – жена сделала первый снимок.

– А почему не нажимается опять? – спросила она. Ван показал ей, как перевести кадр.

– Ты должна делать это после каждого снимка, – сказал он и ушел в темную комнату.

– И зачем эти сложности... – Жена Вана, врач, не понимала, что за блажь цепляться за этот дорогуший, но устаревший аппарат, когда существуют цифровые камеры с разрешением в десять, а то и в двадцать мегапикселей. Да еще и пользоваться черно-белой пленкой.

Проявив третью пленку, Ван посмотрел сквозь нее на красную лампочку. Сверхъестественный обратный отсчет продолжался. Цифры были на всех кадрах, в том числе и на тех, что снимались с закрытой крышкой: *1187:19:06, 1187:19:03, 1187:18:59, 1187:18:56...*

Жена постучала в дверь и сообщила, что задание выполнено. Ван высунулся из чулана и, взяв у жены фотоаппарат, дрожащими руками извлек кассету и, игнорируя озабоченный взгляд супруги, нырнул обратно в чулан и захлопнул за собой дверь. Он так спешил, что заляпал реактивами весь пол. Вскоре проявка завершилась, и Ван закрыл глаза, молясь про себя: «Пожалуйста, не появляйтесь больше! Я не хочу, чтобы настал мой черед...»

Он навел на снимки увеличительное стекло. Цифр не бы-

ло. На негативах отображался только интерьер квартиры и больше ничего. Под неумелой рукой жены картинки вышли немного смазанные, однако это были самые прекрасные фотографии, которые Ван когда-либо видел.

Весь в поту, он вышел из темной комнаты и с облегчением выдохнул. Жена возилась на кухне, сын играл в детской. Ван опустился на софу и, немного успокоившись, принялся обдумывать происходящее, стараясь найти ему рациональное объяснение.

Первым делом он отмел возможность того, что числа, точно отмечавшие промежутки времени между щелчками затвора и выдававшие признаки чьего-то расчетливого вмешательства, были заранее отпечатаны на пленке. Нет, они возникали там в процессе фотографирования. Но как? Может, в аппарате поломка? А может, кто-то без ведома Вана встроил в камеру какой-то механизм?

Ван снял объектив, разобрал камеру и внимательно изучил все компоненты с помощью увеличительного стекла. Он не обнаружил не только каких-либо изъянов, но даже пыли. Затем ему пришло в голову, что раз числа есть и в тех снимках, которые были сделаны с закрытой крышкой, то источником света могло послужить какое-то проникающее излучение. Но где находится его источник? Как удалось направить лучи точно в объектив? И разве это возможно чисто технически?!

По крайней мере, при нынешнем уровне развития техни-

ки осуществить такое могла бы только какая-то сверхъестественная сила.

1186:34:13, 1186:34:02, 1186:33:46, 1186:33:35...

Желая убедиться, что жуткие цифры исчезли, Ван зарядил в «лейку» еще одну кассету и снова начал снимать все подряд. Но после проявки его кратковременная радость улетучилась. Ему показалось, что он сходит с ума. Отсчет возобновился. Судя по числам, он никогда и не останавливался, просто его не было на снимках, которые сделала же-на.

Ван вылетел из темной комнаты и кинулся к входной двери. Выскочив на лестничную площадку, он заколотил в двери соседа, профессора Чжана.

— Профессор Чжан, у вас есть фотоаппарат? Не цифро-вой, а обычный, с пленкой?

— Такой профессионал, как вы, хочет одолжить у меня фотоаппарат?! А что случилось с вашей замечательной ка-мерой? У меня только цифровая «мыльница»... С вами все в порядке? Вы так бледны...

— Будьте добры, дайте мне ее!

Чжан ушел и вернулся с «мыльницей» — обычным цифро-вым «Кодаком».

— Вот, пожалуйста. В ней есть кое-какие кадры, можете их смело удалить.

— Спасибо!

Ван схватил камеру и понесся домой. Собственно, у него

были еще три фотоаппарата с пленкой и один цифровой, но он думал, что лучше будет одолжить камеру у кого-то другого. Однако, взглянув на «лейку», лежащую на софе, он решил заправить в нее новую пленку, а соседский «Кодак» протянул жене, накрывавшей на стол:

- Быстро сделай еще несколько снимков, как раньше!
- Да что с тобой? Только посмотри на себя! Ты заболел?!
- Не обращай внимания. Фотографируй!

Жена поставила тарелки на стол и подошла к Вану. В глазах ее светились беспокойство и страх.

Ван сунул «Кодак» шестилетнему сыну, как раз начавшему есть.

– Дуду, помоги папе. Нажми на эту кнопочку. Правильно, вот так. Это один снимок. А теперь нажми еще раз. Это второй. Продолжай нажимать. Фотографируй все, что хочешь.

Малыш учился быстро. Игрушка ему понравилась, он бойко защелкал кнопочкой. Ван развернулся кругом, взял с софы «лейку» и тоже начал снимать. Отец и сын щелкали затворами как сумасшедшие. Молниями сверкали вспышки. Жена Вана, не зная, что и подумать, расплакалась.

– Ван Мяо, я понимаю, в последнее время у тебя страшный стресс, но, пожалуйста, ты же не..?

Ван заполнил всю пленку в «лейке» и выхватил у сына цифровую камеру. На мгновение задумался, а потом ушел в спальню, подальше от разволновавшейся жены, и сделал несколько снимков с помощью «Кодака». Боясь смотреть на

экран, он пользовался видеоискателем, хотя и сознавал, что все равно очень скоро придется взглянуть правде в глаза.

Ван вынул кассету из «лейки», вновь нырнул в темную комнату, запер дверь и принялся за работу. Проявив пленку, он стал внимательно изучать негативы. Пальцы дрожали, поэтому лупу пришлось держать двумя руками.

Отсчет продолжался.

Ван выскочил из темной комнаты, схватил цифровой «Кодак» и уставился на экран. На кадрах, которые снял его сын, цифр не было. На тех, что сделал он сам, отсчет продолжался и был синхронизирован с числами на пленке из «лейки».

Итак, он пользовался разными фотоаппаратами, что позволяло исключить из числа возможных объяснений проблемы с пленкой или камерой. Но, попросив жену и сына делать снимки, Ван получил еще более странный результат: обратный отсчет появлялся только на тех кадрах, которые отснял *он сам*, и больше нигде!

В отчаянии Ван сгреб проявленные пленки. Те были похожи на зловещий клубок змей, на охапку веревок, запутавшихся в узел, который невозможно развязать.

Он понимал, что решить эту проблему собственными силами не в состоянии. К кому же обратиться? К бывшим однокашникам по университету или коллегам по институту? Бесполезно. Все они, подобно ему самому, были людьми с техническим складом ума, а Ван подспудно сознавал, что корни его проблемы лежат гораздо глубже. Он подумал о док-

торе Дин И, но тому сейчас не до чужих забот. Наконец, он вспомнил о «Рубежах науки»: члены общества были истинными мыслителями, умами, открытыми для новых идей.

И он набрал номер Шэнь Юйфэй.

– Доктор Шэнь, у меня проблема. Мне нужно увидеться с вами.

– Приезжайте, – откликнулась Шэнь и повесила трубку.

Шэнь не отличалась разговорчивостью; кое-кто в «Рубежах науки» в шутку называл ее Хемингуэем в юбке. Ван не знал, как расценивать то, что она сразу согласилась увидеться с ним, даже не спросив, в чем дело. Он не мог решить, радоваться ему или тревожиться еще больше.

Затолкав спутанный клубок фотопленок в сумку и прихватив цифровую камеру, Ван под перепуганным взглядом жены вылетел из квартиры. Он мог бы поехать на своей машине, но ему не хотелось оставаться одному в вечернем городе, пусть и освещенном множеством огней. Поэтому он вызвал такси.

* * *

Шэнь жила в элитарном жилом поселке, к которому вела новая ветка пригородного поезда. Здесь, на окраине, огни были не такими яркими. Посреди поселка плескался небольшой пруд, в котором было полным-полно рыбы – специально для здешних жителей. Ночью поселок напоминал насто-

ящую деревню.

Было очевидно, что Шэнь – женщина с достатком, хотя Ван не мог понять, в чем его источник: ни ее прежняя должность исследователя, ни нынешняя работа в частной компании больших доходов не давали. Правда, обстановка внутри дома роскошью не отличалась. Здесь проходили собрания «Рубежей науки», и Вану всегда казалось, что дом Шэнь похож на небольшую библиотеку с комнатой для собраний.

В гостиной Ван встретил Вэй Чэна, мужа Шэнь. Вэй было около сорока, на вид солидный, степенный интеллектual. Помимо его имени, Ван мало что знал о нем; Шэнь не слишком откровенничала, знакомя их друг с другом. Судя по тому, что Вэй целыми днями сидел дома, он не работал. Дискуссии «Рубежей науки» никогда не вызывали у него интереса, но, похоже, он привык к тому, что в их доме постоянно толчется ученый люд.

Однако и без дела Вэй не слонялся. Вечно погруженный в размышления, он, должно быть, вел какие-то исследования на дому. Встречая гостей, он обычно рассеянно приветствовал их и возвращался в свою комнату наверху, где проводил большую часть дня. Как-то раз Ван Мяо заглянул в открытую дверь его комнаты и был поражен, увидев мощную рабочую станцию «Хьюлетт-Паккард». Ван был уверен, что не ошибается, потому что в своем исследовательском институте работал точно на такой же станции: синевато-серое шасси, модель RX8620, выпущенная четыре года назад. Что ни

говорите, а это очень странно – использовать в качестве персонального компьютера машину стоимостью более миллиона юаней. Что же делает на ней Вэй Чэн днями напролет?!

– Юйфэй сейчас немного занята. Присаживайтесь, подождите, – сказал Вэй Чэн и пошел по лестнице наверх.

Ван был не против подождать, но обнаружил, что не может спокойно усидеть на одном месте, и поэтому последовал за Вэй Чэном. На пороге своей комнаты Вэй заметил, что гость идет за ним, но раздражения это в нем, по всей вероятности, не вызвало. Он указал на дверь напротив:

– Она там.

Ван постучался. Не затворенная до конца дверь приоткрылась. Шэнь сидела перед компьютером и играла в игру. Ван опешил, увидев, что она облачена в V-костюм.

V-костюмы, весьма популярные среди геймеров, состоят из шлема с экраном, дающим панорамный обзор, и тактильно-интерактивного комбинезона. Он позволяет игроку испытать полный набор игровых ощущений, например, почувствовать, каково это – получить удар в челюсть или нож в ребро, или гореть в огне, и тому подобное. С помощью костюма можно было испытать чувства экстремального жара и холода и даже узнать на себе, что чувствует человек, попавший в снежную бурю.

Ван подошел и встал у Шэнь за спиной. Поскольку игровая картинка проецировалась непосредственно на панорамный экран внутри шлема, то окно браузера на мониторе оста-

валось пустым. Ван внезапно припомнил совет Ши Цяна запоминать адреса сайтов и электронной почты. Приглядевшись, он разобрал адрес страницы: www.3body.net.

Шэнь сняла шлем и комбинезон и водрузила на нос очки, которые казались слишком большими для ее узкого лица. Она бесстрастно кивнула Вану, не промолвив при этом ни слова. Ван извлек из сумки перепутанные пленки и начал рассказывать о странном происшествии. Шэнь слушала его очень внимательно; фотопленки же не вызвали у нее особого интереса, она лишь скользнула по ним взглядом. Это удивило Вана и одновременно дало ему понять, что для Шэнь происходящее с ним не в новинку. Он замолчал, но слушательница кивнула, прося продолжать.

Ван завершил рассказ, и тогда впервые за все время Шэнь заговорила:

– Как подвигается ваш проект с наноматериалом?

Вопрос, никак не связанный с его делом, привел Вана в замешательство.

– С наноматериалом? Какое отношение он имеет к этому? – Он указал на ворох пленок.

Она молча продолжала смотреть на него, ожидая ответа на свой вопрос. Таков был ее стиль – не расходовать воздух зря.

– Остановите исследования, – наконец сказала она.

– Что? – Ван подумал, что ослышался. – О чем вы?

Шэнь хранила молчание.

– Как это – остановить? Это же ключевой национальный проект!

Она по-прежнему ничего не говорила, только спокойно смотрела на него.

– Ну обоснуйте хотя бы как-нибудь!..

– Просто остановите. Попробуйте.

– Вы ведь что-то знаете! Что?! Скажите мне!

– Я уже сказала все, что могла.

– Я не могу остановить проект! Это невозможно!

– Просто остановите, и все. Попробуйте.

На этом разговор об отсчете был окончен. С какой бы стороны Ван ни пытался зайти, Шэнь отвечала: «Просто остановите, и все».

– Я все понял! – заявил Ван. – «Рубежи науки» не просто дискуссионная группа, обсуждающая проблемы фундаментальной теории, как вы это утверждаете! Ваши связи с практикой намного теснее, чем я себе представлял.

– Нет, не поняли. «Рубежи науки» заняты проблемами еще более фундаментальными, чем вы себе представляете.

Отчаявшись получить ответ, Ван ушел не прощаясь. Шэнь молча проводила его до двери и наблюдала, как он садится в такси.

В этот момент к дому подкатила другая машина и, взвизгнув тормозами, остановилась. Из машины вышел человек. В неярком свете, льющемся из прихожей, Ван сразу узнал его.

Это был Пань Хань – один из наиболее выдающихся чле-

нов «Рубежей науки», биолог, некогда предположивший и доказавший связь между врожденными аномалиями развития и долговременным потреблением генетически модифицированной пищи. Он также предсказал экологические катастрофы, обусловленные культивированием генетически модифицированных растений. Тогда как обычные пророки апокалипсиса просто предсказывали всяческие беды, не вдаваясь при этом в детали, прогнозы Паня содержали подробности, которые позже оказывались точно соответствующими действительности. Настолько точно, что ходили слухи, будто этот человек – пришелец из будущего.

Он был также известен тем, что создал первую в Китае экспериментальную общину. В отличие от утопических групп Запада, призывающих «назад к природе», его «Пасторальный Китай» располагался не где-то в глуши, а в одном из самых крупных городов страны. Община не имела никакой собственности. Все, что нужно было для жизни, включая еду, ее члены добывали из городских отбросов. И хотя многие предсказывали «Пасторальному Китаю» быстрый и бесславный конец, он не только выжил, но и процветал. В настоящий момент в нем насчитывалось три тысячи постоянных членов и неисчислимое множество временных, которые присоединялись к нему ненадолго ради новизны впечатлений.

Благодаря этим своим успехам Пань становился все более и более заметной фигурой в общественной жизни. Он утвер-

ждал, что технический прогресс – это болезнь, разъедающая человечество. Взрывной характер развития технологий аналогичен росту раковой опухоли, и результат будет таким же: исчерпание всех ресурсов, разрушение органов и в конце – смерть. Пань призывал отказаться от атомной энергии и ископаемых энергоносителей и оставить только солнечные и небольшие гидроэлектростанции. Он верил, что можно остановить дальнейшее разрастание современных мегаполисов путем равномерного расселения их жителей по поселкам и деревням, которые сами обеспечивали бы себя всем необходимым. Ресурсосберегающие технологии, полагал он, дадут возможность построить новое аграрное общество.

– Он у себя? – спросил Пань у хозяйки дома.

Та молча преградила ему дорогу.

– Я обязан предостеречь его. И вас тоже, – проговорил Пань ледяным тоном. – Не вынуждайте нас прибегать к силе.

Шэнь обратилась к водителю такси:

– Вы можете ехать.

Машина тронулась, и дальнейшего разговора Ван не слышал, но, обернувшись, видел в заднее стекло, как Шэнь не давала визитеру войти в дом.

* * *

Ван вернулся домой за полночь. Когда он выходил из такси, рядом резко остановился черный «Фольксваген Санта-

на». Стекло опустилось, и из машины вырвался клуб дыма. Водительское сиденье просело под грузным телом Ши Цяна.

– Профессор Ван! Академик Ван! Как ваши дела в последние пару дней?

– Вы следите за мной? Вам что – больше нечем заняться?!

– Вы меня не так поняли. Я мог бы просто проехать мимо, но вдруг решил проявить вежливость и поздороваться. И вот ваша благодарность! – Ши надел на лицо свою фирменную кривую усмешку. – Ну что? Вынюхали что-нибудь интересное?

– Я сказал, что не желаю иметь с вами никаких дел. Оставьте меня в покое!

– Ладно. – Ши завел мотор. – Можно подумать, я ради бабок сверхурочно горбатился. Вот и футбол пропустил...

* * *

Ван вошел в квартиру. Жена уже спала; он слышал, как она беспокойно ворочается и что-то неразборчиво бормочет во сне. Из-за пугающего поведения мужа у нее теперь, наверно, кошмары. Ван проглотил несколько таблеток снотворного, лег в постель и после долгого ожидания наконец заснул.

Его сны были хаотичны, но один постоянно повторялся – призрачные числа, реющие в воздухе. Еще перед тем как заснуть, Ван знал, что увидит их. Так оно и случилось. Во сне он кидался на цифры как безумный, рвал их, кусал, но на них

даже отметин не оставалось. Отсчет продолжался, неумолимый, неостановимый... И когда исступление Вана дошло до предела, он проснулся.

Открыв глаза, он уперся взглядом в потолок. Городские огни, пробивавшиеся сквозь занавески, ложились на него неясными бликами. Но что это? Отсчет, который Ван видел во сне, продолжался наяву! Цифры по-прежнему стояли перед его глазами, их тонкие, но яркие линии пылали белым:

1180:05:00, 1180:04:59, 1180:04:58, 1180:04:57...

Ван оглянулся вокруг, всматриваясь в темноту спальни. Он был уверен, что не спит, но отсчет – вот он, здесь. Ван закрыл глаза, но цифры никуда не делись. Они светились и переливались, будто ртуть на перьях черного лебедя. Ван открыл глаза, потер их... Числа не исчезли. Куда бы Ван ни направил взгляд, они все время оставались в центре его поля зрения.

Безымянный ужас охватил Вана. Он рывком сел. Отсчет продолжался. Ван соскочил с постели, рванул занавески, открыл окно... Ночной город играл яркими огнями. И на этом величественном фоне светились кошмарные цифры, словно субтитры на киноэкране.

Ван почувствовал, что задыхается, и испустил придушенный крик. Жена проснулась, перепугалась и засыпала его вопросами. Он попытался взять себя в руки и стал твердить ей, что это все пустяки, просто плохой сон. Улегишись обратно в постель, Ван закрыл глаза и провел остаток но-

чи под неусыпным свечением обратного отсчета.

Утром он попытался вести себя, как будто ничего не случилось, но жену было невозможно обмануть. Она пристала к нему с расспросами, все ли у него в порядке с глазами.

Позавтракав, Ван позвонил в институт и сказался больным, а потом отправился к врачу. Все время, пока он ехал, призрачные цифры безжалостно заслоняли собой реальный мир. Они регулировали свою яркость, так что их было хорошо видно на любом фоне. Один раз Ван даже попытался подавить их свечение другим, более ярким светом и установился на восходящее солнце. Все без толку. Жуткие числа сменили цвет на черный и ясно обозначились на солнечном диске, словно спроецированные туда каким-то сверхъестественным киноаппаратом, отчего Ван испугался еще больше.

В больнице Тунжэнь было полно народу, но ему удалось прорваться к знаменитому офтальмологу, учившемуся вместе с его женой. Он попросил осмотреть его глаза, не называя, однако, симптомов. Внимательно обследовав оба глаза, доктор не нашел в них ни малейших отклонений.

– Я все время вижу что-то непонятное. Куда бы ни посмотрел – оно там. – Произнося эти слова, Ван отчетливо видел цифры, висящие перед лицом доктора:

1175:11:34, 1175:11:33, 1175:11:32, 1175:11:31...

– А, так ты имеешь в виду «мушки»! – Врач взял рецептурный бланк и принялся писать. – Обычное явление в на-

шем возрасте, результат помутнения стекловидного тела. Их трудно лечить, но угрозы зрению они не представляют. Вот тебе капли с йодом и витамин D. Возможно, «мушки» пройдут, но особо не надейся. Постарайся просто не обращать внимание на эту ерунду.

– Мушки... Как они обычно выглядят?

– У них нет какой-то особой формы. У разных людей по-разному. У кого-то как маленькие черные точки, у других – как головастики...

– А могут они быть похожи на серию цифр?

Доктор перестал писать.

– Ты видишь цифры?

– Да, прямо в центре поля зрения.

Доктор положил ручку и посмотрел на Вана с сочувствием.

– Как только ты вошел, я сразу заметил, что вид у тебя утомленный. На последней встрече выпускников Ли Яо сказала, что на работе у тебя сплошной стресс. В нашем возрасте нужно быть осторожней. Здоровье уже не то, что раньше.

– Ты хочешь сказать, здесь задействованы психологические факторы?

Доктор кивнул.

– Если бы на твоём месте был кто-то другой, я бы посоветовал обратиться к психиатру. Но, думаю, ничего серьёзного, просто переутомление. Почему бы тебе не отдохнуть

несколько дней? Возьми отпуск. Побудь с Яо и малышом... как его? Дуду, правильно? Никаких волнений. И все пройдет.

1175:10:02, 1175:10:01, 1175:10:00, 1175:09:59...

– Ладно, я скажу тебе, что вижу. Это обратный отсчет! Секунда за секундой, как часы. Ты хочешь сказать, что все это у меня в голове?

Доктор терпеливо улыбнулся.

– Знаешь, как сильно мозг может воздействовать на зрение? В прошлом месяце была у нас пациентка, девочка лет пятнадцати-шестнадцати. Она сидела на уроке и вдруг потеряла способность видеть. Ослепла полностью. Но все тесты показали, что с точки зрения физиологии с глазами у нее все в порядке. Направили ее к психиатру; она походила месяц на психотерапию – и зрение вернулось.

Похоже, подумал Ван, я даром теряю здесь время. Он поднялся.

– Ладно, давай не будем больше о моих глазах. У меня еще один, последний вопрос: тебе неизвестен какой-нибудь физический феномен, который мог бы воздействовать на расстоянии и вызывать у людей видения?

Доктор призадумался.

– Пожалуй, известен. Некоторое время назад я входил в команду медиков, работавшую с космическим кораблем «Шэньчжоу-19». Некоторые тайконавты¹⁸, выходявшие в

¹⁸ Так китайцы называют космонавтов. – Прим. перев.

открытый космос, докладывали, что видели вспышки, которых не существовало. Астронавты Международной космической станции сообщали о похожих явлениях. Выяснилось, что в периоды усиленной солнечной активности частицы высоких энергий бомбардируют сетчатку, и тогда человек видит вспышки. Но ты говоришь о цифрах, еще точнее, об отсчете. Солнечная активность такого воздействия оказать не может.

Ван вышел из больницы как в тумане. В глазах по-прежнему стояли цифры. Ему казалось, что это он сам следует за ними, идет за призраком, и нет никакой возможности разорвать эту связь. Он купил солнцезащитные очки и надел их – может, так будет не слишком заметно, что его глаза блуждают, как у лунатика.

Перед тем как войти в главную лабораторию своего института, Ван снял очки. Коллеги, заметившие, что с ним что-то не так, провожали его озабоченными взглядами.

Ван увидел, что главная реакторная камера в центре лаборатории запущена на полную мощность. Основная часть гигантского аппарата представляла собой сферу со множеством подсоединенных труб.

Ван и его коллеги изготовили небольшое количество нового, сверхпрочного наноматериала, которому дали кодовое название «парящее лезвие». Однако все образцы пока что были сделаны с использованием технологии молекулярного конструирования, то есть молекулы скрупулезно составили

вместе с помощью нанозонда – одну за другой, словно кирпичики. Работа требовала колоссального количества времени и ресурсов, и результат всех усилий по праву можно было бы назвать самой большой в мире драгоценностью. При таком методе о массовом производстве не могло идти и речи.

В настоящее время лаборатория разрабатывала другой метод – с помощью каталитической реакции, которая заменила бы собой молекулярное конструирование; при таком подходе большое число молекул одновременно составлялись бы вместе в нужном порядке. Главная реакторная камера позволяла проводить реакции непрерывно и быстро, задействуя различные комбинации молекул. Этих комбинаций было так много, что, если бы опыты ставились вручную, не хватило бы и ста лет. Вдобавок аппарат расширял поле поиска, проводя математическое моделирование: когда реакция достигала определенной стадии, компьютер создавал модель, основанную на промежуточных продуктах, и просчитывал на ней оставшиеся реакции. Эксперимент шёл быстрее.

Увидев вошедшего Вана, начальник лаборатории поспешил к нему и затянул свою обычную песню о неполадках в главной реакторной камере. Этот ритуал повторялся каждый раз, когда бы Ван ни приходил в лабораторию. К настоящему моменту камера работала непрерывно уже целый год, многие сенсоры изнашивались, отчего страдала точность измерений. Давно пора было заглушить машину и приступить к ремон-

ту, но Ван, ведущий исследователь проекта, настаивал, что сначала надо произвести третью серию молекулярных комбинаций, а ремонт – потом. Техникам ничего не оставалось, как, фигурально выражаясь, наскоро латать дыры; а теперь, когда и заплатки нуждались в собственных заплатках, персонал дошел до последней степени изнеможения.

Однако начальник лаборатории не заикался о том, чтобы выключить машину и приостановить эксперимент, зная, что такая просьба приведет шефа в ярость. Он просто перечислял Вану неисправности, хотя невысказанное желание, стоявшее за этим сухим отчетом, было очевидно.

Инженеры суежились вокруг реакторной камеры, словно врачи вокруг умирающего, пытаясь продлить ему жизнь. И на фоне этой картины продолжался отсчет:

1174:21:11, 1174:21:10, 1174:21:09, 1174:21:08...

«Просто остановите. Попробуйте», – говорила ему Шэнь.

– Сколько времени уйдет на замену сенсоров? – спросил Ван.

– Четыре-пять дней. – Начальник лаборатории узрел лучик надежды и быстро добавил: – Если поработать как следует, то три. Гарантирую, доктор Ван!

«Это не значит, что я сдаюсь, – внушал себе Ван. – Аппаратура требует наладки, так что эксперимент на полном основании можно приостановить. И мои проблемы тут ни при чем».

Он повернулся к начальнику и сфокусировался на его ли-

це сквозь маячившие перед глазами цифры:

– Остановите эксперимент и выполните ремонт. Уложите в сроки, которые вы мне пообещали.

– Безусловно, доктор Ван! Я сейчас дам вам подробную распечатку, что и когда будет сделано. Мы сможем остановить реакцию уже сегодня вечером!

– Остановите ее прямо сейчас!

Начальник лаборатории ошеломленно уставился на него, но быстро пришел в себя и, словно боясь, что Ван передумает, схватил микрофон и дал команду остановить реакцию. Весь персонал заработал с удвоенным рвением. По очереди защелкали десятки переключателей – процедура остановки камеры началась. Многочисленные контрольные мониторы гасли один за другим, пока наконец на главном дисплее не высветился статус: камера заглушена.

И почти в тот же момент отсчет на сетчатке глаз Вана остановился. Прошла еще пара секунд, и последние числа – *1174:10:07* — мигнули и пропали.

Как только окружающий мир явился глазам Вана без жутких цифр, профессор испустил долгий выдох, как будто только что вынырнул из воды. Он сел, весь в поту, и только сейчас обнаружил, что все в лаборатории не сводят с него глаз.

– Ремонт занимается отдел оборудования, – обратился он к начальнику лаборатории. – Почему бы всей исследовательской группе не отдохнуть пару дней? Я ведь понимаю,

что каждый работал не покладая рук.

– Доктор Ван, вы тоже устали. Главный инженер Чжан займется наладкой, а вы могли бы пойти домой. Вам ведь отдых тоже не помешает?

– Да, я очень устал, – согласился Ван.

Начальник лаборатории ушел, а Ван вынул телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та взяла трубку после первого же звонка.

– Кто или что стоит за всем этим? – обрушился на нее Ван. Он старался сохранять самообладание, но не преуспел.

Молчание.

– Что случится по окончании отсчета?

Опять молчание.

– Вы меня слушаете?!

– Да.

– Почему именно наноматериалы?! Это же не ускоритель частиц! Всего лишь прикладные исследования! Стоят ли они такого внимания?!

– Кто мы такие, чтобы решать, что стоит внимания, а что не стоит?

– Хватит! – рявкнул Ван. Страх и отчаяние, накопившиеся за последние несколько дней, перешли в неконтролируемую ярость. – Думаете одурачить меня вашими дешевыми трюками?! Пытаетесь остановить технический прогресс?! Признаю, пока я не могу объяснить, как вы это продельваете, но это только потому, что у меня еще не было

возможности заглянуть за спину вашему бесстыдному фокуснику!

– Вы хотели бы увидеть отсчет в большем масштабе?

Услышав вопрос Шэнь, Ван на мгновение оторопел. Он заставил себя успокоиться. Не хватало еще попасть в их проклятую ловушку!

– Прекратите эти ваши фокусы! Что с того, что вы покажете его мне в большем масштабе? Все равно это лишь иллюзия! Вы можете спроецировать голограмму в небо, как это сделало НАТО во время последней войны. Если взять лазер достаточной мощности, можно изобразить картинку на поверхности Луны! Но ведь «стрелок» и «фермер», по предположениям, должны располагать силами, неподвластными человеку. Как насчет того, чтобы нарисовать цифры на поверхности солнца?!

Ван внезапно застыл с открытым ртом, в шоке от собственных слов. Он нечаянно назвал те две гипотезы, упоминания о которых должен был избегать как огня. Он едва не угодил в ту же западню, в которую попали другие жертвы!

Стараясь овладеть инициативой, он продолжал:

– Я не могу предвидеть ваши следующие трюки, но, может, вы и с солнцем это как-нибудь провернете, ваш презренный фокусник сможет заставить иллюзию выглядеть как реальность. Чтобы придать вашей демонстрации больше убедительности, вам придется проверить что-нибудь более впечатляющее!

– Вопрос в том, сумеете ли *вы* с этим справиться, – ответила Шэнь. – Ван, я ваш друг. Я хочу помочь вам избежать судьбы Ян Дун.

При упоминании этого имени Ван вздрогнул. Но тут на него накатила вторая волна ярости, отчего он потерял всякую осторожность.

– Вы принимаете мой вызов?!

– Конечно.

– И что вы предпримете?

– У вас есть компьютер с доступом к Интернету? Хорошо. Напишите адрес: <http://www.qsl.net/bg3tt/zl/mesdm.htm>. Откройте! Распечатайте это и держите всегда под рукой.

Открытая страница всего лишь содержала таблицу азбуки Морзе.

– Н-не понимаю... Это же...

– В течение следующих двух дней, пожалуйста, найдите лабораторию, где вы сможете наблюдать за реликтовым космическим излучением. Я пошлю вам детали электронным письмом.

– Но что... что вы собираетесь сделать?!

– Я знаю, что ваш проект по наноматериалу остановлен. Вы планируете вернуться к нему?

– Конечно! Через три дня.

– Тогда отсчет продолжится.

– И в каком масштабе я его увижу?

Последовало долгое молчание. Эта женщина, вещающая

от имени некой силы, превосходящей человеческое понимание, перекрыла Вану все пути к отступлению.

– Через три дня... значит, четырнадцатого... Четырнадцатого числа с часу ночи до пяти утра для вас будет мерцать вся Вселенная.

Глава 7

Три тела: Царь Вэнь из дома Чжоу и долгая ночь

Ван набрал номер Дина. И лишь когда тот взял трубку, вспомнил, что уже час ночи.

– Это Ван Мяо. Простите, что звоню так поздно.

– Ничего. Мне все равно не спится.

– Я... видел кое-что и прошу у вас помощи. Вы не знаете, есть ли в Китае обсерватории, наблюдающие за реликтовым микроволновым излучением?

Вану не терпелось поговорить с кем-нибудь о том, что происходит, но он решил, что чем меньше людей будет знать об отсчете, который был виден только ему одному, тем лучше.

– Реликтовое излучение? Откуда у вас вдруг такой интерес к нему? Должно быть, вы и правда наткнулись на что-то необычное... Вы еще не виделись с матерью Ян Дун?

– Ох, простите. Забыл.

– Ничего страшного. В наше время многие ученые видят

что-то... не совсем обычное, как и вы. Рассеянность — обычное явление в таких условиях. И все равно, думаю, хорошо бы вам навестить Е Вэньцзе. Она уже в годах, а дом-работницу нанимать не хочет. Если надо что-то сделать в доме, вы уж ей помогите, пожалуйста... Ах да, реликтовое излучение. Спросите Е. До того как уйти на пенсию, она была астрофизиком. Знает все обсерватории в Китае как свои пять пальцев.

— Отлично! Отправляюсь сразу после работы.

— Тогда заранее благодарю. Я сам не в состоянии встретиться лицом к лицу с кем-то, напоминающим мне о Ян Дун.

* * *

Положив трубку, Ван уселся за компьютер и распечатал таблицу кода Морзе. Он уже достаточно успокоился, чтобы думать не только об обратном отсчете, и стал размышлять о «Рубежах науки», о Шэнь Юйфэй и компьютерной игре, в которую она играла. Единственное он знал о Шэнь абсолютно точно: она не из тех, кто увлекается компьютерными играми. Сдержанная, с телеграфной манерой разговора, она всегда производила на Вана впечатление исключительно холодного человека. Это была не та холодность, которую многие люди надевают на себя как маску. У Юйфэй душа была как лед.

Ван невольно сравнивал Юйфэй с устаревшей операци-

онной системой MS-DOS: пустой черный экран, лаконичное приглашение в консоли «C: \>», мигающий курсор и больше ничего. Когда что-то вводишь, компьютер отображает это на экране, не внося ничего своего, не меняя ни единой буквы. Однако теперь Ван знал, что за этим «C: \>» зияет бездонная пропасть.

«Неужели она и впрямь увлекается игрой? Да еще такой, для которой нужен V-костюм! Детей у нее нет, значит, она купила его для себя. Ну и ну. Что бы это значило?»

Ван ввел URL в адресную строку браузера. Легко запомнить: www.3body.net. На сайте всплыло сообщение, что доступ к игре можно получить, только если воспользоваться V-костюмом. Ван вспомнил, что в комнате отдыха при Институте нанотехнологий есть такой костюм. Он вышел из опустевшей главной лаборатории и отправился в вахтерскую за ключом. В комнате отдыха, пробравшись между бильярдными столами и тренажерами, он нашел компьютер и костюм. Втиснувшись в тактильный интерактивный комбинезон и натянув шлем с панорамным экраном, Ван включил компьютер.

Он оказался посреди пустынной предрассветной равнины. Равнина была серо-коричневого цвета, какая-то размытая, без четких деталей. Вдали, на горизонте, светлела тоненькая полоска. На небе мерцали звезды.

Раздался оглушительный взрыв, и вдалеке в землю врезались две багрово пылающие горы. Равнину залило красным

светом. Когда пыль осела и небо очистилось, Ван увидел, что между небом и землей воздвиглись гигантские иероглифы: ТРИ ТЕЛА.

Затем появилось окно регистрации. Ван создал ID «Хай-жэнь»¹⁹ и залогинился.

* * *

Кругом расстилалась все та же пустыня, но компрессоры в V-костюме проснулись и зажуужали. Ван почувствовал, как его прохватило холодом. Прямо перед ним возникли две идущие фигуры, чьи темные силуэты вырисовывались на фоне предрассветного неба. Ван пустился вдогонку.

Незнакомцы, двое мужчин, были одеты в длинные дырявые балахоны с накинутыми поверх грязными звериными шкурами. У каждого на боку висел короткий и широкий бронзовый меч. Один из путников нес за спиной узкий и длинный деревянный сундук. Человек оглянулся. Лицо его было таким же грязным и морщинистым, как и покрывавшая плечи шкура, но глаза, живые, острые, ярко сверкали в предутренней мгле.

– Холодно, – заметил незнакомец.

– Ужасно холодно, – ответил Ван.

– Это эпоха Сражающихся Царств, – сказал человек с

¹⁹ То есть «человек моря». В имени Ван Мяо игра слов, его иероглифы могут читаться как «вода». – *Прим. К. Л.*

ящиком на спине. – Я царь Вэнь из дома Чжоу.

– Мне кажется, царь Вэнь не имеет отношения к эпохе Сражающихся Царств²⁰, – заметил Ван.

– Он дожил до этих дней, – сказал другой путник. – И царь Чжоу из династии Шан тоже еще жив²¹. Я – Последователь царя Вэня. Таков мой логин – «Последователь царя Вэня из дома Чжоу». Ты знаешь, что он гений?

– Мой логин «Хайжэнь». А что это у вас за сундук?

Царь Вэнь спустил упомянутый предмет с плеч и поставил его вертикально. Открыв одну из боковин, словно дверь, он показал, что внутри тот разделен на пять отсеков. В слабом свете утра Ван смог разглядеть, что каждый из них содержит некоторое количество песка. Судя по всему, песок пересыпался из верхних отсеков в нижние через маленькие отверстия в перегородках.

– Это песочные часы. Через каждые восемь часов весь песок оказывается в нижнем отсеке. Три переворота сундука равняются одним суткам. Но я частенько забываю переворачивать, поэтому мне нужен Последователь, который бы на-

²⁰ Эпоха Сражающихся Царств длилась с 475 по 221 г. до н. э. Но царь Вэнь из дома Чжоу правил гораздо раньше, с 1099 года до н. э. по 1050 г. до н. э. Его считают основателем династии Чжоу, которая в результате переворота отстранила от власти тираническую династию Шан. – *Прим К. Л.* На самом деле Вэнь царем не был, но заслуги его были велики, и народ дал ему имя Вэнь-ван, то есть царь Вэнь. По соображениям благозвучия в русском переводе оставили «царь Вэнь». – *Прим. перев.*

²¹ Царь Чжоу из династии Шан правил с 1075 по 1046 г. до н. э. Последний царь этой династии в китайской истории известен как жестокий тиран. – *Прим. К. Л.*

поминал об этом.

– Похоже, вы идете издалека. Это так необходимо – тащить с собой такой громоздкий прибор?

– А как еще мы тогда измеряли бы время?

– Переносные солнечные часы намного сподручнее. А вообще достаточно глянуть на солнце, чтобы приблизительно определить, который час.

Царь Вэнь и Последователь переглянулись, а потом воззрились на Вана как на полного идиота.

– Солнце? Как можно определить время по солнцу?! Ведь сейчас Эра Хаоса!

Ван собрался было спросить, что означает сие странное наименование, но тут Последователь жалобно вскрикнул:

– Какой холод! Сейчас помру от переохлаждения!

Ван тоже замерз, но, как в большинстве игр, стоит снять V-костюм – и система выкинет твой ID из игры. Так что лучше потерпеть.

– Когда солнце взойдет, станет теплее, – утешил он спутников.

– Тоже мне еще пророк нашелся! – сказал Последователь. – Даже царь Вэнь не умеет предсказывать будущее. – Он презрительно покачал головой.

– При чем здесь пророк? Любой неуч скажет, что солнце встанет через час или два. – Ван ткнул пальцем в сторону светлой полосы на горизонте.

– Да ведь сейчас Эра Хаоса!

– А что такое «Эра Хаоса»?

– Эра Хаоса – это все то, что не Эра Порядка, – пояснил царь Вэнь так, словно разговаривал с неразумным дитятей.

И в самом деле, свет над горизонтом стал постепенно меркнуть и вскоре совсем погас. Мир накрыла ночь. Звезды над головой вспыхнули ярче.

– Значит, это был закат, а не рассвет? – спросил Ван.

– Сейчас утро. Но солнце не всегда поднимается по утрам. Это же Эра Хаоса.

Вану стало еще холоднее. Поежившись, он указал на темный горизонт:

– Похоже, солнце взойдет еще не скоро.

– С чего ты взял? Никто не может сказать точно. Говорю же – сейчас Эра Хаоса. – Последователь повернулся к царю. – Можно мне немного сушеной рыбы?

– Нельзя! – отрезал царь Вэнь. – Самому мало. Главное, чтобы я добрался до Чжао Гэ²², не ты!

Ван заметил, что, пока они разговаривали, на горизонте снова забрезжило. Конечно, без компаса трудно разобраться, где восток, а где запад, но он был уверен, что в прошлый раз заря была в другой стороне. Небо быстро светлело, и вскоре возшло солнце этого мира – маленькое, голубоватое, словно очень яркая Луна. Все же стало чуть теплее, а местность вокруг обрела более ясные очертания. Но день длился недолго.

²² Чжао Гэ был столицей царства Шан, в которой находился двор царя Чжоу. – Прим. К. Л.

Солнце прочертило над горизонтом пологую дугу и закатилось. Снова воцарились ночь и промозглый холод.

Трое путников остановились у мертвого дерева. Царь Вэнь и Последователь вынули свои бронзовые мечи и принялись рубить сучья для костра, а Ван собирал их в кучку. Последователь вынул кусок кремня и чиркал им по мечу до тех пор, пока сучья не занялись от искры. Вскоре костерок согрел V-костюм Вана спереди, но спина по-прежнему мерзла.

– Давай бросим в пламя кого-нибудь из обезвоженных, – сказал Последователь. – Вот тогда у нас будет костер что надо, а не этот жалкий огонек!

– И думать не смей! Только тиран вроде царя Чжоу мог бы выкинуть такое!

– Но вдоль дороги этих сухарей хоть пруд пруди! Их так изгрызли звери, что они не оживут после регидрации. Что с того, что мы сожжем парочку-другую? Можно было б даже подкрепиться ими. Ну что такое пяток чьих-то жизней по сравнению с нашими?! Ведь самое важное – изложить царю твою теорию!

– Прекрати городить чушь! Мы ученые!

Когда костер догорел, троица продолжила путь. Поскольку они почти не разговаривали, система ускорила бег игрового времени. Царь Вэнь перевернул песочные часы у себя за спиной шесть раз подряд – значит, прошло двое суток, и за все это время не только солнце ни разу не взошло, но даже намек на рассвет на горизонте не появилось.

– Похоже, солнце никогда больше не взойдет, – заметил Ван. Он вывел на экран игровое меню и взглянул на показатель своего «здоровья». Холод стоял невероятный, и полоска медленно, но верно сокращалась.

– Опять строишь из себя оракула? – поинтересовался Последователь. На этот раз они с Ваном закончили фразу вместе: – Это же Эра Хаоса!

Однако вскоре горизонт заалел, небо посветлело, и начался восход. На этот раз солнце было огромным. Взошедшая половина светила занимала как минимум одну пятую всего окоема. Путников окатило волной тепла, и Ван оживился. Однако взглянув на царя Вэня и Последователя, он увидел на их лицах такой ужас, будто те узрели демона.

– Живей, прячемся! – воскликнул Последователь.

Они с царем побежали, Ван устремился следом. Путники укрылись за большим камнем. Тень, в которой они прятались, становилась все короче и короче. Земля вокруг начала раскаляться, словно в топке. Вечная мерзлота под ними растаяла, и твердая, как камень, поверхность превратилась в грязевое море, от жара вздыбившееся волнами. Пот лил с Вана ручьем.

Когда солнце поднялось в зенит, все трое с головой накрылись шкурами, но яростные стрелы света проникали сквозь дыры и жгли, как раскаленные прутья. Стараясь уберечься от них, странники ползли вокруг камня вместе с тенью, постепенно удлинявшейся на другой стороне.

Наконец, солнце село, но воздух оставался жарким и влажным. Путники, насквозь мокрые от пота, расселись на камне.

– Путешествовать в Эру Хаоса – все равно что идти сквозь ад, – угрюмо проговорил Последователь. – Не могу больше! К тому же я с голоду помираю. У тебя сухой рыбешки не допросишься, и есть дегидрированные тела ты мне тоже не разрешаешь. Что...

– Единственный выход – дегидрировать тебя, – оборвал его царь Вэнь, обмахиваясь уголком шкуры.

– А ты не бросишь меня здесь?

– Конечно, нет. Клянусь доставить тебя в Чжао Гэ.

Последователь стянул с себя мокрый от пота балахон и голым лег в грязь. В последних отблесках уже закатившегося за горизонт солнца Ван увидел, как из всех пор тела Последователя начала сочиться жидкость. Было понятно, что это не пот, а вода. Влага многочисленными мелкими ручейками сбегала в грязь. Тело Последователя размягчилось и деформировалось, словно тающая свеча. Десять минут спустя вся вода ушла из него, и теперь вместо Последователя на земле лежала его пустая оболочка, формой напоминающая человека. Черты лица сгладились и стали неразличимы.

– Он умер? – спросил Ван. Он припомнил, что и раньше видел такие иссохшие фигуры, валяющиеся вдоль дороги. У одних не хватало некоторых частей тела, другие были совсем истерзаны. Наверно, это и были те самые «обезвоженные»,

которых Последователь хотел использовать вместо дров.

– Нет, – ответил царь Вэнь. Он подобрал Последователя, стряхнул грязь и пыль, расстелил оболочку на камне и скатал в сверток. – Стоит только погрузить его в воду, и он оживет. Это как замочить сушеные грибы.

– У него даже кости размягчились?

– Да. Скелет превратился в сухие волокна. Нести будет легко.

– В этом мире любой может дегидрировать и регидрировать?

– Конечно. Ты тоже. Иначе мы не выжили бы в Эры Хаоса. – Царь Вэнь протянул скатанного Последователя Вану. – На вот, неси. Если бросишь на дороге, его либо сожгут, либо съедят.

Оболочка была совсем легкая, и Ван сунул ее под мышку. Что интересно, ощущения странности происходящего у него не возникло.

Путники, теперь уже вдвоем, продолжили свое мучительное странствие, Ван нес дегидрированного Последователя, царь Вэнь – свои песочные часы. Как и в предыдущие дни, светило этого мира вставало и садилось без всякой системы: после долгой морозной ночи длиной в несколько суток мог промелькнуть короткий, но обжигающе знойный день, и наоборот. Чтобы выжить, путешественникам приходилось полагаться друг на друга. Если было слишком холодно, они разжигали костры; если слишком жарко – ныряли в воду.

Наконец, игровое время ускорилось. Месяц в игре занял примерно полчаса реального времени, что сделало путешествие сквозь Эру Хаоса более-менее терпимым.

Однажды после ночи, длившейся, согласно песочным часам, почти неделю, царь Вэнь неожиданно завопил от радости, указывая в темное небо:

– Летящие звезды! Две летящих звезды!

Вообще-то Ван уже видел подобные небесные тела. Их диски были больше звезд – размером с мячик для пинг-понга, и двигались они быстро, так что их перемещение было заметно невооруженным глазом. Но сейчас две таких звезды впервые летели по небу одновременно.

Царь Вэнь объяснил:

– Когда появляются две летящих звезды, это предвещает начало Эры Порядка.

– Мы видели их и раньше!

– Да, но только по одной за раз.

– А две одновременно – это предел?

– Нет. Иногда появляются три, но больше не бывает.

– А если появляются три, означает ли это, что наступает еще лучшая эра?

Царь Вэнь посмотрел на Вана со страхом:

– Ты в своем уме?! Три летящих звезды!.. Молись, чтобы такого никогда не случилось!

Как выяснилось, царь Вэнь был прав – вскоре воцарилась желанная Эра Порядка. Восходы и закаты стали регулярны-

ми, суточный цикл стабилизировался и составил около восемнадцати часов. Климат смягчился, воздух потеплел.

– Сколько продлится Эра Порядка? – спросил Ван.

– Может, день, а может, век. Никто не в силах предсказать. – Царь Вэнь сел на свой сундучок и, подняв голову, воззрился на полуденное солнце. – Летописи рассказывают, что при династии Западная Чжоу одна Эра Порядка длилась двести лет. Как счастлив тот, кто родился в такое благословенное время!

– А сколько длится Эра Хаоса?

– Я ведь уже говорил: все, что не Эра Порядка, то Эра Хаоса. Каждая эра забирает себе время, не занятое другой, вот и все.

– Но... получается, в этом мире нет никакого ритма, никакой системы?!

– Именно так. Цивилизация может развиваться только в мягком климате Эр Порядка. Большую часть времени человечеству приходится проводить в состоянии дегидратации. Когда настает долгая Эра Порядка, происходит регидрация, и все разом оживают, после чего продолжают строить и создавать.

– А как вы предсказываете, когда придет и сколько будет длиться Эра Порядка?

– Да никак. Никто не может этого сделать. Когда наступает Эра Порядка, царь принимает решение о массовой регидрации, основываясь на своей интуиции. Часто бывает так,

что люди оживают, засевают поля, начинают строить города... Жизнь только-только наладилась, и – бум! – Эра Порядка вдруг заканчивается. Страшный мороз и ужасающий зной уничтожают все. – Царь Вэнь наставил на Вана палец и сверкнул глазами: – Теперь тебе известна цель игры – с помощью интеллекта и интуиции проанализировать все явления природы и выявить законы, по которым движется солнце. От этого зависит выживание цивилизации.

– Судя по моим наблюдениям, здешнее солнце вообще не следует никаким законам.

– Это потому, что тебе недоступна глубинная суть этого мира.

– А тебе доступна? – скептически осведомился Ван.

– Да. Вот почему я иду в Чжао Гэ. Хочу представить царю Чжоу точный календарь.

– Но почему ты тогда не использовал этот твой календарь во время нашего странствия?

– Предсказать движение солнца можно только в Чжао Гэ, потому что это место – средоточие инь и ян. Прорицания сбываются только там!

Они продолжали путь сквозь следующую суровую Эру Хаоса, ненадолго прерванную короткой Эрой Порядка, и наконец прибыли в Чжао Гэ.

Первое, что услышал Ван, – это непрерывный гул, похожий на отдаленные раскаты грома. Звук исходил от множества гигантских маятников высотой в несколько десятков

метров, расположенных по всему Чжао Гэ. Устроены они были одинаково: две тонкие каменные башни, чьи вершины соединяются перемычкой, а к ней на толстом канате подвешен массивный камень.

Все маятники колебались, раскачиваемые группами одетых в броню солдат. Те, монотонно скандируя что-то невразумительное, ритмично дергали за веревки, присоединенные к каменным грузам. Ван обратил внимание, что все грузы раскачиваются в такт. Зрелище внушало трепет, напоминая то ли гигантские часы, выросшие из-под земли, то ли колоссальные абстрактные символы, упавшие с неба.

Огромные маятники окружали еще более грандиозную пирамиду, возвышающуюся в ночи, словно исполинская гора. Это был дворец царя Чжоу. Вслед за своим спутником Ван прошел к низкой двери у основания пирамиды. Вход охраняли стражники, безмолвные и бесшумные во мраке, словно привидения. За дверью открывался длинный узкий проход, уводящий в недра пирамиды; несколько факелов едва разгоняли тьму.

Пока странники шли по туннелю, царь Вэнь говорил:

– В течение Эры Хаоса весь мир спит в обезвоженном состоянии, и только царь Чжоу бодрствует посреди безжизненного пространства. Для выживания в таких условиях нужно либо подземелье, либо здание с массивными стенами вроде этой пирамиды. Только так можно избежать губительного воздействия экстремального холода или зноя.

Они шли долго и наконец достигли Большого зала в самом сердце пирамиды. Собственно, Большим он был чисто номинально; на самом деле помещение было невелико и напоминало пещеру. На троне сидел человек, задрапированный в пятнистую шкуру, – без сомнения, царь Чжоу. Но внимание Вана привлек к себе не монарх, а фигура в черном, стоящая около трона. Черное одеяние сливалось с тенями Большого зала, и бледное как мел лицо, казалось, реяло в воздухе само по себе.

Царь Чжоу представил черного человека гостям:

– Это Фу Си²³. – Царь обращался к ним, словно те всегда были здесь, а Фу Си только что прибыл. – Он полагает, что Солнце – весьма неуравновешенное божество. В бодрствующем состоянии оно подвержено быстрым сменам настроения, и тогда у нас наступает Эра Хаоса. Но когда Солнце спит, оно спокойно, и тогда у нас Эра Порядка. Это Фу Си предложил построить все те маятники, что вы видели снаружи, и поддерживать их в постоянном колебании. Он утверждает, что они оказывают на бога Солнца гипнотический эффект, отчего тот погружается в глубокий сон. Но несмотря на все наши усилия, бог не желает засыпать, лишь иногда

²³ Фу Си – мифический персонаж, первый правитель Поднебесной, изобретатель восьми триграмм, музыки, церемонии бракосочетания, одежды, шелководства, рыболовства и приготовления пищи. Один из основателей китайской культуры. Согласно мифам, имел тело дракона или змеи и человеческую голову. Фу Си – лишь одно из его имен. До сих пор является спорным, реальный это персонаж – хотя бы отчасти – или полностью вымышленный. – *Прим. перев.*

впадает в короткую дрему.

Царь Чжоу взмахнул руками. Слуги поднесли к трону глиняный горшок и поставили его на низкий каменный стол перед Фу Си. Позже Ван узнал, что в горшке был суп. Фу Си вздохнул, поднял горшок и отпил из него. Эхо его глотков отражалось от стен; казалось, будто во мраке бьется чье-то огромное сердце. Выпив половину, Фу Си опрокинул остаток на себя, отбросил горшок и зашагал к громадному бронзовому котлу, подвешенному над огнем в углу зала. Фу Си взобрался на край посуды и прыгнул вниз. Из котла вывалилось облако пара.

– Присядь, Цзи Чан²⁴, – сказал царь Чжоу и кивнул на котел: – Скоро будем обедать.

– Глупые колдовские штучки! – презрительно проворчал царь Вэнь, глядя в указанном направлении.

– А что *ты* можешь сказать о Солнце? – спросил царь Чжоу. Отблески огня играли в его глазах.

– Солнце вовсе не божество. Солнце – это ян, а ночь – инь. Мир движется вперед, балансируя между инь и ян. Мы не можем контролировать этот процесс, но можем его предсказать. – Царь Вэнь вынул свой бронзовый меч и нарисовал символ инь-ян на полу, тускло освещенном огнем очага. Затем он начертил вокруг него шестьдесят четыре гексаграммы из «И Цзин»²⁵ в виде колеса. – Мой царь, это символ миро-

²⁴ Таково было имя, данное Вэнь-вану при рождении. – Прим. К. Л.

²⁵ «И цзин», или «Чжоу И» – один из ранних китайских философских текстов.

здания и самый точный календарь.

– Цзи Чан, я хочу знать, когда придет следующая долгая Эра Порядка.

– Ты получишь прогноз прямо сейчас! – заверил царь Вэнь.

Он уселся в самую середину символа инь-ян, подогнув под себя ноги, и поднял голову. Взгляд его устремился к потолку, как будто хотел пронзить каменную толщу пирамиды и вырваться к звездам. Пальцы царя Вэня начали совершать быстрые сложные движения, как будто он считал на калькуляторе. Глубокую тишину нарушало лишь бульканье супа в бронзовом котле, словно колдун, который там варился, что-то неразборчиво бормотал во сне.

Царь Вэнь встал на ноги, не сходя с символа. С лицом, по-прежнему поднятым вверх, он проговорил:

– Следующей будет Эра Хаоса длиной в сорок один день. Затем Эра Порядка – пять дней. За ней последует Эра Хаоса длиной в двадцать три дня, а потом Эра Порядка длиной в восемнадцать дней. Затем наступит восьмидневная Эра Хаоса. Но когда она кончится, мой царь, начнется долгая Эра

Наиболее ранний слой, традиционно датируемый ок. 700 г. до н. э. и предназначенный для гадания, состоит из 64 гексаграмм. Во II веке до н. э. был принят конфуцианской традицией как один из канонов конфуцианского Пятикнижия. На западе закрепилось название «Книга Перемен». Более правильный, хоть и не столь благозвучный вариант – «Канон Перемен». Система книги сложилась при династии Чжоу; известны порядки расположения гексаграмм, аранжированные Фу Си и Вэнь-ваном. – *Прим. перев.*

Порядка, которой ты так жаждешь. Она продлится три года и девять месяцев. Климат станет мягок, и наступит золотой век.

– Что ж, посмотрим, верны ли твои предсказания, – произнес царь Чжоу с бесстрастным лицом.

Сверху послышался громкий скрежет. Каменная плита на потолке скользнула в сторону, открывая квадратное отверстие. Ван вытянул шею. Отверстие вело в туннель, проходящий сквозь центр пирамиды, и в конце его сияли звезды.

Время ускорилося. Через каждые несколько секунд реального времени солдаты переворачивали песочные часы, принесенные царем Вэнем, что соответствовало восьми часам игрового времени. Свет и тьма сменялись в потолочном окне без всякого порядка, изредка луч солнца освещал внутренность Большого зала. Иногда свет, проникающий через отверстие, был слаб, словно сияние Луны, а иногда очень ярок, и тогда раскаленный квадрат на полу сиял так, что меркли факелы.

Ван продолжал считать перевороты песочных часов. К тому моменту, когда он насчитал их около ста двадцати, солнечный свет в отверстии стал появляться регулярно. Началась первая из предсказанных Эр Порядка.

Еще пятнадцать переворотов часов – и мерцание света в потолочном окне стало беспорядочным; началась очередная Эра Хаоса. За ней последовали Эра Порядка и снова Эра Хаоса. Начала и продолжительность эр не совсем совпадали с

прогнозами царя Вэня, но погрешность была невелика. По окончании восьмидневной Эры Хаоса началась предсказанная долгая Эра Порядка.

Прошло двадцать дней, а солнечный свет, падавший сквозь отверстие в потолке Большого зала, продолжал появляться и исчезать в равномерном ритме. Темп игры замедлился до нормального.

Царь Чжоу признательно кивнул царю Вэню:

– Я воздвигну в твою честь памятник еще более величественный, чем этот дворец!

Царь Вэнь глубоко поклонился:

– Мой царь, пробуди свой народ, и да пребудет он в счастье и процветании!

Царь Чжоу встал с трона, широко раскрыл руки, словно хотел обнять весь мир, и тягучим, потусторонним голосом принялся заклинять:

– Регидрация... регидрация... регидрация...

Услышав это слово, все в Большом зале кинулись к дверям. Ван ни на шаг не отставал от царя Вэня. Преодолев длинный туннель, они покинули пирамиду через ту же дверь, в которую вошли. Снаружи царил полдень, земля нежилась в лучах ласкового солнышка. В легком ветерке Вану почудились ароматы весны. Они с царем Вэнем направились к ближайшему озеру, лед на котором уже растаял, и солнечные зайчики играли на легкой ряби.

Мимо пробежал отряд солдат, кричащих на ходу: «Регид-

рация! Регидрация!» – они направлялись к большому каменному зданию на берегу, похожему на элеватор. По дороге в Чжао Гэ путники не раз видели такие здания. Это были дегидратории – хранилища, в которых дегидрированные тела ждали возвращения к жизни. Солдаты открыли тяжелые каменные двери и начали выносить наружу покрытые пылью кожаные свертки. Они несли их на берег и бросали в озеро. Попадая в воду, свертки раскручивались и расправлялись. Вскоре ими была усеяна вся поверхность озера. Оболочки быстро вбирали в себя воду и разбухали, постепенно превращаясь в нормального вида человеческие тела, которые через некоторое время начинали проявлять признаки жизни. Один за другим люди вставали на ноги в мелкой, по пояс, воде и взирали на залитый солнцем мир широко раскрытыми глазами, словно пробудившись от сна.

– Регидрация! – вскрикнул один человек.

– Регидрация! Регидрация! – подхватили другие радостные голоса.

Люди выходили на берег и голыми, как были, устремлялись обратно в хранилища. Они выносили наружу еще не регидрированные оболочки, бросали их в воду, и вскоре из озера брели на берег новые ожившие. Подобные сцены повторялись у всех других водоемов. Мир возвращался к жизни.

– О небо! Мой палец!

Ван увидел человека – тот стоял на середине озера, подняв руку и плача. На руке не хватало среднего пальца, кровь

стекала из раны в воду. Другие ожившие проходили мимо, не обращая на страдальца внимания.

– Считай, тебе повезло, – сказал один из них беспалому. – Некоторые целой руки или ноги недосчитываются. А у других крысы отгрызли голову. Если бы мы сейчас не регидрировали, то вообще неизвестно, сколько бы потом из нас осталось в живых.

– Как долго мы пробыли в обездвиженном состоянии? – спросил кто-то.

– Определи по слою пыли на дворце. Говорят, царь теперь не тот, что был раньше. Но неизвестно, сын он прежнего, или внук, или еще кто.

Регидрация заняла восемь суток. Сухие оболочки ожили, и мир начал новый отсчет. Все радовались регулярным восходам и закатам; каждые сутки насчитывали точно двадцать часов. Наступила весна, и люди от души славили солнце и других богов.

В конце восьмого дня, когда спустилась ночь, по всей округе запылали костры; казалось, их было больше, чем звезд на небе. Руины городов и поселков, покинутых в Эру Хаоса, вновь наполнились шумом и светом. По традиции, как и после всех предыдущих регидраций, народ собирался праздновать всю ночь до самого рассвета.

Но утром солнце не встало.

Все часы показывали, что время рассвета пришло и прошло, но горизонт оставался темен. Прошло еще десять ча-

сов, а солнце и не думало показываться, даже слабенькой полоски нигде не было видно. Ночь продолжалась целые сутки, а потом еще двое. Гигантская длань холода придавила землю.

А внутри пирамиды царь Вэнь стоял на коленях перед царем Чжоу и умолял:

– Мой царь, прошу, не лишай меня своего доверия! Это все временно! Я видел: вселенское ян набирается сил, и солнце вскоре встанет опять. Весна вернется, Эра Порядка продолжится!

– Разведите огонь под котлом, – вздохнув, приказал царь Чжоу.

И тут в помещение вбежал министр:

– О мой царь!.. Там... там... в небе три летящих звезды!

Все в Большом зале остолбенели. Даже воздух, казалось, застыл. Царь Чжоу был единственным, кто сохранил самообладание. Он обратился к Вану, до разговора с которым до сих пор не снисходил:

– Ты по-прежнему не знаешь, что означает появление трех летящих звезд? Цзи Чан, просвети-ка его!

Царь Вэнь понурился.

– Оно означает наступление долгого периода запредельного холода, такого чудовищного, что даже камень рассыпается в пыль.

– Дегидратация... дегидратация... дегидратация... – снова загудел царь Чжоу прежним гулким, потусторонним голосом.

Снаружи люди уже начали процесс. Их тела снова избавлялись от влаги, готовясь к очередной долгой ночи. Бóльшая их часть попала в дегидратории, но многие оболочки так и остались лежать в пустых полях под открытым небом.

Царь Вэнь медленно поднялся и побрел к котлу, булькавшему на огне в углу зала. Он взобрался на край котла, но прежде чем броситься вниз, помедлил несколько секунд. Кто знает, может, из бульона на него глянуло злорадно усмехающееся лицо Фу Си?

– Варите его на медленном огне, – приказал царь Чжоу слабым голосом. Затем, обратившись к остальным, произнес: – Вы можете выйти из игры, если хотите. При таких обстоятельствах она становится неинтересной.

Над входом в Большой зал засветилась табличка «Выход». Игроки потянулись туда, и Ван поспешил вместе с толпой. Пройдя по унылому туннелю, они вышли наружу, где их встретили ночь и густой снег. Ван задрожал на пробирающем до костей морозе. Дисплей в уголке неба свидетельствовал, что время игры снова ускорилося.

Снегопад продолжался десять суток подряд. Под конец снежинки сделались огромными и тяжелыми, словно заледел сам мрак. Кто-то прошептал Вану на ухо: «Они состоят из замерзшего углекислого газа. Так называемый сухой лед». Ван повернулся. Говорившим оказался Последователь.

Еще десять дней – и снежинки стали тонкими и прозрачными, как слюда. В тусклом свете немногочисленных фа-

келов, горящих у входа в пирамиду, они отсвечивали бледно-голубым.

— А эти снежинки состоят из твердого кислорода и азота. Атмосфера исчезает, выпадая в твердый осадок, и это значит, что температура поверхности около абсолютного нуля.

Снег похоронил под собой пирамиду. Нижние слои были образованы обычным снегом, затем шел сухой лед, и, наконец, сверху лежали твердые кислород и азот. Ночное небо приобрело необыкновенную прозрачность, и звезды на нем горели, словно серебряные костры. На этом звездном фоне вспыхнула надпись:

Долгая ночь царила сорок восемь лет. Цивилизация номер 137 погибла от экстремального холода. В своем развитии она достигла эпохи Сражающихся Царств.

Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Перед тем как выйти из игры, Ван заметил в небе три летящих звезды. Медленно вращаясь друг вокруг друга, они, казалось, исполняли какой-то причудливый танец в бездонном мраке космоса.

Глава 8

Е Вэньцзе

Ван снял комбинезон и шлем. Рубашка промокла от по-

та, как бывает после привидевшегося кошмара. Он вышел из института, сел в машину и поехал по адресу, который дал ему Дин И – к матери Ян Дун.

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса... – крутилось в голове Вана. – Почему солнце в мире «Трех тел» ведет себя так странно, встает и заходит как ему заблагорассудится? Ведь неважно, какая у планеты орбита – круговая или эллиптическая; ее вращение вокруг звезды всегда периодически. А тут полная нерегулярность! Разве так бывает?..»

Ван рассердился на себя и затряс головой, чтобы вытряхнуть из нее эти мысли.

«Это же всего лишь игра!»

«Но я проиграл».

«Эра Хаоса, Эра Хаоса, Эра Хаоса...»

«А ну стоп! Какого черта я все время думаю об этом?!»

И скоро ответ нашелся. Последний раз он играл в компьютерные игры, еще будучи студентом; за это время оборудование для подобных развлечений шагнуло далеко вперед. Виртуальная реальность и мультисенсорное взаимодействие относились к тем эффектам, испытать которые у Вана-студента не было возможности. Несмотря на это, он четко уяснил себе одно: ощущение реальности происходящего в «Трех телах» достигается не за счет продвинутого интерфейса.

На третьем курсе университета Ван посещал лекции по теории информации. Однажды профессор показал им два изображения. Одно было знаменитой панорамой времен ди-

настии Сун «По реке в День поминовения усопших» – богатое, красочное полотно со множеством тщательно выписанных деталей. Второе – фотография неба в ясный солнечный день: необозримая синяя даль с одним-единственным еле заметным облачком. Профессор спросил, какое из изображений содержит больше информации. Правильный ответ был таков: информационная насыщенность фотографии – ее энтропия – на два порядка больше, чем у картины.

Так же обстояло дело и с «Тремя телами». Игра содержала огромное количество глубоко скрытой информации. Ван интуитивно чувствовал это, хотя дать конкретного объяснения не мог. Внезапно он понял, что создатели «Трех тел» подошли к своей задаче иначе, чем дизайнеры других игр. Обычно те стараются впихнуть в картинку как можно больше подробностей, чтобы усилить чувство реальности происходящего. Создатели «Трех тел» поступили наоборот: они оставили только минимально необходимое количество информации, маскируя таким образом намного более сложную реальность – совсем как в фотографии неба, кажущейся поверхностному взгляду пустой.

Ван вновь мысленно погрузился в мир «Трех тел».

«Летающие звезды! Ключ к решению должен быть в них. Одна летающая звезда, две летающих звезды, три летающих звезды... Что бы это могло значить?»

И тут он обнаружил, что приехал на место.

Это был высокий многоквартирный дом. Маленькая седая женщина лет шестидесяти, в очках, поднималась по ступенькам крыльца, сгибаясь под тяжестью кошелки с продуктами. Интуиция подсказала Вану, что это та самая женщина, ради которой он сюда приехал.

Так оно и оказалось – это была мать Ян Дун, Е Вэньцзе. Услышав о цели визита незнакомца, Е расчувствовалась. Вану был знаком подобный тип ученых: долгие годы испытаний сгладили жесткость и непримиримость их натуры, оставив лишь мягкость и покой, подобные водам тихого озера.

Ван отнес покупки наверх. Однако в квартире Е оказалось совсем не так тихо, как он ожидал: там резвились трое детишек, старшему из которых было около пяти, а младший едва научился ходить. Е пояснила, что это дети соседей.

– Они любят играть у меня. Сегодня воскресенье, но их родителям пришлось работать сверхурочно, вот меня и попросили посидеть с ними... О, Наньнань, ты уже закончила картинку! Какая красивая! Давай придумаем ей название! Как тебе «Утята на солнышке»? Правда хорошо? Сейчас бабушка надпишет, ведь ты еще не умеешь... И дату поставим: девятое июня, Наньнань. А что ты хочешь на обед? Яньнянь, жареные баклажаны будешь? Ну еще бы! Наньнань, а ты горошек в стручках, как вчера? Нет проблем! Мими, ты, навер-

но, не откажешься от мя-мясца? Ой, погоди, мама говорила, что тебе нельзя есть много мяса, животик заболит. А если рыбки? Смотри, какую большую рыбку бабушка купила...

Ван следил за Е и детишками, вбирая в себя каждую деталь их разговора. «Наверно, ей очень хотелось внуков. Но даже если бы Ян Дун была жива, еще вопрос, были ли бы у нее дети».

Е отнесла продукты на кухню. Потом, выглянув в дверь, сказала:

– Сяо Ван, я отлучусь – ненадолго, только овощи замочу. (Как, однако, легко и просто она перешла на доверительный тон, обратившись к Вану «Сяо», словно старший друг к младшему!) – В наши дни в овощах столько пестицидов, что я не даю их детям, не вымочив в воде хотя бы часа два. Почему бы тебе пока не заглянуть в комнату Дундун?

Ее предложение, сделанное словно невзначай, смутило Вана – значит, она догадалась об истинной причине его визита! Хозяйка дома не стала дожидаться его реакции, повернулась и ушла обратно в кухню. Она поступила так намеренно, чтобы не видеть, как он краснеет. Ван был признателен за тактичность.

Он прошел мимо играющих ребятишек туда, куда указала Е. Постоял перед закрытой дверью, охваченный странным чувством... Ему казалось, будто он вернулся в свою наполненную мечтами юность. Из глубины сознания поднялась щемящая грусть, хрупкая и чистая, как роса, еле заметно от-

ливающая розовым в свете утренней зари...

Он осторожно толкнул дверь... Первая неожиданность: комнату наполнял запах леса. Такое впечатление, будто он попал в хижину егеря. На стенах вместо обоев полосы коры; табуретами служили три простых пня; письменный стол был сработан из трех пней побольше, составленных вместе... А вот и постель с тюфяком, набитым пушицей²⁶, той самой, которой крестьяне в холодном Северном Китае набивают обувь, чтобы ноги меньше мерзли. Вся обстановка была простой и безыскусной, никаких украшений, никаких уютных безделушек. Ян Дун зарабатывала много, могла бы купить себе дом в каком-нибудь элитном жилом районе, но предпочла жить здесь, с матерью.

Ван подошел к столу – его убранство тоже отличалось простотой; ничто не намекало ни на пол человека, который пользовался столом, ни на его научные интересы. Если даже когда-то здесь и были такие характерные вещицы, то их убрали. Взгляд Вана упал на черно-белую фотографию в деревянной рамке – портрет матери с дочерью. На снимке Е Вэньцзе сидела на корточках рядом с совсем еще маленькой Ян Дун, так что они получились примерно одного роста. Их волосы разметало сильным порывом ветра, длинные пряди перепутались между собой.

²⁶ Пушица – вид осоки с пушистыми, как явствует из названия, цветами, на ощупь похожими на шелковую вату. Обувь изготовлялась двухслойная, и между слоями прокладывалась пушица. – *Прим. перев.*

Фон у снимка был необычный: небо, видневшееся сквозь сетку, поддерживаемую массивной стальной конструкцией. Ван решил, что это, скорее всего, параболическая антенна, такая огромная, что ее края выходят за кадр.

Глаза у малышки Ян Дун были огромные, испуганные, и у Вана болезненно сжалось сердце. Казалось, девочка страшилась мира за пределами фотографии.

Потом его внимание привлек к себе толстый альбом, лежащий на краю стола. Ван не мог взять в толк, из какого материала он изготовлен, пока не разобрал надпись на обложке, сделанную нетвердым детским почерком: «Берестяной альбом Ян Дун». Слово «берестяной» было написано буквами пиньиня, а не иероглифами. Годы превратили бересту из серебристой в тускло-желтую. Ван потянулся за альбомом, притронулся, помедлил... и убрал руку.

– Можно-можно, – раздалось от двери. – В нем рисунки, которые Дундун рисовала в детстве.

Ван взял альбом и начал бережно перелистывать. Е поставила даты под каждым рисунком – точно так же, как сделала это для Наньнань.

Судя по надписям, Ян Дун нарисовала эти картинки, когда ей было три года. Нормальные дети в этом возрасте способны довольно четко изображать людей и предметы, но рисунки Ян Дун оставались мешаниной случайных линий. Они показались Вану полными гнева и отчаяния, порожденных жадой художницы выразить себя – жадой, оставшейся

неутоленной. Безусловно, это не те чувства, которых ожидаешь от такого маленького ребенка.

Е медленно, не отрывая глаз от альбома, тихо опустилась на краешек кровати. Здесь, на этой постели, уснула вечным сном ее дочь. Ван присел рядом. Еще никогда в жизни ему так не хотелось взять на себя чужую боль.

Е забрала у него берестяной альбом и прижала к груди.

– Это я виновата, – тихо сказала она. – Я была плохой матерью и плохой учительницей. Не принимала во внимание, что Дундун еще совсем малышка, и слишком рано познакомилась с крайне сложными абстрактными материями. Когда она впервые выразила интерес к теоретической физике, я сказала ей, что это поприще не для женщин. Она возразила: «А мадам Кюри?» Я ответила, что мадам Кюри так никогда и не была признана выдающимся ученым. Считается, что она добилась успеха благодаря настойчивости и упорному труду, но что не будь ее, то же самое сделал бы кто-нибудь другой. По существу, У Цзяньсюн достигла больше, чем мадам Кюри²⁷. Но как бы там ни было, теоретическая физика не для женщин.

Дундун не спорила, но позже я обнаружила, что она дей-

²⁷ У Цзяньсюн, или Цзяньсюн Ву (англ. Chien-Shiung Wu) (31 мая 1912 – 16 февраля 1997) – американский радиофизик китайского происхождения. Участвовала в Манхэттенском проекте (обогащение уранового топлива), поставила (по предложению Ч. Янга и Ц. Ли) знаменитый «эксперимент Ву», доказавший несохранение пространственной четности в слабых взаимодействиях. В России известна как «Мадам Ву». – *Прим. перев.*

ствительно не такая, как все. К примеру, объясняю я ей какую-нибудь формулу. Другой ребенок сказал бы: «Какая сложная!» А она говорила: «Какая изящная, какая красивая!», и лицо у нее было такое, как будто она смотрит на редкостный полевой цветок.

После ее отца осталось довольно много пластинок. Она переслушала их все, потом выбрала одну, с музыкой Баха, и крутила ее постоянно, как зачарованная. Скажите, разве *такая* музыка должна нравиться детям?! Сначала я подумала, что это просто случайность, но когда я спросила, какие чувства вызывает в ней музыка Баха, она ответила, что ей представляется, будто некий гигант строит огромное здание, кладя кирпичик за кирпичиком, и когда пьеса заканчивается, здание стоит во всей красе...

– Вы были прекрасной учительницей! – возразил Ван.

– Нет. Я не справилась. Мир Дундун был слишком ограничен, ее занимали лишь абстрактные теории, оторванные от жизни. Поэтому, когда они оказались несостоятельны, ей не для чего стало жить.

– Не могу с вами согласиться, профессор Е. В наши дни происходят такие события, которых мы раньше и вообразить себе не могли бы. Это вызов всем нашим представлениям о природе мира, и Ян Дун не единственная, кто споткнулся на этом пути.

– Но она была женщина. А женщина должна быть как вода, способная обойти любую преграду или пробиться сквозь

нее.

* * *

Уходя, Ван вспомнил о второй цели своего визита и спросил, где он может наблюдать реликтовое излучение.

– Реликтовое излучение? В Китае есть две обсерватории, которые работают в этой области. Одна в Урумчи: по-моему, она в ведении Центра космических исследований Академии наук. Другая намного ближе, в пригороде Пекина – радиоастрономическая обсерватория Академии наук и Астрофизического центра Пекинского университета. Та, что в Урумчи, занимается непосредственными наблюдениями, а та, которая здесь, только принимает и обрабатывает данные со спутников. Хотя вообще-то данные спутников точнее и полнее. Есть у меня один бывший студент в этой обсерватории, могу позвонить ему насчет тебя.

Е нашла номер и позвонила. Похоже, все устроилось как нельзя лучше.

– Ну вот, – сказала Е, положив трубку. – Сейчас напишу адрес. Отправляйся, когда тебе будет удобно. Бывшего студента зовут Ша Жуйшань, и завтра у него ночное дежурство. Но... м-м-м... вообще-то это не твоя область науки, я права?

– Да, моя область – нанотехнологии. А излучение... ну, это так... для другого...

Ван боялся, что Е засыплет его вопросами, но та не стала

этого делать.

– Сяо Ван, ты немного бледен. Как у тебя со здоровьем? – озабоченно спросила Е.

– Все хорошо, спасибо. Волноваться не о чем.

– Погоди-ка. – Она вынула из комода маленькую деревянную шкатулку. Судя по этикетке, в ней был женишень. – Старинный друг, солдат с базы, приходил пару дней назад и принес вот это. Возьми, возьми! Этот женишень выращенный, не очень ценный. Все равно мне его нельзя – повышенное давление. Нарезь мелко и заваривай, как чай. Ты такой бледный, тебе явно нужно что-то укрепляющее. Хотя ты еще молод, но здоровье запускать нельзя!

Ван принял шкатулку, и тепло наполнило ему грудь, глаза увлажнились. В нем возникло ощущение, будто его сердце, в последние дни едва не разорвавшееся, окутали мягчайшим пухом.

– Профессор Е, я теперь часто буду вас навещать.

Глава 9

Подмигивающая Вселенная

Ван Мяо ехал по шоссе, ведущему в Шэньян, до границы округа Миюнь. Здесь он повернул на Хэйлунтань. Дорога, извинаясь по склону, привела его на вершину, к радиоастрономической обсерватории Академии наук. Здесь, словно фантастические стальные цветы, стояли в ряд двадцать

восемь параболических антенн диаметром девять метров. В конце ряда возвышались два огромных радиотелескопа диаметром пятьдесят метров каждый, построенные в 2006 году. Глядя на них, Ван все время вспоминал фотографию Е и Ян Дун, фоном для которой служила огромная параболическая антенна.

Однако работа доктора Ша Жуйшаня, бывшего студента Е, не имела отношения к радиотелескопам. Его лаборатория занималась приемом и обработкой данных с трех спутников: измерителя фонового излучения COBE, запущенного в ноябре 1989 года и уже почти выработавшего свой ресурс; микроволнового анизотропного зонда «Уилкинсон» (WMAP), запущенного в 2003 году, и космического телескопа «Планк», выведенного на орбиту Европейским космическим агентством (ESA) в 2009 году.

Космическое микроволновое фоновое излучение характеризуется тепловым спектром абсолютно черного тела при температуре около $2,7255^{\circ}\text{K}$ и обладает изотропией высокой степени, то есть почти одинаково во всех направлениях, с незначительными температурными флуктуациями порядка миллионных долей диапазона. Работа Ша Жуйшаня состояла в том, чтобы, основываясь на наблюдениях, создать более подробную карту реликтового излучения.

Лаборатория была невелика. Оборудование для приема спутниковых данных и три компьютерных терминала, предназначенных для обработки информации с трех спутников,

теснились в одном помещении.

Ша, явственно обрадовавшийся посетителю (еще бы – скучная работа в одиночестве уморит кого угодно!), спросил, какие именно данные интересуют Вана.

– Я хочу видеть общую флуктуацию реликтового излучения.

– А нельзя ли... поконкретнее?

– Меня интересует... э... общая изотропная флуктуация реликтового излучения от одного до пяти процентов, – произнес Ван, цитируя по памяти электронную записку от Шэнь.

Ша широко улыбнулся. В первом году текущего столетия миюньская обсерватория была открыта для посетителей. Желая подзаработать, Ша частенько водил экскурсии и читал лекции интересующимся. Постепенно привыкший к поразительному научному невежеству туристов, Ша приберегал эту улыбку именно для них.

– Доктор Ван, насколько я понимаю, вы не специалист в этой области?

– Я занимаюсь нанотехнологиями.

– Тогда понятно. Но самое общее представление о реликтовом фоновом излучении у вас есть, не так ли?

– Именно что самое общее. Знаю, что микроволновое излучение – это те «угольки», которые остались после Большого взрыва. Оно наполняет весь космос, и его можно наблюдать в сантиметровом диапазоне волн. Кажется, в шестидесятых двое американцев случайно обнаружили его, тестируя

сверхчувствительную спутниковую антенну...

Ша прервал его, подняв руку:

– Этого более чем достаточно! Тогда вам должно быть известно, что в отличие от местных вариаций, которые мы наблюдаем в различных частях Вселенной, общая флуктуация реликтового излучения коррелирует с расширением Вселенной. В масштабах возраста Вселенной изменения идут очень-очень медленно. Даже при той чувствительности, какой обладает космический телескоп «Планк», можно вести наблюдения миллион лет, но так ничего и не обнаружить. А вам сегодня ночью приспичило увидеть флуктуацию в целых пять процентов! Вы хотя бы представляете, что это могло бы означать? Что Вселенная замигает, как люминесцентная лампа, собирающаяся перегореть!

«И она замигает, – подумал Ван. – Ради меня».

– Наверно, профессор Е хотела пошутить, – заключил Ша.

– Поверьте, я бы очень обрадовался, если бы это и в самом деле оказалось шуткой, – ответил Ван. Он хотел было сказать, что Е понятия не имеет, зачем Вану понадобилось реликтовое излучение, но побоялся, что тогда Ша откажется ему помогать.

– Ну что ж, раз профессор просила помочь, давайте перейдем к наблюдениям. Ничего сложного. Если вам нужна точность только в один процент, то достаточно и данных старичка COBE. – Не прерывая речи, Ша быстро набирал что-то на терминале. Вскоре на экране нарисовалась зеленая ли-

ния. — Это кривая величины общего реликтового излучения, измеренной в реальном времени. Как видите, было бы точнее называть ее прямой. Температура $2,725 \pm 0,002^\circ \text{ К}$. Эффект Доплера, обусловленный движением Млечного Пути, дает погрешность, но поправка уже взята. Если произойдет флуктуация в один процент, которую вы ожидаете, то линия изменит цвет на красный и станет волнистой. Но спорю на что угодно: она останется прямой и зеленой до конца времен. Если вы непременно хотите увидеть такую флуктуацию, вам, скорее всего, придется ждать еще долго после гибели Солнца.

— Простите, я не слишком вам мешаю?

— Что вы, вообще не мешаете! Итак, значит, данные COBE. Ну вот, все готово. Если вдруг такая невероятная флуктуация возникнет, информация автоматически будет сохранена на диске.

— Думаю, это случится около часу ночи.

— Ого, какая точность! Нет проблем, я все равно дежурю до утра. Вы уже поужинали? Хорошо, тогда пойдемте, покажу вам обсерваторию.

Ночь стояла безлунная. Они шли вдоль ряда антенн, и Ша проговорил, указывая на них:

— Дух захватывает, правда? Жаль только, что они как уши у глухого.

— Почему?

— Помехи. С самого момента окончания строительства

– непрекращающиеся помехи. Сначала все эти пейджерные станции в восьмидесятых, а теперь мобильные сети, телефонные вышки... Наши телескопы способны выполнять самые разные научные задачи: следить за небом, обнаруживать источники радиоволн, наблюдать за останками сверхновых – но мы не в состоянии проводить большинство экспериментов! Мы много раз жаловались в Государственную комиссию по регулированию радиовещания, и все без толку. Разве нам тягаться с «Чайна Мобайл», «Чайна Юником» или «Чайна Нетком»? Тайны Вселенной не приносят денег, а значит, не стоят и кучки дерьма. Хорошо, что для моей работы нужны только спутники, а не эти «туристические аттракционы».

– Ну, вообще-то, в последнее время институты, занимающиеся фундаментальными исследованиями, стали довольно успешными в коммерческом плане – взять хотя бы физику высоких энергий... Наверно, стоило бы строить обсерватории подальше от городов?

– Вот именно что «стоило» бы. Опять все упирается в деньги. А пока единственное, что нам остается, – это придумать какие-нибудь щиты от помех. Эх, была бы здесь профессор Е! Она в этой области большой спец.

Беседа плавно перешла на Е Вэньцзе. Из уст ее бывшего студента Ван наконец узнал о жизни замечательной женщины. Ша порассказал о многом: как во время «культурной революции» на ее глазах погиб отец; как ее ложно обвинили, после чего она исчезла из Производственно-строительного

корпуса и вновь объявилась только в начале девяностых, когда, вернувшись в Пекин, стала преподавать в том же университете Цинхуа, в котором был профессором ее отец. Там она проработала до ухода на пенсию.

– Только недавно стало известно, что Е провела более двадцати лет на военной базе «Красный берег».

Ван опешил.

– Вы хотите сказать, все эти слухи...

– ...по большей части правда. Один исследователь, занимавшийся разработкой шифровальной системы для «Красного берега», в прошлом году эмигрировал в Европу и написал книгу. Она и послужила источником большинства известных вам слухов. Многие из участников программы «Красный берег» живы до сих пор.

– Но это же просто... фантастика какая-то!

– Особенно если учесть, в какое время все это происходило... Невероятно!

Они поговорили еще немного. Ша спросил, что стоит за необычной просьбой Вана. Тот уклонился от прямого ответа, а Ша не стал настаивать – профессиональное достоинство не позволяло ему выказывать чересчур большой интерес к запросу, идущему вразрез с его научными познаниями.

Затем они часа два просидели в ночном баре для туристов. С каждой новой кружкой пива язык у Ша развязывался все больше. Однако Ван начал нервничать, вспоминая зеленую линию на мониторе. Когда Ша наконец уступил настоя-

ниям Вана вернуться в лабораторию, было без десяти час.

Прожекторы выключили, и теперь лишённые подсветки антенны вырисовывались на фоне ночного неба плоскими двумерными силуэтами, словно ряд абстрактных символов. Все они смотрели вверх под одним и тем же углом, словно ожидая чего-то. От этой картины Вана пробрала дрожь, несмотря на теплую весеннюю ночь. Исполинские сооружения напомнили ему маятники в «Трёх телах».

К часу Ша и Ван были в лаборатории. Едва они приблизились к монитору, как началась флуктуация. Прямая линия превратилась в волнистую, с неравными расстояниями между пиками, и цвет ее изменился с зеленого на красный – словно змея, пробудившаяся от спячки, извиваясь, сбрасывала с себя кожу, наполненную кровью.

– Должно быть, СОВЕ вышел из строя! – ахнул Ша, с ужасом глядя на экран.

– Не вышел, – бесстрастно сказал Ван. Он научился владеть собой в подобных случаях.

– Скоро узнаем, – пообещал Ша. Он метнулся к двум другим терминалам и проворно забарабанил пальцами, вызывая на экраны данные с остальных спутников – WMAP и «Планка».

Теперь волнистая линия синхронно извивалась сразу на трех мониторах.

Ша поспешно включил ноутбук, вставил сетевой кабель в разъем и принялся названивать по телефону. Из его разгово-

ра с неслышимым собеседником Ван заключил, что он пытается дозвониться до радиоастрономической обсерватории в Урумчи. Ша, уставившийся в экран, по-видимому, забыл про гостя; Ван слышал, как бурно он дышит.

Спустя несколько минут волнистая линия зазмеилась и на экране ноутбука – синхронно с тремя другими.

Три спутника и одна наземная обсерватория подтвердили факт: Вселенная мерцала.

– Можно распечатать данные? – спросил Ван.

Ша смахнул со лба холодный пот и кивнул. Двинув мышкой, он щелкнул по кнопке «Принт». Как только первая страница с волнистой линией выползла из принтера, Ван немедленно схватил ее, вынул из кармана листок с таблицей кода Морзе и принялся карандашом пометать тире и точки в соответствии с расстояниями между пиками:

—, —, —, —... —..., —, —, —..., ... —, — ...

«Это значит 1108:21:37», – подумал Ван.

—, —, —, —... —..., —, —, —..., ... —, —

1108:21:36.

Обратный отсчет продолжался теперь в масштабах Вселенной. Девяносто два часа истекло, осталось всего 1108.

Ша взволнованно мерил шагами комнату, время от времени останавливаясь и бросая взгляд на последовательность чисел, которые выписывал Ван. Наконец, он не выдержал:

– Вы можете объяснить, что происходит?!

– Не могу, доктор Ша, – отрезал Ван. – Даже не спраши-

вайте.

Он отпихнул от себя стопку распечаток с извилистой линией и, не отрывая глаз от чисел, пробормотал:

– Может, все три спутника и обсерватория вышли из строя...

– Вы же прекрасно знаете, что это невозможно!

– А если это саботаж?

– Тоже невозможно! Синхронно сфальсифицировать данные трех спутников и наземной обсерватории?! Ну, знаете, в таком случае саботажник должен быть существом сверхъестественным!

Ван кивнул: уж лучше сверхъестественный саботажник, чем мигающая Вселенная. Но тут Ша отобрал у него и эту надежду:

– А знаете, ведь это легко проверить! Когда флуктуация реликтового излучения так велика, ее можно увидеть просто глазами.

– Как это – глазами? Вы о чем? Длина волны реликтового излучения – семь сантиметров. Это на пять порядков больше, чем длина волны видимого света. Как его можно увидеть глазами?!

– С помощью ЗК-очков.

– Каких еще ЗК-очков?!

– Это мы сделали такую игрушку для столичного Планетария. Почти полвека назад Пензиас и Уилсон обнаружили реликтовое микроволновое излучение с помощью шестимет-

ровой рупорной антенны. Технология настолько продвинулась вперед, что теперь эту антенну можно уменьшить до размера очков. Мы так и сделали. Потом добавили в устройство конвертер, преобразующий семисантиметровые волны в видимый красный свет. Ночные посетители Планетария могут надеть очки и наблюдать излучение собственными глазами.

– И где их взять, эти очки?

– В Планетарии. Мы сделали больше двадцати штук.

– Так давайте! Мне нужно успеть заполучить пару до пяти часов.

Ша схватил телефон. Ждать ответа пришлось довольно долго. Потом понадобилось затратить немало слов, чтобы убедить служащего, разбуженного посреди ночи, пойти в Планетарий и подождать там Вана с часок.

Провожая гостя, Ша сказал:

– Я с вами не поеду. Я увидел достаточно, мне дальнейшие подтверждения ни к чему. Надеюсь, вы все же объясните мне случившееся, когда сочтете возможным. Если обнаруженный феномен выльется во что-то более значительное, уж я вас не забуду!

Открыв дверцу машины, Ван проговорил:

– Мерцание прекратится в пять утра. Думаю, вам не стоит пытаться обнаружить его после этого часа. Поверьте, вы ничего не добьетесь.

Ша посмотрел на Вана долгим взглядом, потом кивнул.

– Понимаю. В последнее время в науке происходит много странного...

– Именно. – Ван нырнул в машину. У него не было ни малейшего желания углубляться в тему.

– Значит, пришла наша очередь?..

– Во всяком случае, моя. – И Ван завел мотор.

* * *

Часом позже он подъехал к Планетарию и вышел из машины. Яркие огни ночного города проникали сквозь прозрачные стены огромного стеклянного строения, так что можно было различить неясные очертания интерьера. Вану подумалось, что если архитектор намеревался выразить свое восприятие Вселенной, то замысел удался: ведь чем прозрачнее вещь, тем более глубокую тайну она скрывает. Вселенная сама по себе прозрачна, и при наличии достаточно острого зрения можно заглянуть в самые отдаленные ее уголки. Но чем дальше ты заглядываешь, тем таинственней она становится.

В дверях Вана ожидал заспанный служащий. Протянув посетителю небольшой футляр, он сказал:

– Здесь пять пар ЗК-очков, полностью заряженных. Нажмите на левую кнопку, и очки включатся. Правая кнопка – регулятор яркости. Наверху у меня еще десяток пар. Смотрите в свое удовольствие, а я пойду посплю. Этот ваш доктор Ша, должно быть, совсем сбрендил. – С этими словами

служащий удалился в темные глубины Планетария.

Ван положил футляр на заднее сиденье, открыл и достал пару очков. Они походили на панорамный экран внутри шлема от V-костюма. Надев их, Ван осмотрелся вокруг. Город выглядел точно так же, как и раньше, только огни потускнели. Ах да, очки ведь надо включить.

Теперь город предстал в виде множества туманно светящихся гало. Большинство из них стояло на месте, другие мерцали и двигались. Ван сообразил, что это источники излучения в сантиметровом диапазоне, преобразованного в видимый свет. Длина исходной волны была слишком большой, поэтому источники представляли в виде размытых световых пятен.

Ученый поднял глаза. Небо тускло светилось красным. Это и было реликтовое космическое излучение, отголоски Большого взрыва, по-прежнему горячие «угольки» Творения, зародившегося миллиарды лет назад.

Звезд Ван не различал. Поскольку видимый свет тоже подвергался преобразованию, звезды должны были выглядеть как черные точки, но дифракция сантиметрового излучения не позволяла разглядеть мелкие детали.

Когда глаза приспособились, Ван заметил, что красноватый фон пульсирует. Весь небосвод мерцал, как если бы Вселенная была самым обыкновенным фонарем, раскачиваемым на ветру.

Стоя под мерцающим куполом ночного неба, Ван вдруг

ощутил, что пространство словно стянулось до размеров тюремной клетки и он в ней узник. Вселенная – это сжавшееся в спазме сердце; пронизывающий все вокруг красный свет – это наполняющая его кровь. Омываемый приливами крови, Ван обнаружил, что эти приливы нерегулярны – небо пульсировало неравномерно. Он почувствовал незримое присутствие чего-то до крайности странного, извращенного, не подвластного человеческому разумению...

Он снял очки, в изнеможении опустил на землю и прислонился спиной к автомобильному колесу. Ночной город постепенно вернул себе реальность видимого света. Но глаза Вана блуждали в поисках чего-то иного, трудно поддающегося определению. Вон там, через дорогу, вход в зоопарк, освещенный рядом неоновых фонарей. Один из них собирался перегореть и нерегулярно помаргивал. А вон деревца – их листья трепетали на ночном ветерке, беспорядочно мерцая в свете уличных фонарей. В отдалении возвышался выполненный в русском стиле шпиль Пекинского выставочного центра; красная звезда на его вершине посверкивала в лучах фар проезжающих внизу машин – случайно, неравномерно...

Вану чудилось, что даже складки на развевающихся у входа в Планетарий флагах и выбоинки на обочине дороги посылают ему какие-то сообщения. Он пытался расшифровать их при помощи кода Морзе, но из этого ничего не выходило. Оставалось лишь ощущение все того же обратного отсчета –

тик-так, секунда за секундой...

Ван потерял представление о времени. Наконец, появился служащий Планетария с вопросом, закончил ли гость свои дела. Но когда он увидел лицо Вана, его заспанные глаза мгновенно прояснились и налились страхом. Служащий упаковал очки, еще раз взглянул на Вана и торопливо убрался, унося с собой футляр.

* * *

Ван достал телефон и набрал номер Шэнь Юйфэй. Та ответила практически мгновенно. Должно быть, страдала бессонницей.

– Что произойдет, когда отсчет завершится? – спросил Ван.

– Не знаю. – Шэнь повесила трубку.

«Что же это будет? Может, я умру? Как Ян Дун?

Или случится катастрофа наподобие той великой цунами, что прокатилась по Индийскому океану несколько лет назад? И никто не свяжет ее с моими нанотехническими исследованиями. А может ли так быть, что все предыдущие великие катастрофы, включая обе мировые войны, тоже знаменовали собой окончания каких-то неведомых обратных отсчетов? И каждый раз ответственным за них был какой-нибудь маленький человек вроде меня?

А может, наступит конец света? Наш мир так плох, так по-

рочен, что его конец, пожалуй, был бы желанным исходом».

Одно было ясно: всю эту тысячу с чем-то часов ожидания он, Ван, будет корчиться в ужасающих муках, пока не сойдет с ума.

Он сел в машину и поехал домой. Сейчас, перед рассветом, дороги были относительно пустынные, но Ван не решался ехать слишком быстро — ему мнилось, что чем выше скорость, тем быстрее идет отсчет. Когда восток слегка заалел, он остановился, вышел и принялся бесцельно бродить по улицам. В голове его не осталось ни одной мысли, кроме отсчета, пульсирующего на фоне тускло-красного реликтового свечения. Вану чудилось, будто он больше не человек, а просто таймер, колокол, который звонит неизвестно по ком.

Небо постепенно светлело. Ван устал и присел на лавочку. Затем поднял голову, увидел, куда привело его подсознание, и вздрогнул.

Он сидел перед собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. В бледном свете утра романские башни походили на три гигантских пальца, указующих в космос.

Ван поднялся, собираясь уйти, но тут до его слуха донеслись звуки хора. Сегодня не воскресенье, значит, скорее всего, шла репетиция хора. Звучал гимн «Приди, о дух благой». Слушая торжественную святую музыку, Ван Мяо снова ощутил, будто Вселенная сократилась до размеров пустой церкви. Своды ее тонули в мерцающем красном свете реликтового излучения, а он, Ван, был муравьем, ползающим в

трещинах пола. Он снова стал беспомощным младенцем, чье трепещущее сердце сжала гигантская невидимая рука. Что-то в глубине его сознания, все это время поддерживавшее его и не позволявшее сдаться, размягчилось и поплыло, словно воск. И тогда он закрыл лицо ладонями и заплакал.

Но тут его рыдания прервал чей-то грубый смех:

– Во, глядите, еще один собрался на тот свет!

Ван обернулся.

Позади, выпуская изо рта клубы белого дыма, стоял Ши Цян.

Глава 10

Да Ши

Капитан Ши опустился на лавку рядом с Ваном и протянул ему ключи от машины:

– Вы бросили машину прямо на перекрестке Дундань. Не подоспей я вовремя, дорожный полицейский уже отволок бы ее куда положено.

«Да Ши, если бы я знал, что ты следишь за мной, мне было бы легче!» – подумал Ван, про себя назвав капитана дружеским прозвищем, однако самолюбие не позволило произнести эти слова вслух. Он взял предложенную Да Ши сигарету, прикурил и впервые за много лет с тех пор, как бросил курить, затянулся.

– Ну что, приятель? – сказал Ши. – Тяжела ноша, да? Я

же предупреждал – тебе одному не справиться. А ты разыгрывал из себя крутого.

– Тебе не понять. – Ван сделал еще несколько глубоких затяжек.

– Твоя беда в том, что *ты* понимаешь слишком хорошо. Ладно, пошли пожрем чего-нибудь.

– Не голоден.

– Тогда пойдем выпьем. Угощаю.

Ван сел в автомобиль Да Ши, и они поехали в ресторанчик поблизости. В такой ранний час в заведении было совсем пусто.

– Две порции жареных рубцов и бутылку «Эрготоу»²⁸! – выкрикнул Да Ши, даже не заглянув в меню. Похоже, он был здесь завсегдатаем.

Перед ними поставили две тарелки с чем-то, зажаренным до черноты. Пустой желудок Вана сжался, его едва не стошнило. Да Ши заказал для своего спутника теплое соевое молоко и пресный жареный хворост. Ван с трудом заставил себя есть.

Затем они выпили «Эрготоу». Голова слегка закружилась, язык отмяк. Слово за слово, Ван рассказал Да Ши обо всех событиях последних трех дней, хотя подозревал, что капитан наверняка и сам уже все знает. Возможно даже, что Да Ши было известно больше, чем Вану.

²⁸ Марка китайской водки (байцзю) различной степени крепости. Стандартная крепость «Эрготоу» – 56°. – *Прим. перев.*

– Так ты говоришь, что Вселенная... ну вроде как подмигивала тебе? – осведомился Да Ши, с хлопаньем втягивая в рот полоски мяса, словно лапшу.

– В точку.

– Говно собачье.

– Неуч ты безграмотный, потому и не боишься!

– Опять говно собачье. Давай пей!

Ван опрокинул еще стопку. Мир закружился в хороводе, и только жующий рубцы Ши Цян оставался на одном месте.

– Да Ши, ты когда-нибудь задумывался над великими философскими вопросами? Например, откуда пошел человек? Куда идет? Откуда пошла Вселенная? И куда идет? И так далее.

– Не-а.

– Никогда?

– Никогда.

– Но ты же смотришь на звезды! Неужели ты никогда не испытывал ни благоговения, ни любопытства?

– Не смотрю я на твои звезды.

– Но... Но как же... Я думал, ты часто работаешь в ночную смену?..

– Кореш, пока я буду таращиться в небо, подозреваемый свалит, только его и ищи.

– Да, мы действительно говорим на разных языках. Ну и черт с ним. Выпьем!

– Честно говоря, даже если бы я и глядел когда-никогда

на звезды, то уж думать о твоих философских материях мне недосуг. У меня и без них хлопот полон рот. Платить ипотеку, копить деньги сыну на университет, а уж на работе – одно «дело» за другим, только успевай... Я человек прямой, без выкрутасов. Посмотри мне в горло и выглянешь из дырки в моей же заднице. Само собой, боссы меня не любят, и черта с два я знаю, как завоевать их сердце. Из армии уволился много лет назад, а карьера так и стоит по стойке «смирно». Одно выручает – я хорошо делаю свою работу, не то мне бы уже давно дали под зад. Так что, как видишь, проблем до фига! Откуда у меня время и силы любоваться звездочками?!

– Ты прав. Выпьем!

– Но, знаешь, я и в самом деле вывел одно железное правило.

– Какое?

– Когда что-то слишком странно, то дело нечисто.

– Что... что это еще за правило такое дурацкое?!

– Я говорю, что за вещами, которые на первый взгляд невозможно объяснить, всегда кроется чья-то грязная рука.

– Какая там рука! Если бы у тебя было хотя бы элементарное представление о науке, ты бы знал, что то, чему я стал свидетелем, не под силу никому! Особенно вот это, с излучением. Манипулировать явлениями в масштабах Вселенной... Это не только невозможно объяснить с позиций сегодняшней науки – я не могу себе представить, чтобы это можно было вообще объяснить с каких-либо позиций, даже

вне науки! Это более чем сверхъестественно! Это сверх-я-просто-не-знаю-что...

– А я говорю тебе, что все это чушь собачья. Уж поверь мне. Я в своей жизни перевидал очень много странного.

– Тогда скажи, что мне делать дальше!

– Пить водку. А потом спать.

– Отлично, так и поступлю.

* * *

Ван Мяо не помнил, как добрался до своей машины. Повалившись на заднее сиденье, он уснул мертвецким сном. Проснувшись, подумал, что спал не очень долго, но оказалось, что солнце уже висит низко над западным горизонтом.

Ван вышел из автомобиля. Хотя его еще покачивало после утренней попойки, душевно он чувствовал себя лучше. Выяснилось, что он стоит у Запретного Города. Лучи заходящего солнца озаряли старинный дворец, золотые блики играли на воде окружающего его рва. Классическая картина. Мир в глазах Вана снова обрел стабильность.

Он сидел здесь до темноты, наслаждаясь покоем, которого больше не было в его жизни. Из потока уличного движения выскользнул знакомый черный «Фольксваген Сантана» и, взвизгнув тормозами, остановился рядом. Из машины вылез Ши Цян.

– Ну как, проспался? – гаркнул он.

– Да. А дальше что?

– Дальше? Иди домой ужинать. И накати еще. Потом снова заваливайся спать.

– А потом?

– Заладил «потом, потом»... Тебе что, на работу с утра не надо?

– Но этот отсчет... теперь ведь только 1091 час остался...

– Пошли его нах...этот отсчет! У тебя сейчас первая забота – это стоять прямо и не валиться, задрал лапки. А потом поговорим об остальном.

– Да Ши, ну скажи же мне, что происходит! Прошу как человека!

Да Ши воззрился на Вана и заржал:

– Это то, что я уже много раз спрашивал у генерала Чана! Мы с тобой, кореш, братья по несчастью. Буду честен: ни хера я не знаю! Говорят, мол, чин у меня не тот, чтобы знать. Вообще, иногда мне кажется, что все это только кошмарный сон.

– Но тебе все равно должно быть известно больше, чем мне!

– Ладно. Расскажу, что знаю, только это очень мало. Пошли.

Они уселись надо рвом, окружающим Запретный Город.

Наступил вечер. За их спинами неслись бесконечный, как река, поток автомобилей; в свете их фар тени собеседников на воде то удлинялись, то укорачивались.

– Моя работа состоит в том, чтобы сопоставлять множество вещей, на первый взгляд не имеющих никакого отношения друг к другу. Стоит только установить между ними связи и...

– Вот она, правда. Но в последнее время творится столько всего странного...

Взять хотя бы волну преступлений против людей науки и научно-исследовательских учреждений. Такого раньше никогда не бывало. Ну, о взрыве на строительстве Лянсянского ускорителя ты, конечно, знаешь. А еще кокнули того нобелевского лауреата – слышал?.. Очень странные преступления – не ради денег, не ради мести, не по политическим соображениям. Просто уничтожение ради уничтожения.

Или другие странные происшествия, без криминальной подоплеки, например, «Рубежи науки» и самоубийства ученых. Тут еще эти защитнички окружающей среды – совсем оборзели, только и знают, что пикетируют строительство новых атомных и обычных гидроэлектростанций. Коммуны «назад к природе» и все в таком духе... Кино увлекаешься?

– Вообще-то нет.

– Последние высокобюджетные фильмы все как один про деревню. Зеленые горы, чистая водичка, сильные мужчины, красивые женщины, живущие неведомо в какую эпоху в полной гармонии с природой. По словам режиссеров, они «показывают чудесную жизнь до того, как наука загубила природу». Вон хотя бы «Персиковый источник»... Ну кто будет

это смотреть?! А они тратят миллионы на производство такого дерьма. Или конкурс научной фантастики с первой премией в пять миллионов тому, кто придумает самый отвратительный вариант будущего. Потом еще потратили несколько сот миллионов на фильмы по победившим опусам. Уже не говоря про всякие дурацкие секты – растут как грибы после дождя, а у их лидеров денег куры не клюют...

– Подожди, тебя, кажется, занесло. Какая связь между всем этим и преступлениями?

– А ты соедини точки между собой. Конечно, раньше я не сушил себе башку всей этой мутотенью, но после того как меня перевели из уголовного розыска в Боевой командный центр, мутотень стала частью моей работы. Даже генерал Чан восхищается моей способностью соединять точки.

– И какие выводы?

– Все происходящее координируется кем-то из-за кулис с одной целью: застопорить научный прогресс.

– И кто, по-твоему, этим занимается?

– Хрен я знаю! Но нюхом чую – есть план, очень сложный и изощренный: разрушить научные центры, поубивать ученых или довести их до сумасшествия, чтобы они сами влезали в петлю; при этом конечная цель – завести твой ум в такой тупик, что ты почувствуешь себя еще бóльшим дураком, чем остальной неученый люд.

– В проницательности тебе не откажешь!

– И одновременно они хотят дискредитировать науку в

глазах общества. Конечно, всегда были люди, выступающие против науки, но сейчас все координируется из единого центра.

– Похоже на то...

– Ага, теперь ты мне веришь! Значит, вы, высоколбые умники, не смогли сами ни до чего додуматься, а я, у которого образование ну очень среднее, все понял?! Ха! Когда я изложил свои соображения начальству, то и оно, и умники подняли меня на смех.

– Если бы ты рассказал мне о своих выводах еще пару дней назад, я бы тоже посмеялся. Но сейчас... Знаешь кого шарлатаны, занимающиеся лженауками, боятся больше всех?

– Настоящих ученых, само собой.

– Нет. Даже настоящие ученые иногда обманываются и посвящают свою жизнь лженауке. Но есть один тип людей, которых псевдоученые боятся как огня: цирковые иллюзионисты. По сути, именно фокусники разоблачили многие трюки лжеученых. Ничего удивительного, что не какой-то книжный червь, а ты, опытный полицейский, распознал грандиозный заговор.

– Ну-у, есть люди и посмышленнее меня. Те, кто у руля, знают о заговоре. Да, они поначалу подняли меня на смех, но это потому, что я выложил свои соображения не тому, кому следует. Позднее мой бывший командир, генерал Чан, устроил мне перевод; и все равно я только мальчик на побе-

гушках, не больше. Ну вот, теперь тебе известно столько же, сколько и мне.

– Следующий вопрос: при чем здесь армия?

– Вот и я сначала не врубался. Все спрашивал, спрашивал, а мне отвечали: мол, раз война, то, само собой, армия очень даже при чем. Я тоже думал, как ты: шутят они, что ли? Но ничего подобного, они вовсе не шутят. Армия в полной боевой готовности. Таких Боевых командных центров по миру разбросано больше двух десятков. А над ними – общая командная структура, про которую вообще никто ничего не знает.

– Но кто противник?

– А хрен его разберет! Натовцы не вылезают из нашего Генерального штаба, офицеры нашей армии работают сейчас в Пентагоне. А с кем воюем – ни хера не понятно.

– Дикость какая-то... Ты уверен, что все это так и есть?

– Куча моих бывших сослуживцев теперь стали генералами, так что кое-что мне все-таки известно...

– И СМИ еще ничего не пронюхали?

– В том-то и дело: все страны умудряются пока что держать языки за зубами. Одно ясно: враг невероятно силен. Командование в ужасе! Я хорошо знаю генерала Чана, он из тех, кто не страшится никого и ничего; пусть хоть небо на голову упадет – не дрогнет. Но я вижу – он боится, боится чего-то такого, по сравнению с чем небо, свалившееся на башку, – мелочь, о которой и говорить не стоит. Они все напуганы до

усрачки, и веры в нашу победу нет ни у кого.

– Если это правда, тогда все мы тем более должны бояться!

– Собственно, так оно и есть – каждый чего-нибудь боится. Неприятель тоже боится, и чем он могущественнее, тем больше у него есть что терять и тем сильнее его страх.

– И чего, по-твоему, боится неприятель?

– Вас! Людей науки! Но что самое непонятное: чем дальше область исследований отходит от практики – то есть всякие там заумные теории вроде тех, которыми занималась Ян Дун, – тем сильнее враг боится. Они боятся *вас* больше, чем ты своей подмигивающей Вселенной. И самое страшное для них – это ваш прогресс в теоретических науках. Вот почему враг так безжалостен. Если бы убийство ученых решило проблему, вы все сейчас уже были бы на том свете. Однако когда умирает один ученый, его место занимает другой, поэтому самый эффективный метод – запутать вам мозги. Когда ум не разберет, где правда, где ложь, науке конец.

– Ты хочешь сказать, они боятся фундаментальной науки?!

– Вот именно!

– Но ведь мои исследования – это совсем не то, чем занималась Ян Дун! Наноматериал, над которым я работаю, – не фундаментальная теория. Просто очень прочный, можно сказать, сверхпрочный материал. Какую угрозу он может представлять для врага?

– Твой случай особенный. Обычно они прикладниками не замораживаются. Должно быть, твой наноматериал пугает их до чертиков.

– И что мне делать?

– Продолжать работать, как раньше. Это лучший способ нанести противнику урон. И не суши себе голову тем проклятым отсчетом. Захочешь расслабиться после работы – поиграй в ту игру. А вдруг, если ты победишь в ней, это как-то поспособствует делу...

– В «ту игру»? В смысле в «Три тела»? Ты думаешь, она имеет отношение к происходящему?

– Абсолютно точно имеет. Я знаю, что несколько шишек из Боевого командного центра тоже играют. Это не простая игра. Человек вроде меня, неученый и потому бесстрашный, не может в нее играть. Нужен такой, как ты – обладающий знаниями.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Нет. Но если разузнаю больше, скажу. Смотри, кореш, чтобы телефон всегда был заряжен. И не теряй головы. А если опять башню сорвет, вспомни мое железное правило.

Да Ши уехал прежде, чем Ван успел поблагодарить его.

Глава 11

Три тела: Мо-цзы и море огня

Ван Мяо вернулся домой, по дороге остановившись, что-

бы купить V-костюм. Жена сообщила, что ему весь день названивали с работы.

Ван включил телефон, проверил сообщения и ответил на некоторые звонки. Пообещал явиться завтра на работу. За ужином последовал совету Да Ши и «накатил» еще.

Но спать не хотелось. Жена отправилась на боковую, а Ван надел свой новый V-костюм, уселся перед компьютером и вошел в мир «Трех тел».

* * *

Пустынная равнина на рассвете.

Ван стоял перед пирамидой царя Чжоу. Снег, некогда покрывавший ее, исчез, каменные монолиты разъела эрозия. Почва под ногами была другого цвета. Вдали виднелись массивные строения – должно быть, решил Ван, дегидратории, хотя выглядели они иначе, чем те, что он видел раньше.

Все говорило о том, что с предыдущей игры прошли тысячелетия.

В предрассветных сумерках Ван принялся искать вход. Найдя, он увидел, что проем закрыт каменным блоком, но рядом, врезанная в склон, на самый верх уходит каменная лестница. Ван проследил за ней взглядом и обнаружил, что верхушка пирамиды срезана и превратилась в платформу, так что теперь пирамида больше напоминала не египетскую, а ацтекскую.

Он взобрался по лестнице на самый верх. Платформа походила на старинную астрономическую обсерваторию: в одном углу стоял телескоп высотой в несколько метров, а рядом полдюжину других, поменьше; в другом углу громоздились какие-то странные приборы, похожие на древние китайские армиллярные сферы – небесные глобусы, состоящие из колец.

Внимание Вана привлек к себе большой, двух метров в диаметре, медный шар в центре платформы, неторопливо вращавшийся при помощи сложной системы передач. Направление вращения и скорость все время менялись. Под механизмом зияла обширная квадратная яма. В тусклом свете факелов Ван разглядел в ней несколько человеческих фигур – по-видимому, рабов, – толкавших горизонтальное колесо со спицами, которое и приводило механизм в движение.

К Вану шел какой-то человек. И как во время первой встречи с царем Вэнем, его силуэт вырисовывался на фоне тонкой полосы света на горизонте, отчего Вану казалось, будто к нему плывут в темноте два пылающих глаза. Незнакомец, высокий и тощий, был одет в свободный черный балахон; из небрежного пучка волос на макушке выбились несколько прядей и развевались на ветру.

– Приветствую тебя, – сказал незнакомец. – Меня зовут Мо-цзы²⁹.

²⁹ Мо-цзы был основателем философии моизма в эпоху Сражающихся Царств. Приверженец логики и опыта, Мо-цзы был известен как выдающийся механик

– Приветствую тебя. Меня зовут Хайжэнь.

– А, я тебя знаю! – оживился Мо-цзы. – Ты был последователем царя Вэня при цивилизации номер 137!

– Я действительно следовал за ним, но никогда не разделял его теорий.

– И правильно делал. – Мо-цзы торжественно кивнул Вану. Потом доверительно придвинулся ближе. – В течение трехсот шестидесяти двух тысяч лет, пока тебя не было, цивилизация возрождалась четыре раза. Эры Хаоса сменялись Эрами Порядка. Цивилизации боролись за выживание и развитие. Самая кратковременная из них продвинулась только до нового каменного века, зато цивилизация номер 139 выросла до века пара.

– Ты хочешь сказать, что представители этой цивилизации выявили законы, по которым движется солнце?

Мо-цзы засмеялся и покачал головой:

– Ничего они не выявили. Им просто повезло – эпоха была благоприятной.

– Но они не оставляли попыток выяснить это?

– Не оставляли. Пойдем, посмотришь, к чему привели их усилия.

Мо-цзы проводил Вана в угол платформы. Внизу расстилась земля, похожая на лоскут старой выдубленной кожи. Мо-цзы направил один из небольших телескопов на цель и жестом пригласил Вана взглянуть. Тот приставил глаз к оку-

ляру и увидел нечто странное: скелет. В предрассветных сумерках отмытые добела кости сияли, как снег. Самым невероятным было то, что скелет стоял на собственных ногах. Поза его отличалась изяществом; одну руку он держал на подбородке, словно оглаживая давно исчезнувшую бороду. Голова была чуть приподнята, как будто скелет окидывал небо и землю вопрошающим взглядом.

– Это Конфуций, – пояснил Мо-цзы. – Он верил, что все сущее должно соответствовать «ли» – конфуцианской концепции приличия и порядка, и ни для чего во Вселенной нельзя делать исключение. Он создал систему ритуалов и надеялся с их помощью предсказывать движение солнца.

– Результат мне ясен.

– И вновь ты прав. Приняв за аксиому то, что солнце будет следовать его ритуалам, он сделал вычисления и предсказал пять лет Эры Порядка. И знаешь что? Эра Порядка действительно наступила, только длилась... один месяц.

– А потом пришел день, когда солнце не встало?

– Нет, встать-то оно встало. Взошло до середины небосвода и исчезло.

– Что?.. Как это – исчезло?!

– А вот так. Постепенно меркло, меркло, становилось меньше в размерах, а потом разом пропало. Наступила ночь. И страшный холод. Конфуций как стоял, так и заостенел. С тех пор торчит там как ледяной столп.

– После того как солнце исчезло, на его месте не появи-

лось ничего необычного?

– Да, появилось – летящая звезда. Как будто солнце умерло и оставило в небе свою душу.

– Ты уверен, что солнце и в самом деле внезапно исчезло, а на его месте так же внезапно появилась летящая звезда?

– Абсолютно уверен. Можешь проверить по летописям. Там все тщательно задокументировано.

– Хм-м... – Ван принялся напряженно думать. У него уже начало формироваться представление о том, что происходит в мире «Трех тел», однако рассказ Мо-цзы опровергал его гипотезу. – Внезапно исчезло? Как подобное может произойти внезапно?.. – с досадой бормотал он.

– Сейчас у нас династия Хань – не знаю, правда, Западная или Восточная, – сообщил Мо-цзы.

– И тебе удавалось выживать все это время?

– У меня особая миссия: вести точные наблюдения за движением солнца. Все эти колдуны, даосы и мистики – бесполезный мусор. Книжные черви, не отличающие риса от проса! Руками никогда не работали, о практике и понятия не имеют, поставить опыт не в состоянии; погружены в свой мистицизм по самую макушку. Но я не такой! Я умею сам мастерить вещи! – Мо-цзы обвел рукой многочисленные инструменты на платформе.

– Полагаешь, эта штукавина приведет тебя к цели? – Ван кивнул на большую медную сферу.

– У меня есть гипотеза, причем не мистического толка,

основанная на большом количестве наблюдений. Во-первых, ты знаешь, что такое Вселенная? Вселенная – это машина.

– Ну-у, я бы сказал, это несколько упрощенный подход...

– Объясню конкретнее: Вселенная представляет собой полную сферу, со всех сторон объятую морем огня. В ней существуют многочисленные мелкие и одно крупное отверстие. Свет из огненного моря проникает внутрь сферы сквозь отверстия. Мелкие – это звезды, большое – солнце.

– Очень интересная модель. – Ван опять взглянул на медный шар, назначение которого теперь стало ему ясно. – Но в твоей теории есть неувязка. Когда солнце встает или садится, мы можем наблюдать его перемещение на фоне неподвижных звезд, тогда как в твоей модели все отверстия не меняют своего местоположения друг относительно друга.

– Верно! Вот почему я модифицировал ее. Общая сфера состоит из двух, одна внутри другой. Поверхность внутренней сферы – это и есть наблюдаемое нами небо. Большое отверстие расположено во внешней сфере, внутренняя усеяна множеством мелких. Свет, проходящий сквозь большое отверстие, отражается и рассеивается в пространстве между сферами, наполняя его сиянием. Светящиеся мелкие дырочки, которые мы видим, – это звезды.

– А солнце?

– Солнце – это проекция большого отверстия внешней сферы на внутреннюю. Она так ярка, что лучи пронизывают внутреннюю сферу насквозь, как скорлупу яйца. И так

мы видим солнце. Свет, рассеянный вокруг основного пятна, тоже очень ярк и виден из внутренней сферы. Так мы днем видим небо.

– И какая же сила приводит обе сферы в движение, причем нерегулярное?

– Сила огня, объемлющего мир снаруж и.

– Да, но яркость и размеры солнца все время меняются. В твоей же модели они остаются неизменными. Даже если бы интенсивность огня была непостоянна, то размер-то отверстия одинаков!

– Ты понимаешь мою модель слишком упрощенно. Следуя изменениям условий в окружающем море огня, обе сферы то расширяются, то сжимаются. Так объясняются изменения в яркости и размерах солнца.

– А что ты скажешь о летящих звездах?

– О летящих звездах? Почему они так тебя заботят? Они вообще не имеют значения. Может, это просто пыль, попавшая между мировых сфер.

– А я считаю, что летящие звезды очень важны. Без них вряд ли можно объяснить внезапное исчезновение солнца во времена Конфуция. Как его истолковывает твоя модель?

– Это очень редкий феномен. Исключение из правила. Может, в море огня образовалось темное пятно – что-то вроде облака, которое прошло над большим отверстием во внешней сфере.

Ван указал на медный шар:

– Это и есть твоя модель, правильно?

– Да. Я построил машину, воспроизводящую механику Вселенной. Сложный привод моделирует силы, царящие в море огня. Законы, управляющие движением сфер, основываются на распределении пламени и течениях в огненном море. Я вывел их опытным путем за сотни лет наблюдений.

– Твоя сфера может расширяться и сжиматься?

– Конечно. Как раз сейчас она медленно сжимается.

Ван соединил взглядом точку на перилах, ограждающих платформу, с краем медного шара, и убедился, что Мо-цзы говорит правду.

– И внутри нее есть другая?

– Само собой. Внутренняя сфера тоже движется с помощью сложного механизма.

– Это воистину замечательная машина! – искренне восхитился Ван. – Но где же большое отверстие, через которое во внутреннюю сферу проникают солнечные лучи?

– Его нет. На внутренней поверхности внешней сферы я установил фонарь, имитирующий отверстие. Источником света в нем служит люминесцентное вещество, собранное у тысяч светлячков. Требуется холодное свечение, потому что внутренняя сфера сделана из светопроницаемого гипса, который плохо проводит тепло. Если бы я поставил обычный светильник, внутри сферы становилось бы очень жарко, а так проблема решена, и наблюдатель может находиться там долгое время.

– Внутри есть человек?!

– Да. Мой помощник стоит в центре сферы на подставке, снабженной колесами. После того как мы приведем смоделированную Вселенную в соответствие с состоянием реальной, движение модели станет отображать будущие перемещения солнца. Помощник запишет все данные, и мы получим точный календарь. Вот она – мечта сотен предыдущих цивилизаций! Похоже, ты пришел вовремя. Согласно предсказаниям моей модели, скоро начнется Эра Порядка длиной в четыре года. Император У из династии Хань только что отдал приказ о регидрации, основанный на моем предсказании. Дождемся же восхода!

Мо-цзы вызвал игровой интерфейс и слегка ускорил время. Красное солнце встало над горизонтом, и лед на бесчисленных озерах начал таять. До этого момента все было покрыто слоем бурой пыли – не понять, где лед, а где земля; но сейчас водоемы превратились в зеркала, как будто открылось множество глаз. Отсюда, с высоты, Ван не мог различить подробности регидрации, зато видел людей, собирающихся на берегах, словно муравьи, по весне вылезаящие из муравейника. Мир снова оживал.

– Не хочешь присоединиться к этому торжеству жизни? – поинтересовался Мо-цзы, указывая на толпы внизу. – Вновь возродившиеся женщины жаждут любви. Зачем тебе оставаться здесь, наверху? Игра окончена. Я выиграл.

– С точки зрения практической механики твоя модель

Вселенной весьма впечатляет. Но что касается твоих предсказаний... Можно мне воспользоваться телескопом? Хочу кое-что выяснить.

– Сделай одолжение. – Мо-цзы приглашающе взмахнул рукой в сторону большого телескопа.

Ван подошел к прибору.

– Я хочу посмотреть на солнце. Это возможно?

Мо-цзы достал круглое черное стеклышко:

– Вот тебе закопченное стекло. – Он вставил фильтр в окуляр.

Ван направил объектив на солнце, которое было уже на полпути к зениту. Да, надо отдать должное воображению Мо-цзы! Солнце и впрямь выглядело как отверстие, сквозь которое в мир врывается яростное пламя. Маленькое окно в великое запределье.

Но присмотревшись к солнцу внимательнее, Ван понял, что оно отличается от того, которое он привык видеть в реальном небе. У этого было маленькое яркое ядро. Если представить себе светило в виде глаза, то ядро – это зрачок, хоть и небольшой, но испускающий мощное сияние. Ядро окутывала дымчатая оболочка, по контрасту казавшаяся почти бесплотной. Тот факт, что ядро было видно сквозь оболочку, означал, что она либо полностью, либо частично прозрачна и светится не самостоятельно, а лишь рассеивает лучи, исходящие от ядра.

Ван ошеломленно застыл. Он еще раз убедился, что со-

здатели игры заложили в простую на первый взгляд картинку огромное количество информации – специально затем, чтобы игроки сами ее обнаружили.

Пока Ван, приходя во все большее и большее возбуждение, размышлял над увиденным, время игры шло ускоренным темпом, и солнце заметно сместилось к западу. Ван снова направил телескоп на светило и следил за ним, пока оно не скрылось за горизонтом.

Настала ночь, по всей долине зажглись костры, словно зеркальное отражение звезд в небе. Ван снял светофильтр с окуляра и принялся изучать ночной небосвод. Больше всего его интересовали летящие звезды, и вскоре он нашел две из них. Он едва успел понаблюдать только за одной, как вновь загорелся рассвет. Ван снова установил темный фильтр и продолжил следить за солнцем...

Больше десяти дней он занимался наблюдениями, ощущая радостное предвкушение открытия. Ускорившееся игровое время помогало ему, потому что движение небесных тел становилось более заметным.

Шли семнадцатые сутки Эры Порядка. Рассвет должен был наступить еще пять часов назад, а мир по-прежнему окутывала тьма. У подножия пирамиды собралась толпа; пламя факелов плясало на холодном ветру.

– По-видимому, солнце не собирается подниматься, – обратился Ван к стоящему рядом Мо-цзы. – Очень похоже на конец цивилизации номер 137.

Мо-цзы погладил бороду и уверенно улыбнулся.

– Волноваться не стоит. Скоро оно взойдет, и Эра Порядка продолжится. Я досконально изучил движение моей модели Вселенной. Мои прогнозы безошибочны!

И словно в подтверждение его слов, на горизонте появилась светлая полоса. Толпа вокруг пирамиды радостно загудела.

Серебристое сияние разгоралось быстрее обычного, как будто солнце хотело наверстать упущенное время. Вскоре стало так светло, словно наступил полдень, хотя солнце все еще таилось за горизонтом.

Ван устремил взгляд на восход, где горело ослепительное зарево. Вскоре горизонт выгнулся пылающей аркой, протянувшейся насколько хватал глаз. Ван сообразил, что это вовсе не горизонт, а край поднимающегося светила. Светила, размеры которого превосходили всяческое воображение.

Когда глаза приспособились, Ван различил в отдалении столбы черного дыма, особенно четко видные на фоне пылающего солнечного диска. Оттуда к пирамиде летел всадник на резвом коне; пыль от копыт полосой протянулась через равнину.

Толпа расступилась, и Ван услышал, как всадник кричит во всю мощь своих легких:

– Дегидрация! Дегидрация!

Вслед за всадником бежал скот, неслись лошади и другие животные. Они горели на бегу. Казалось, будто по равнине

расстелился огненный ковер.

Над горизонтом встала половина гигантского солнечного диска, занявшего большую часть небосвода. Казалось, будто Земля медленно опускается вдоль огромной сияющей стены. Ван, пристально вглядывавшийся в светило, отчетливо различал детали его поверхностной структуры: завихрения и приливы в море пламени; блуждающие, словно призраки, пятна... Особенно поражала корона, широко простершая свои золотые крылья.

А на земле и те, кто успел дегидрировать, и те, кто не успел, – все горели, будто поленья в топке. Пламя, пожирившее людей, пылало даже еще жарче, чем уголья в печи, но, в отличие от них, быстро угасало.

Огромное солнце продолжало подниматься и вскоре заполнило все небо. Подняв глаза, ученый обнаружил, что перспектива изменилась: казалось, он теперь смотрел не вверх, а вниз, словно поверхность солнца стала объята пламенем земель и Ван падал в этот сверкающий ад.

Над высыхающими озерами и прудами поднимались грибовидные облака белого пара и рассеивались над равниной, засыпанной пеплом сгоревших заживо.

– Эра Порядка продолжится... Вселенная – это механизм... Я воссоздал этот механизм. Эра Порядка... Вселенная...

Ван повернул голову. Голос принадлежал Мо-цзы. Его тело было заключено в столп высокого оранжевого пламени,

кожа сморщилась и почернела. Но глаза все еще лучились, их сияние не мог приглушить даже пожирающий ученого огонь. Над его протянутыми ладонями, уже обуглившимися, клубилось облачко пепла – все, что осталось от его календаря.

Ван тоже горел. Он поднял руки и увидел, что они превратились в факелы.

Солнце быстро двигалось к западу и вскоре стало садиться за горизонт. На этот раз казалось, будто земля поднимается вдоль сияющей стены. Ослепительный закат уступил место ночи. словно чьи-то гигантские руки укутали испепеленный мир в черный саван.

Земля тускло отсвечивала багровым, как угли в кострище. На короткий миг Ван увидел звезды, но вскоре пар и дым обволокли землю и скрыли небо. Мир погрузился в беспроесветный хаос. На этом фоне появилась алая надпись:

Цивилизация номер 141 погибла в пламени. В своем развитии она продвинулась до эпохи Восточной Хань.

Но семена ее сохранились. Они пробудятся, и цивилизация снова пройдет свой цикл в непредсказуемом мире «Трех тел». Приглашаем вас продолжить игру.

Ван снял V-костюм. Когда ученый немного успокоился, к нему снова пришла мысль, что «Три тела» намеренно пытается создать впечатление полной иллюзии, но на самом деле игра заключает в себе намного более глубокую реальность. С другой стороны, Вану начало казаться, что реальный мир, представляющийся нам таким сложным, на поверку намного

проще – как «По реке в День поминовения усопших» в сравнении с лаконичной фотографией пустого неба.

* * *

На следующий день Ван Мяо отправился на работу. В Институте нанотехнологий все было в порядке, если не считать небольшого беспокойства сотрудников по поводу его вчерашнего отсутствия. Оказалось, работа – весьма эффективный транквилизатор. Стоило Вану погрузиться в нее, и заботы отступили. Он намеренно целый день не давал себе отдыха и ушел из лаборатории только после наступления темноты.

Но не успел он покинуть здание института, как кошмар вернулся. Ему казалось, будто усыпанное звездами небо во все не небо, а увеличительное стекло, накрывшее целый мир, а он, Ван, – крошечная букашка и спрятаться ему нигде.

Надо было срочно найти себе занятие. Он вспомнил о матери Ян Дун, Е Вэньцзе, и поехал к ней.

Она была дома одна. Ван застал ее читающей на диване в гостиной. Он заметил, что пожилая женщина страдает одновременно и близорукостью, и дальновзоркостью, и потому, когда она переставала читать и смотрела на что-нибудь вддали, ей приходилось менять очки. Е очень обрадовалась приходу Вана и сказала, что он выглядит намного лучше, чем в свой прошлый визит.

Ван усмехнулся:

– Это все ваш женшень!

Е помотала головой:

– Тот, что я дала тебе, не особо хороший. Там, в лесах вокруг базы, мы ухитрились найти дикий. Однажды мне попался огромный, в-о-о-о-т такой!.. Интересно, как там сейчас? Слышала, оттуда все ушли, база стоит покинутая... Эх, старею я, старею... Все время думаю о прошлом...

– Я слышал, вы много пережили во время «культурной революции»...

– Жуйшань просветил? – Е взмахнула рукой, словно отмахивая паутину. – Было да быльем поросло... Он звонил вчера вечером. Так торопился, так захлебывался, что я его едва понимала. Разобрала только, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Я вот что тебе скажу, Сяо Ван: доживешь до моих лет – и все, что когда-то казалось жутко важным, покажется нестоящей мелочью.

– Спасибо вам, – произнес Ван. Он снова ощутил то тепло, которого ему так не доставало. Вот они, две опоры, поддерживающие его и не дающие сойти с ума: эта старая женщина, прошедшая сквозь множество жизненных бурь и ставшая мягкой и тихой, как вода, и Ши Цян – человек, который ничего не боится, потому что ничего не знает.

Е продолжала:

– Если говорить о «культурной революции», то мне еще повезло. В момент, когда казалось, что идти больше некуда,

я вдруг нашла место, которое помогло мне выжить.

– Вы имеете в виду базу «Красный берег»?

Она кивнула.

– Какой, должно быть, неординарный научный проект! А я-то думал, что все это только слухи...

– Никакие не слухи. Если хочешь, могу рассказать о своей жизни там.

Услышав это предложение, Ван слегка забеспокоился:

– Профессор Е, я ведь просто так, из любопытства... Если вы собираетесь рассказать мне что-то, чего мне не положено знать, то...

– Пустяки, – перебила она. – Скажу откровенно: мне просто хочется, чтобы кто-нибудь послушал мою болтовню.

– А почему вы не ходите в клуб ветеранов? Вам было бы не так одиноко.

– Многие из его завсегдатаев – мои коллеги по университету, но мне почему-то не хочется с ними общаться. Понимаешь, все любят рассказывать и никто не любит слушать. Когда кто-то пускается в воспоминания, это только раздражает остальных. Ты единственный, кому интересно узнать про «Красный берег».

– Но разве то, что вы собираетесь рассказать, не... не под грифом «совершенно секретно»?

– Ты прав, это по-прежнему под запретом. Но после выхода в свет той книги другие тоже начали делиться воспоминаниями. Так что эти секреты сейчас не такие уж и сек-

реты. Автор книги, наш бывший сотрудник, человек совершенно безответственный. Даже если оставить в стороне мотивы, которыми он руководствовался, то о содержании его опуса можно сказать, что в нем полно неточностей. Я чувствую, что мой долг исправить хотя бы эти ошибки.

И Е Вэньцзе принялась рассказывать Вану о своей жизни на базе «Красный берег».

Глава 12

«Красный берег» II

Е Вэньцзе не сразу допустили к настоящей работе. Сначала ей поручали только чисто технические задания, и то лишь под неусыпным надзором охранника.

Еще на втором курсе колледжа Е уже знала, под руководством какого профессора будет готовить диплом. Это он, ее научный руководитель, сказал, что достичь успеха в изучении теории невозможно без практических навыков экспериментирования и наблюдения – во всяком случае, в Китае. Отец Е придерживался иного мнения, но сама она была согласна со своим профессором. Ей всегда казалось, что отец слишком погружен в теорию.

Ее научный руководитель был одним из пионеров радио-астрономии в Китае. Под его влиянием Вэньцзе тоже увлеклась ею и, как следствие, стала разбираться и в электротехнике, и в компьютерах – самой основе эксперименти-

рования и наблюдений в этой отрасли. В течение двух лет магистратуры они с профессором протестировали первый в Китае малый радиотелескоп и накопили довольно большой опыт в этой области.

Е Вэньцзе и в голову не могло прийти, что настанет время, и ее навыки пригодятся на военной базе «Красный берег»...

Через некоторое время ей поручили проводить наладку и ремонт оборудования в отделе передач, и вскоре Е стала там незаменимым работником.

Поначалу ситуация слегка озадачивала Е. Она была единственным человеком на базе, который не носил военную форму. Сослуживцы, помня о ее статусе, держались от нее на расстоянии. У нее не было иного способа забыть о своем одиночестве, кроме как полностью отдаться работе. И все же этих соображений было недостаточно, чтобы объяснить, почему на Е полагались так безоглядно. Ведь это все-таки был важный оборонный проект! Как получилось, что на нее, не имеющую ни формального инженерного образования, ни опыта работы, взвалили чуть ли не всю техническую часть? Неужели техперсонал базы был настолько некомпетентен?

И скоро она поняла причину. Здешние инженеры только притворялись неумехами. На самом деле «Красный берег» был укомплектован лучшими техническими специалистами Второго артиллерийского корпуса. Е могла бы учиться всю жизнь и все равно только мечтать об уровне знаний этих отменных компьютерщиков и электронщиков. Дело было в

том, что база находилась в глухомани, условия здесь были суровые, а основная задача уже выполнена; оставались лишь наладка аппаратуры да поддержание станции в рабочем состоянии, так что на выдающиеся научные результаты рассчитывать никому уже не приходилось. Инженеры базы не желали становиться незаменимыми, потому что прекрасно понимали: стоит занять ключевую должность в секретном проекте вроде «Красного берега» – и о переводе в другое место можно забыть. Вот почему они старались не высовываться.

И все-таки выглядеть совсем уж некомпетентными тоже было нельзя. Поэтому, когда им приказывали идти на восток, они со всем возможным рвением шли на запад, прикидываясь добросовестными тупицами в расчете, что начальство подумает: «Этот человек работает в поте лица, но ему не хватает знаний и навыков. Зачем его, такого, держать здесь? Будет только мешать». И метод срабатывал! Многие действительно добивались с его помощью перевода в другое место.

Вот так Е и стала ведущим техником «Красного берега». Но существовала еще одна причина, сделавшая возможным такой карьерный рост Вэньцзе и тоже приводившая ее в недоумение: техническое обеспечение базы (по крайней мере, того отдела, в котором она работала) было довольно отсталым.

Постепенно строгости в отношении Е ослабли, даже охранника убрали. Ей разрешили доступ почти ко всем компонентам и системам «Красного берега», а также к техниче-

ской документации. Конечно, кое-что все еще было для нее под запретом, например, системы компьютерного контроля. Правда, Е обнаружила, что область применения этих систем на базе гораздо *уже*, чем она ожидала. Кстати, все компьютерное оборудование трансляционного отдела заключалось в трех машинах, еще более примитивных, чем DJS130³⁰ – с неторопливой магнитной памятью, вводом данных с бумажной ленты и временем непрерывной работы, не превышающим пятнадцати часов. Е Вэньце узнала, что точность системы наведения у базы тоже была очень низкой – кажется, даже хуже, чем у обычного артиллерийского орудия.

Так прошло несколько лет, и однажды комиссар Лэй обратился к Е с не совсем обычным разговором. К этому времени Ян Вэйнин и Лэй Чжичэн в глазах Е поменялись местами. Ян, главный инженер базы, высокого политического положения не занимал и вне технической сферы особым авторитетом не пользовался. Ему приходилось заискивать и перед своими подчиненными, и даже перед охранниками, не то его как «гнилого интеллигента» могли бы обвинить в неуважении к трудящимся массам. Поэтому, когда в работе возникали трудности, он срывал зло на Е. А вот комиссар Лэй, напротив, по мере роста инженерных заслуг Вэньце сменил грубость и холодность на дружеское расположение.

– Вэньце, – сказал комиссар, – ты теперь хорошо зна-

³⁰ Китайский 16-битовый мини-компьютер, реплика американского Data General Nova. – *Прим. К. Л.*

ешь наш передатчик. Это главный компонент базы, ее сердце. Что ты можешь о нем сказать? Какое у тебя впечатление в целом?

Они сидели у обрыва, в самом уединенном месте Радарного Пика. Гора здесь отвесно уходила в пропасть, кажущуюся бездонной. В первое время это место пугало Е, но теперь она часто приходила сюда, чтобы побыть наедине с собой.

Вэньцзе растерялась. Ее делом было налаживать и ремонтировать оборудование; о «Красном берегу» в целом, включая рабочие операции, задачи и прочее, она знала очень немного. Ей не положено было это знать. Ей даже не разрешалось присутствовать во время передач. Е подумала над ответом, потом открыла рот и тут же снова закрыла его.

– Давай, говори как есть, – подбодрил Лэй. Он сорвал былинку и принялся безотчетно крутить ее в пальцах.

– Ну... это всего лишь радиопередатчик...

– Правильно, всего лишь радиопередатчик. – Комиссар удовлетворенно кивнул. – Ты знаешь что-нибудь о микроволновых печах?

Е помотала головой.

– Ненужная роскошь, игрушка капиталистического Запада. В такой печке с помощью микроволнового излучения разогревают пищу. На исследовательской станции, где я работал раньше, у нас была одна – мы изучали влияние высоких температур на старение определенных компонентов. По-

сле работы мы нагревали в ней маньтоу³¹, пекли картошку и тому подобное. Это очень интересно – пища сначала нагревается внутри, снаружи оставаясь холодной.

Комиссар Лэй встал и принялся расхаживать туда-сюда так близко от края пропасти, что Е занервничала.

– «Красный берег» и есть что-то вроде такой печки, задача которой нагревать неприятельские космические аппараты. Если излучать микроволны с удельной мощностью $0,1 \text{ Вт/см}^2 - 1 \text{ Вт/см}^2$, то можно выводить из строя или уничтожать электронные компоненты спутников, радаров и навигационных систем.

Вот теперь все стало на свои места. Даже если «Красный берег» и можно было считать всего лишь радиопередатчиком, то очень необычным. Самым удивительным была его мощность – целых двадцать пять мегаватт! Она превосходила мощность не только всех передатчиков связи, но даже мощность передатчиков радиолокаторов. В оборудование базы входил комплект гигантских конденсаторов для электропитания на пике потребления энергии. Передающие устройства тоже были неординарными. Теперь Е поняла, зачем нужна такая сверхмощность, однако тут же нашла, к чему прицепиться:

– Мы передаем модулированный сигнал...

– Верно. Но эта модуляция не похожа на те, что использу-

³¹ Своеобразный китайский хлеб – булочки, готовящиеся на пару. – *Прим. перев.*

ются в обычном радиовещании. Целью служит не передача информации, а использование переменных частот и амплитуд для проникновения сквозь возможную вражескую защиту. Конечно, все это лишь на стадии эксперимента.

Е кивнула. Теперь она получила ответы на многие вопросы.

– Недавно из Цзюцюаня запустили на орбиту два спутника-мишени. «Красный берег» их успешно уничтожил. Температура внутри спутников достигла почти тысячи градусов, и все приборы пришли в негодность. Задача нашей базы в будущих войнах – поражать неприятельские космические аппараты типа КН-8 или КН-9. Ты, наверно, слышала – это спутники-шпионы американских империалистов, их вот-вот запустят. Подобные же спутники советских ревизионистов движутся по более низким орбитам и потому еще более уязвимы. Если понадобится, у нас хватит мощности разрушить и советскую станцию «Салют», и американскую «Скайлэб», которую собираются запустить в следующем году.

Но тут из-за спины Е раздался голос:

– Комиссар! Что это вы ей тут рассказываете?!

Е обернулась и увидела Яна Вэйнина, возмущенно уставившегося на Лэя.

– Рабочая необходимость, – отрезал тот, повернулся и пошел прочь. Ян скользнул по Е взглядом, ничего не сказал и последовал за комиссаром. Вэньцзе осталась одна.

«Ян привез меня сюда, но так до сих пор и не доверяет», –

горько подумала она.

Е беспокоила за Лэя. Он пользовался на базе большей властью, чем Ян, поскольку в самых важных вопросах последнее слово всегда оставалось за комиссаром; но судя по тому, как поспешно Лэй ушел, он, по-видимому, чувствовал себя пойманным на чем-то нехорошем. Из этого Е сделала вывод, что Лэй рассказал ей об истинных целях «Красного берега», ни с кем не посоветовавшись.

«Чем, интересно, это решение грозит ему?» – думала Е, глядя в спину удаляющегося комиссара и ощущая прилив благодарности. Для нее доверие было роскошью, о которой она не смела даже мечтать. По сравнению с Яном Лэй, отличавшийся откровенностью и прямолинейностью солдата, был ближе к ее представлениям о настоящем военном. Ян вел себя как типичный интеллигент той эпохи – осторожный, робкий, занятый только тем, как бы выжить. Несмотря на то, что Е понимала его, пропасть между ними, и без того глубокая, стала еще глубже.

На следующий день Е перевели из отдела передач в отдел мониторинга. Сначала она думала, что это следствие вчерашних событий, попытка удалить ее из наиболее важной секции «Красного берега». Однако прибыв на новое место работы, она поняла, что сердце базы – здесь. Хотя кое-каким оборудованием (например, антенной) оба подразделения пользовались совместно, технический уровень отдела мониторинга был гораздо выше.

Так, например, он располагал необыкновенно сложным и чувствительным радиоприемным устройством: рубиновый мазер³² с усилителем бегущей волны усиливал сигнал, принимаемый гигантской антенной; с целью минимизации теплового шума входные каскады приемной системы были погружены в жидкий гелий с температурой минус 269 °С (периодически на базу прилетал вертолет и пополнял запасы жидкого гелия). Приемник мог распознавать очень слабые, еле заметные сигналы. «Эх, такое бы оборудование да для радиоастрономических исследований!» – помечтала Е.

Компьютерная оснащенность отдела мониторинга тоже была мощнее и сложнее, чем в трансляционном. Первый раз войдя в главный компьютерный зал, Е поразилась, увидев целый ряд дисплеев на электронно-лучевых трубках с бегущим по ним программным кодом. Операторы могли свободно редактировать код и запускать программы при помощи клавиатуры. Когда Е училась программированию в колледже, исходный код писался на специальной миллиметровке, а затем переводился на бумажную ленту с помощью телетайпа. Е слышала о компьютерах, в которые можно вводить программы, используя экран и клавиатуру, но воочию увидела их впервые.

Программное обеспечение поразило ее еще больше. Е узнала о существовании одной штуки, называемой

³² Мазер – то же самое, что лазер, только излучающий не световые, а радиоволны сантиметрового диапазона (микроволны). – *Прим. К. Л.*

FORTRAN, которая позволяла создавать программы, использующие язык, близкий к естественному. Можно даже было вписывать математические уравнения прямо в код! Программирование становилось во много раз легче, чем с помощью машинного языка. А еще было кое-что, называвшееся «базой данных» и позволявшее хранить и обрабатывать большие объемы информации.

Через два дня комиссар Лэй снова завел беседу с Е, на этот раз в главном компьютерном зале перед рядом светящихся зеленых экранов. Ян Вэйнин сидел тут же; участия в разговоре он не принимал, но и уходить не собирался, отчего Е чувствовала себя очень стесненно.

– Вэньцзе, – начал комиссар, – позволь мне рассказать тебе о целях и задачах отдела мониторинга. Коротко говоря, это наблюдение за вражеской активностью в космосе, перехват сообщений между их космическими кораблями и землей, координация работы телеметрии, следящих устройств и центров управления с целью определения орбит вражеских аппаратов и передача этих сведений боевым системам «Красного берега». Иными словами, здесь глаза и уши нашей базы...

Но тут его перебил Ян:

– Комиссар Лэй, по-моему, вы поступаете неправильно. Ни к чему ей об этом знать!

Е скользнула по нему глазами и робко проговорила:

– Комиссар, если мне не положено...

Лэй поднял ладонь:

– Все в порядке, Вэньцзе, – и повернулся к Яну: – Инженер Ян, я вам уже говорил и повторю сейчас: это производственная необходимость. Чтобы Вэньцзе могла лучше исполнять свою работу, надо, чтобы ей была известна цель этой самой работы!

Ян поднялся с места:

– Я доложу об этом руководству.

– Ваше право. Но не волнуйтесь, инженер Ян. За все последствия буду отвечать только я.

Ян удалился с кислой миной.

– Не обращай внимания, Вэньцзе. Уж такой он человек, наш главный инженер – очень осторожный. – Комиссар усмехнулся и покачал головой, затем пристально посмотрел на Е, и лицо его приняло торжественное выражение. – Вэньцзе, когда мы привезли тебя сюда, наша цель была проста. Работе мониторинговых систем базы часто мешают радиопомехи, источником которых служит электромагнитное излучение солнечных вспышек и пятен. По счастливой случайности мы заглянули в твое досье и узнали, что ты занималась вопросами солнечной активности. Твоя модель ее прогнозирования самая точная из всех, выдвинутых китайскими учеными; вот почему за решением этой проблемы мы обратились к тебе.

Но ты проявила себя так хорошо, что мы решили дать тебе более ответственную работу. План предусматривал, что-

бы ты сначала поработала в отделе передач, потом в отделе мониторинга. Таким образом, ты составила бы себе представление о «Красном берегу» в целом, а мы бы понаблюдали и решили, куда перевести тебя после этого. Как видишь, план встретил некоторое сопротивление. Но я верю в тебя, Вэньцзе. Скажу прямо: пока что лишь я один из всего персонала доверяю тебе, больше никто. И я надеюсь, что ты будешь трудиться в поте лица, чтобы заслужить доверие всего коллектива.

Комиссар положил руку на плечо Е. Она почувствовала исходящие от его ладони тепло и силу.

– Вэньцзе, позволь мне поделиться своей заветной мечтой: настанет день, и я назову тебя «товарищ Е»!

Лэй встал и вышел из зала, по-строевому чеканя шаг. Глаза Вэньцзе наполнились слезами; текст на экране замерцал и расплылся. После смерти отца она заплакала впервые.

Приступив к работе, Е вскоре обнаружила, что здесь ей придется труднее, чем в отделе передач. Ее компьютерные знания устарели; пришлось учиться пользоваться новыми программами с нуля. Даже при том, что комиссар доверял ей, в отношении Вэньцзе все еще действовали строжайшие ограничения. Например, ей разрешалось заглядывать в исходный код, но запрещалось трогать базу данных.

Ежедневный надзор за ее деятельностью в основном осуществлял инженер Ян. Он стал вести себя с ней еще грубее, давая волю гневу при самом пустячном поводе. Комиссар

Лэй провел с ним несколько бесед, но все безрезультатно. Казалось, стоило главному инженеру только увидеть Е, как он начинал нервничать.

По мере того как у Вэньцзе накапливалось все больше вопросов без ответов, она стала понимать, что проект «Красный берег» намного сложнее, чем ей казалось раньше.

Однажды система наблюдения перехватила закодированное сообщение. После расшифровки выяснилось, что это фотографии со спутников-шпионов. Их переслали в Бюро наблюдений и картографии при Генеральном штабе, где определили, что на этих немного смазанных снимках изображены важные китайские военные объекты, в том числе военно-морская база в Циндао и несколько ключевых оборонных заводов. Анализ подтвердил, что фотографии сделаны американским спутником КН-9 – его тогда только что запустили.

Фотографии со спутников КН по большей части передавались на Землю в отделяемых капсулах³³, однако на этом спутнике были проведены испытания новой технологии – пе-

³³ Интересный факт: капсулы с пленками выбрасывались со спутника и падали на Землю. Их должны были подхватывать прямо в воздухе самолеты, снабженные специальной «клешней»; либо капсулы приводнялись в океан, где их подбирали американские военные корабли. Устройство капсулы было таково, что в случае, если ее не подбирали, она через два дня тонула. Однажды (а скорее всего, не однажды – это тайна, покрытая мраком) капсула приземлилась в Венесуэле, где ее обнаружили местные крестьяне. После этого с капсул удалили надпись «секретно!», а вместо нее писали на восьми языках обещания о вознаграждении тем, кто отправит ее в Соединенные Штаты. – *Прим. перев.*

передачи цифровых снимков по радио. Процедуру еще не отработали, поэтому спутник транслировал на низких частотах, что существенно расширяло район уверенного приема и позволяло «Красному берегу» перехватывать передачи. А поскольку это был только тест, то шифр не отличался сложностью и раскусить его не представляло труда.

КН-9 был, несомненно, важным объектом мониторинга, поскольку предоставлял редкую возможность собирать данные об американских разведывательных системах. И все же на третий день Ян Вэйнин скомандовал изменить частоту и направление мониторинга. Что за бессмысленное решение?! Е терялась в догадках.

Вскоре случилось еще одно событие, ввергшее Вэньцзе в недоумение. Хотя она и принадлежала теперь к команде мониторинга, иногда ее вызывали в отдел передач. Однажды она случайно увидела список частот для предстоящей передачи и обнаружила, что частоты, которые собирались использовать в трансляциях под номерами 304, 318 и 325, были ниже, чем диапазон микроволновых частот, а следовательно, ни о каком эффекте нагрева и речи не могло идти.

* * *

Однажды за Вэньцзе пришел дежурный офицер и отвел ее в главный административный корпус. Судя по выражению лица дежурного, Е грозили неприятности.

Картина, которую она увидела в офисе, была до боли знакома: здесь присутствовали все старшие офицеры базы, а также двое других, которых Е не знала, но сразу догадалась, что они из высшего командного звена.

Все посмотрели на нее ледяными взглядами, но развитая за время невзгод интуиция подсказала Вэньцзе, что сегодня начальственный гнев обращен не на нее. В углу с понурым видом сидел комиссар Лэй.

«Кажется, для него настало время поплатиться за проявленное ко мне доверие», – подумала Е и сразу же решила во что бы то ни стало выгородить Лэя. Надо будет взять на себя любую ответственность – она возьмет, надо будет солгать – солжет!

Но, к ее удивлению, первым заговорил именно комиссар, и сказал он то, чего Е совсем не ожидала.

– Е Вэньцзе, должен сразу признаться: я противник того, что сейчас произойдет. Это решение было принято главным инженером Яном после того, как он послал запрос высшему командованию. Он и будет отвечать за возможные последствия.

Лэй повернулся и посмотрел на Яна – тот торжественно кивнул. Комиссар продолжил:

– Главный инженер Ян уже не раз запрашивал у командования разрешения на то, чтобы прекратить использовать в отношении тебя нашу легенду – это нужно, чтобы полнее применять твои навыки и знания. Товарищи из Главного по-

литотдела армии, – Лэй кивнул на незнакомцев, – прибыли, чтобы обсудить этот вопрос. И, наконец, с одобрения командования мы решили открыть тебе истину о программе «Красный берег».

До Е не сразу дошла суть слов комиссара, а именно: все это время он ее обманывал.

– Надеюсь, ты высоко оценишь предоставленную возможность и честным трудом заслужишь прощение за свои проступки. После того что мы тебе откроем, твое поведение должно быть безупречным. Любое проявление контрреволюционности будет наказываться по всей строгости! – Комиссар буравил Е взглядом. Это был совсем другой человек, не тот, каким она привыкла его видеть. – Тебе все ясно? Хорошо. А теперь главный инженер Ян все тебе объяснит.

Присутствующие, кроме Яна и Е, покинули офис.

– Если ты не согласна, скажи об этом сейчас.

Слова Яна прозвучали очень внушительно. Теперь Е стала понятна та тревога, которую он проявлял при встречах с ней все последние недели. Чтобы работать с полной отдачей, ей необходимо узнать правду о «Красном берегу». И в то же время, сделав этот выбор, Е лишалась последней надежды когда-либо покинуть Радарный Пик. Как только она скажет «да», все будет кончено: ей придется провести здесь остаток жизни.

– Я согласна, – произнесла Е тихо, но решительно.

Так в тот ранний летний вечер, под завывание ветра в

огромной параболической антенне и беспокойный шелест леса, покрывавшего склоны Большого Хингана, Ян Вэйнин рассказал Е Вэньцзе об истинных целях и задачах «Красного берега».

Вот это была настоящая легенда, еще более невероятная, чем все выдумки комиссара Лэя!

Глава 13

«Красный берег» III

«ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОЕКТА «КРАСНЫЙ БЕРЕГ»

С этих документов сняли гриф секретности через три года после того, как Е Вэньцзе рассказала Вану о «Красном берегу». Они доказывают, что Е говорила правду.

I.

О проблеме, которая в значительной степени игнорируется мировой фундаментальной наукой

(Изначально опубликовано для внутреннего пользования XX/XX/196X)

[Краткое изложение]

История человечества знает два подхода для превращения результатов фундаментальных теоретических исследований в практику: постепенный и скачко-

образный.

Постепенный: результаты теоретических исследований внедряются в технологию медленно, небольшими порциями; улучшения накапливаются постепенно, пока не происходит переход на новый уровень. Среди недавних примеров – развитие космических технологий.

Скачкообразный: результаты теоретических исследований внедряются в практику быстро, что приводит к технологическому прорыву. Среди недавних примеров – появление атомного оружия. Вплоть до сороковых годов XX века некоторые из наиболее выдающихся физиков считали, что человечество никогда не сможет овладеть энергией атома. Но прошло совсем немного времени – и появилось атомное оружие. Технологический прорыв происходит тогда, когда очень значительные порции теоретических достижений вводятся в практику в кратчайший срок.

В настоящее время и НАТО, и Варшавский Договор ведут интенсивные теоретические исследования и не жалеют на них средств. В любой момент может случиться один или несколько технологических прорывов, что может создать значительную угрозу нашим стратегическим планам.

Данная статья утверждает, что наше общество сфокусировано на постепенном подходе, тогда как скачкообразному особого внимания не уделяется. Прицел на более далекую перспективу требует развить полномасштабную стратегию и набор принципов, которые позволили бы адекватно реагиро-

вать на прорыв в области технологии.

Отрасли, в которых наиболее вероятен технологический прорыв:

Физика [*опущено*]

Биология [*опущено*]

Компьютеры [*опущено*]

Поиски внеземного разума (The Search for Extraterrestrial Intelligence – SETI):

это одна из тех отраслей, в которых ожидается наибольший технологический прорыв. Если он случится, его значение превзойдет сумму подобных прорывов в остальных трех отраслях.

[Полный текст][опущено]

[Инструкция центрального руководства]

Принять данную статью к обсуждению в соответствующих профессиональных кругах и организовать дискуссионные группы. Мнения, выраженные в статье, возможно, не всем придутся по вкусу, но не стоит навешивать ярлыки раньше времени. Следует отдать должное масштабному мышлению автора статьи. Некоторые товарищи видят не дальше своего носа, в чем виноваты либо их политическое окружение, либо самоуверенность. Это нехорошо. «Слепые пятна» в области стратегии крайне опасны.

Что касается четырех отраслей, в которых может произойти технологический прорыв, о последней мы

задумывались меньше всего. Однако она достойна внимания, и нам следует подвергнуть эту тему систематическому и глубокому анализу.

Подпись: XXX.

Дата: XX/XX/196X

II.

Доклад о вероятном технологическом прорыве в области поиска внеземных цивилизаций

1. Тенденции в современных мировых исследованиях [Основные итоги]

(1) Соединенные Штаты Америки и другие страны НАТО: необходимость в исследованиях признается повсеместно; осуществляется сильная поддержка отрасли со стороны научных кадров.

Программа «Озма»³⁴: В 1960 году Национальная радиоастрономическая обсерватория в Грин-Банке, штат Западная Вирджиния, предприняла поиски внеземного разума с помощью 26-метрового радиотелескопа. Были исследованы звезды Тау Кита и Эпсилон Эридана. Наблюдения проводились в течение 200 часов на частоте 1,42 ГГц. Программа «Озма II», которая собирается расширить поле поисков и воздействовать более широкий диапазон частот, запланирована на 1972 год.

³⁴ «Ozma» – названа так в честь принцессы волшебной страны Оз. – *Прим. перев.*

Зонды: Запуск космических зондов «Пионер-10» и «Пионер-11», каждый из которых будет нести металлический диск с данными о земной цивилизации, запланирован на 1972 год. Запуск космических зондов «Вояджер» и «Вояджер-2», каждый из которых будет нести аудиозапись на металлическом диске, запланирован на 1977 год.

Обсерватория Аресибо в Пуэрто-Рико: построена в 1963 году. Важный инструмент SETI. Собирающая площадь примерно 73 000 метров, что превосходит суммарную собирающую площадь всех других радиотелескопов мира. Компьютерная система в состоянии обрабатывать информацию с 65 000 каналов одновременно. Обсерватория может работать как передатчик сигнала очень высокой мощности.

(2) Советский Союз: разведывательные данные ограничены, но есть сведения, что в обсуждаемую область сделаны значительные инвестиции. По сравнению со странами НАТО исследования ведутся более систематически и им отводятся более длительные сроки. Основываясь на немногочисленных источниках информации, можно прийти к выводу, что осуществляется строительство глобальной системы радиотелескопов со сверхдлинной базой и синтезированной апертурой. Как только строительство окончится, у Советского Союза появится мощнейший инструмент для исследований глубокого космоса.

2. Предварительный анализ социального устройства внеземных цивилизаций, основанный на материалистическом

подходе к истории [*опущено*]

3. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с инопланетным разумом на человеческое общество и политические тенденции [*опущено*]

4. Предварительный анализ влияния, которое может оказать контакт с внеземным разумом на текущую международную обстановку:

(1) Односторонний контакт (подразумевается только получение сообщений от внеземной цивилизации) [*опущено*]

(2) Двусторонний контакт (обмен сообщениями с внеземной цивилизацией и прямой контакт) [*опущено*]

5. Опасность и последствия установления и монополизации сверхдержавами контакта с внеземным разумом:

(1) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта американскими империалистами и другими странами НАТО [*по-прежнему секретно*]

(2) Анализ последствий в случае установления и монополизации такого контакта советскими ревизионистами и странами Варшавского Договора [*по-прежнему секретно*]

[Инструкция центрального руководства]

Другие страны уже послали сообщения в космос. Опасно, если внеземные цивилизации услышат только их голоса. Нам тоже следует сказать свое слово! Только в этом случае у инопланетян создастся верное представление о человеческом обществе, ибо докопаться до правды, слушая лишь одну сторону, невоз-

можно. Мы должны заняться этим как можно скорее.

Подпись: XXX

Число: XX/XX/196X

III.

Исследовательский отчет о начальной фазе проекта «Красный берег» (XX/XX/196X)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Количество экземпляров: 2

Итоговый документ: Документ за номером XXXXXXXX направлен в Комиссию по науке, технике и оборонной промышленности, в Китайскую академию наук и Центральный комитет планирования Министерства обороны; распространен на XXXXXXXX партийной конференции и XXXXXXXX партийной конференции; частично распространен на XXXXXXXX партийной конференции.

Серийный номер проекта 3760

Кодовое название: «Красный берег»

1. Направление исследований: [*Сжатое изложение*]

Поиск внеземного разума, попытка установления контакта и обмена информацией.

2. Теоретические аспекты исследований:

(1) Поиск и мониторинг

Диапазон мониторинга: от 1000 МГц до 40 000 МГц

Количество каналов: 15 000

Ключевые частоты наблюдений:

Частота излучения атома водорода – 1420 МГц

Частота излучения гидроксильной группы – 1667 МГц

Частота излучения молекулы воды – 22 000 МГц

Наблюдаемый объем: сфера с Землей в центре и радиусом 1000 световых лет, содержащая приблизительно 20 миллионов звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 1.

(2) Передача сообщений:

Частоты, на которых ведется передача: 2800 МГц, 12 000 МГц, 22 000 МГц

Мощность передатчика: 10–25 МВт

Целевой объем передач: сфера с Землей в центре и радиусом 200 световых лет, содержащая приблизительно 100 тысяч звезд. Список конкретных целей приведен в Дополнении 2.

(3) Разработка саморасшифровывающегося кода

Руководящий принцип: основываясь на универсальных законах физики и математики, создать элементарный лингвистический код, который будет понятен любой цивилизации, знакомой с началами алгебры, евклидовой геометрии и основами классической механики (нерелятивистской физики).

На основе созданного кода (см. выше), подкрепленного изображениями с низким разрешением, постепенно разработать полную лингвистическую систему. Предлагаемые языки: китайский, эсперанто.

Суммарный объем информации не должен превышать 680 Кбайт. Время передач на частотах 2800 МГц, 12 000 МГц и 22 000 МГц: 1183, 224 и 132 минуты соответственно.

3. План реализации программы «Красный берег»

(1) Предварительный проект систем поиска и мониторинга [*по-прежнему секретно*]

(2) Предварительный проект системы передачи [*по-прежнему секретно*]

(3) Предполагаемые места расположения базы [*опущено*]

(4) Предварительные соображения по формированию команды проекта «Красный берег» из сил Второго артиллерийского корпуса [*по-прежнему секретно*]

4. Содержание сообщения, передаваемого «Красным берегом» [*Сжатое изложение*]

Описание Земли (3,1 Кбайт), обзор жизни на Земле (4,4 Кбайт), представление о человеческом обществе (4,6 Кбайт), основные события мировой истории (5,4 Кбайт)

Суммарный объем информации 17,5 Кбайт.

Сообщение будет послано после передачи универсального кода. Время передачи сообщения на частотах 2800 МГц, 12 000 МГц и 22 000 МГц: 31, 7,5 и 3,5 минуты соответственно.

Текст сообщения будет утвержден после анализа комплексной комиссией, чтобы случайно не разгласить положение Земли на Млечном Пути. Передачи на двух из утвержденных трех каналов, а именно на частотах 12 000 МГц и 22 000 МГц следует свести к минимуму, чтобы затруднить

точное определение координат передатчика.

IV.

Послание к внеземным цивилизациям

Первый набросок [*Полный текст*]

Внимание! Внимание! Внимание! Это сообщение послано страной – оплотом революционной справедливости на Земле! Возможно, вы уже получили другие обращения из этой же точки космического пространства. Они посланы одной из империалистических сверхдержав нашей планеты. Эта сверхдержава борется с другой сверхдержавой за мировое господство с целью повернуть историю человечества вспять. Не слушайте их ложь! Станьте на сторону правды, на сторону революции!

[*Инструкция центрального руководства*]

Что за белиберда! Для пропагандистского плаката сгодились бы, но посылать это в космос нельзя! Руководители «культурной революции» не должны иметь ни малейшего отношения к программе «Красный берег». Такое важное послание нужно составить в чрезвычайно аккуратных выражениях. Наилучшим выходом было бы предоставить это дело специальному комитету, а затем обсудить и одобрить на совещании Политбюро.

Подпись: XXX

Дата: XX/XX/196X

Второй набросок [опущено]

Третий набросок [опущено]

Второй набросок [опущено]

Четвертый набросок [*Полный текст*]

Приветствуем вас, обитатели другого мира!

Мы надеемся, что после прочтения нижеследующего послания вы составите себе общее представление о цивилизации Земли. Человечество, пройдя длинный и трудный путь, создало замечательную цивилизацию, в которой процветает множество самых разных культур. Мы стоим на пороге проникновения в суть законов, управляющих природой и обществом. Нам есть чем гордиться!

Но наш мир не безупречен. Здесь существуют ненависть, предрассудки и войны. Противоречия между производительными силами и производственными отношениями приводят к крайне неравному распределению благ, поэтому многие люди прозябают в нищете.

Человечество упорно преодолевает трудности и препятствия, возникающие на его пути к светлому будущему. Страна, чье послание вы сейчас читаете, тоже идет по этому пути. Наша цель – построить идеальное общество, в котором труд и достоинство каждого его члена получают заслуженно высокую оценку и материальные и духовные запросы людей будут полностью удовлетворены. Человеческая цивилизация станет более совершенной.

С наилучшими намерениями мы надеемся на установление контакта с другими цивилизованными обществами. Давайте вместе трудиться, чтобы построить лучшую жизнь в нашей необъятной Вселенной!

V.

Основные методы и действия

1. Методы и действия после получения ответа от внеземной цивилизации [*опущено*]

2. Методы и действия после установления контакта с внеземной цивилизацией [*опущено*]

[Инструкция центрального руководства]

Это так важно – выкроить время в нашем напряженном графике и заняться чем-то не связанным с насущными нуждами! Проект «Красный берег» предоставил нам редкую возможность подумать о вещах, на которые обычно не хватает времени. В самом деле, осмыслить новые перспективы можно, только взглянув с существенно более высокой точки зрения. Одного этого достаточно, чтобы признать право программы «Красный берег» на существование.

Как будет чудесно, если окажется, что во Вселенной существуют иной разум и иные общества! Ведь самым свежим взглядом всегда обладает сторонний наблюдатель. Только он сможет определить, какую роль мы сыграли в истории – героев или злодеев.

Подпись: ХХХ

Глава 14

«Красный берег» IV

– Профессор Е, – проговорил Ван Мяо, – у меня вопрос. В то время, о котором вы повествуете, поискам внеземного разума уделяли лишь поверхностное внимание. Почему же тогда «Красный берег» был так тщательно засекречен?

– Этот вопрос задавали множество раз уже на первой стадии программы и продолжали задавать до самого ее закрытия. Но сейчас-то ответ должен быть вам известен! Можно только восхищаться предусмотрительностью высшего руководителя проекта.

– Да, он был человеком дальновидным. – Ван мрачно кивнул.

Серьезно и систематически рассматривать вопрос о том, как и в какой степени контакт с внеземным разумом повлияет на человечество, стали только в последние несколько лет, и эти исследования быстро завоевали интерес публики. Выводы оказались ошеломляющими.

Наивные, идеалистические надежды разбились вдребезги. Ученые обнаружили, что, вопреки радостным ожиданиям большинства людей, контакт с инопланетянами не сулит человечеству ничего хорошего. Последствием такого контакта будет не объединение, а еще больший раскол; конфлик-

ты между различными культурами усугубятся, а не смягчатся. Другими словами, если контакт произойдет, разногласия внутри земной цивилизации только усилятся, что может привести к катастрофе. Самый шокирующий вывод из всех гласил, что подобный итог не зависит ни от степени и типа контакта (то есть односторонний он или двусторонний), ни от формы и степени прогресса инопланетной цивилизации.

В книге «Железный занавес в 100 000 световых лет: Социология SETI» социолог Билл Мазерс из корпорации RAND³⁵ выдвинул теорию «контакта как символа». Мазерс утверждал, что, каково бы ни было содержание встречи с инопланетным разумом, результаты будут одинаковыми.

Допустим, что произошел контакт, при котором всего лишь подтверждено существование инопланетной цивилизации и никаких других существенных данных нет (Мазерс называет его «первичным»). Значение такого контакта будет воспринято человечеством через увеличительное стекло массового сознания и культуры, что окажет огромное влияние на дальнейшее развитие общества. Если монополия на контакт будет только у одной страны или политической си-

³⁵ RAND (англ. РЭНД – аббревиатура от Research and Development – «Исследование и разработка») – американский стратегический исследовательский центр. Является некоммерческой организацией. Направление деятельности – содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США; разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. – Прим. перев.

лы, то это придаст невероятный импульс их экономической и военной мощи.

– Чем кончилась программа «Красный берег»?

– Вы, должно быть, и сами догадываетесь.

Ван опять кивнул. Если бы «Красный берег» выполнил свою задачу, мир сейчас был бы совсем иным. Чтобы утешить Е, он сказал:

– Но ведь пока трудно сказать, добились вы успеха или нет. Радиоволны, посланные «Красным берегом», ушли еще не слишком далеко.

Е покачала головой.

– Чем дальше уходят сигналы, тем они слабей и тем меньше вероятность, что внеземной разум уловит их. Конечно, если бы инопланетяне уже обнаружили Землю с ее богатой кислородом атмосферой и направили в ее сторону мощную аппаратуру – тогда была бы другая история. Но вообще-то исследования показывают, что для того чтобы инопланетяне уловили сигналы от нас, мощность наших передач должна быть такой же, как мощность излучения средних размеров звезды.

Советский астрофизик Николай Кардашев разделил все цивилизации на три класса в зависимости от энергии, которую они могут направить на нужды связи. Цивилизация I класса может задействовать для этого энергию, сравнимую с общим выходом энергии Земли; по нашим прикидкам, это около 10^{15} — 10^{16} Вт. Цивилизация класса II – энергию, эк-

вивалентную мощности средней звезды, то есть примерно 10^{26} Вт. Энергия, доступная цивилизации класса III, может достигать уровня 10^{36} Вт – примерно такова мощность излучения галактики. Земную цивилизацию пока что можно отнести к классу 0,7, даже не к классу I. А передачи «Красного берега» действовали только около одной десятиллионной доли всей совокупной энергии Земли. Писк комаришки в небе. Его никто не мог услышать.

– Но, – возразил Ван, – если бы кардашевские цивилизации класса II и III действительно существовали, мы были бы в состоянии услышать *их*!

– За двадцать лет деятельности базы мы не услышали ровным счетом ничего.

– Понятно. Значит, учитывая опыт «Красного берега» и SETI, мы можем сказать, что все наши усилия доказали лишь одно: во всей Вселенной разумная жизнь существует только на Земле?

Е вздохнула.

– Ну... Определенного ответа на этот вопрос мы, скорей всего, не получим никогда. Но мой здравый смысл, как и здравый смысл всех, кто работал на базе «Красный берег», подсказывает, что вы правы.

– Жаль, что «Красный берег» был расформирован. Раз уж построили, могли бы и продолжать работу. Ведь какое грандиозное начинание!

– Процесс закрытия базы был постепенным. В начале

восьмидесятых у нас провели большую реконструкцию. В частности, обновили компьютерный парк отделов передач и мониторинга; передающую систему автоматизировали, а мониторингу выделили два современных компьютера IBM на микропроцессорах. Стало возможно обрабатывать намного больший объем данных, количество каналов слежения выросло до сорока тысяч.

Но позже, когда стало ясно, с какими трудностями связаны поиски инопланетного разума, руководство утратило интерес к «Красному берегу». Сначала базе снизили рейтинг безопасности, придя к выводу, что чрезвычайная секретность ни к чему. Охрану сократили – от роты остался лишь взвод, а потом и вовсе пять человек. К тому же после реконструкции, хотя база и оставалась в ведении Второго артиллерийского корпуса, научными изысканиями стал распоряжаться Институт астрономии Китайской академии наук. Было внедрено несколько исследовательских проектов, не имеющих ничего общего ни с поиском внеземных цивилизаций, ни с военными делами.

– Я правильно понимаю, что большинство ваших научных открытий вы совершили именно в это время?

– На начальном этапе «Красный берег» занимался не только поисками внеземных цивилизаций, но и некоторыми исследованиями в области радиоастрономии. На тот момент это был самый большой радиотелескоп в стране. Позже, когда построили другие радиоастрономические обсерватории,

наша база обратилась к наблюдениям и анализу солнечной активности. Ради этой цели нас оснастили солнечным телескопом. Разработанная нами математическая модель солнечной активности была в те времена на переднем крае науки и получила широкое практическое применение. «Красный берег» вернул обществу хотя бы часть затраченных на него огромных средств.

Нельзя не признать, что в этом была большая заслуга комиссара Лэя. Конечно, он преследовал собственные интересы, понимая, что у него как у политического работника при научном подразделении перспективы на будущее не очень-то радужные. Прежде чем поступить в армию, Лэй изучал астрофизику, и ему захотелось вернуться обратно в науку. Всеми заказами на исследования, не связанные с поисками инопланетного разума, «Красный берег» обязан именно усилиям комиссара Лэя.

– Сомневаюсь, чтобы ему легко далось возвращение к научной деятельности после того, как он столько времени пробыл политработником. К тому же вас тогда еще не реабилитировали. Сдается мне, все, чем Лэй занимался, – это увековечиванием своего имени на ваших трудах.

Е улыбнулась прощающей улыбкой.

– Без Лэя «Красный берег» скончался бы еще раньше. После того как база подпала под конверсию, военные оставили ее, а у Академии наук не хватало средств на ее содержание. Поэтому проект «Красный берег» закрыли.

О своей обыденной жизни на Радарном Пике Е рассказывала весьма скупой, а Ван не хотел расспрашивать. Через четыре года после прибытия на базу они с Ян Вэйнином поженились. Все произошло естественно и спокойно, без драм. Позже в результате несчастного случая Лэй и Ян погибли, дочь Е Вэньцзе и Ян Вэйнина, Ян Дун, родилась после смерти отца. Мать с дочерью уехали с Радарного Пика только в середине восьмидесятых, когда базу окончательно расформировали. Е вернулась в Цинхуа, свою альма-матер, и преподавала там астрофизику до ухода на пенсию. Все это Ван слышал от Ша Жуйшаня в Миуньской радиоастрономической обсерватории.

– Поиски внеземного разума – уникальная дисциплина. Она имеет глубокое влияние на жизненные взгляды исследователя. – Е говорила нараспев, словно рассказывая ребенку сказку. – В глухой ночи я сидела с наушниками и слушала безжизненный шум Вселенной – едва слышный, но непрекращающийся, еще более древний, чем сами звезды. Иногда мне казалось, что он похож на гул вечных ветров Большого Хингана. И тогда меня прохватывал озноб, а одиночество ощущалось гораздо глубже...

Иногда после ночной смены я всматривалась в звездное небо, и оно представлялось мне холодной сверкающей пустыней, а я – заблудившимся в ней ребенком... Я думала, что жизнь, скорее всего, лишь случайность в ряду других случайностей, которыми так полна Вселенная. Космос – это пу-

стой дворец, а человечество, эта букашка, – его единственный обитатель. Из-за подобных мыслей душевный настрой во второй половине моей жизни стал противоречив: то я считала человеческую жизнь великой ценностью, и все в ней было очень важно; то мне казалось, что человечество – грязь и ничто в мире не имеет значения. Так протекали годы в постоянных метаниях, и не успела я оглянуться, как подступила старость...

Вану хотелось утешить эту пожилую женщину, посвятившую жизнь одинокому, но великому начинанию, однако последние слова Е ввергли его в то же печальное настроение, в которое погрузилась и она сама. Он обнаружил, что ему нечего сказать ей, кроме:

– Профессор Е, однажды мы с вами съездим на то место, где стояла база «Красный берег»...

Его собеседница медленно покачала головой.

– Куда мне, Сяо Ван! Старею, здоровье уже не то. Я живу сегодняшним днем, не загадывая на будущее.

Глядя на серебряные волосы Е Вэньцзе, Ван понял, что она опять думает о дочери.

Глава 15

Три тела: Коперник, вселенский футбол и День трех солнц

После визита к Е Ван Мяо никак не мог успокоиться. Со-

бытия последних двух дней и история «Красного берега», на первый взгляд никак не связанные между собой, теперь переплелись вместе, за одну ночь превратив знакомый мир в незнакомый.

Придя домой и желая избавиться от тягостного настроения, Ван включил компьютер, надел V-костюм и в третий раз отправился в мир «Трех тел».

Это сработало. К тому времени, когда на экране появилось окно логина, Ван почувствовал себя другим человеком. В его душе царило необъяснимое радостное возбуждение. В отличие от первых двух игр, на этот раз он поставил перед собой четкую задачу: проникнуть в тайну мира «Трех тел».

Он создал новый ID, более подходящий его нынешней роли: Коперник.

* * *

Ван опять стоял посреди унылой равнины и наблюдал странный рассвет, столь характерный для мира «Трех тел». На востоке возвышалась колоссальная пирамида, но Ван сразу заметил, что это больше не пирамида царя Чжоу из династии Шан и не обсерватория Мо-цзы. Ее вершина была увенчана готической колокольной. Башня вонзалась в утреннее небо, отчего здание обрело сходство с собором Святого Иосифа на улице Ванфуцзин. Но если бы реальный собор поместить рядом с этой пирамидой, он сошел бы разве толь-

ко за входной придел. В отдалении возвышалось много других строений, по всей вероятности, дегидраториев, теперь тоже выстроенных в готическом стиле, с длинными острыми шпилями – как будто земля оцетинилась множеством игл.

В стене пирамиды Ван увидел дверной проем, озаренный изнутри мерцающими огнями. В туннеле стоял ряд почерневших от дыма статуй олимпийских богов с факелами в руках. Войдя в Большой зал, Ван обнаружил, что здесь еще темнее, чем в туннеле. Единственным источником скудного освещения служили два серебряных канделябра на длинном мраморном столе.

За столом сидели несколько человек. Тусклый свет не позволял разглядеть лица – Ван видел только силуэты. Глаза собравшихся прятались в глубоких темных глазницах, но Ван ощущал сосредоточенные на нем пристальные взгляды. Сидящие за столом были одеты во что-то вроде средневековых мантий. Присмотревшись, Ван различил, что на одном или двух из них мантии были попроще и больше напоминали классические греческие хитоны. У одного конца стола сидел высокий худой человек с золотой тиарой на голове. Помимо канделябров тиара была единственным блестящим предметом в Большом зале. Ван напряг глаза и в тусклом свете свечей сумел разобрать, что мантия коронованной особы тоже отличается от других – она была красного цвета.

Он понял, что игра подстраивается под каждого конкретного игрока. Основываясь на нынешнем ID Вана, программа

выбрала мир европейского позднего Средневековья.

– Ты опоздал. Собрание уже идет! – проговорил тиароносец в красной мантии. – Я папа Григорий.

Ван постарался припомнить то небольшое, что знал о европейской средневековой истории – основываясь на названном имени, он мог бы прикинуть, какого уровня достигла эта цивилизация, – но тут же вспомнил, что «Три тела» обращались с историей весьма вольно, не чураясь совершенно диких анахронизмов, и решил, что не стоит напрягаться.

– Я Аристотель, – представился человек в греческом хитоне с белыми кудрявыми волосами. – Ты сменил ID, но мы все тебя узнали. В первых двух играх ты побывал на Востоке.

– Верно, – кивнул Ван. – Там я стал свидетелем гибели двух цивилизаций – одной от запредельного холода, другой – от испепеляющего солнечного жара. Я также видел, какие невероятные усилия прилагали восточные мудрецы, чтобы понять законы, по которым движется солнце.

– Ха! – выдохнул человек в эспаньолке и с подкрученными вверх усами, еще более тощий, чем папа. – Восточные мудрецы пытались разгадать тайну движения солнца с помощью медитации, мистических откровений и даже снов. Смехотворно!

– Это Галилей, – сказал Аристотель. – Он убежден, что мир познается через наблюдение и опыт. Он мыслитель, лишенный всяческой фантазии, но к его выводам стоит прислушаться.

– Мо-цзы тоже проводил наблюдения и опыты, – возразил Ван.

Галилей фыркнул.

– Способ мышления Мо-цзы оставался восточным. Он был не кем иным, как мистиком в одежде ученого. Он никогда не принимал результатов собственных наблюдений всерьез, а свою модель построил на основе субъективных домыслов. Какая нелепость! Жаль, такое техническое оснащение – и все без толку! Но мы подходим к делу иначе. Опираясь на данные многочисленных наблюдений и экспериментов, мы сделаем строгие логические умозаключения, на которых и выстроим нашу модель Вселенной, а затем вновь обратимся к опыту и наблюдению, чтобы доказать ее истинность.

– Это правильный подход, – кивнул Ван. – Я тоже его придерживаюсь.

– Ну, тогда ты, наверно, и календарь принес? – с издевкой поинтересовался папа Григорий.

– Календаря у меня нет – только модель, построенная на результатах наблюдений. Хочу подчеркнуть: даже если она верна, еще неизвестно, можно ли с ее помощью в деталях прогнозировать движение солнца и создать точный календарь. Тем не менее это необходимый шаг.

Несколько одиноких хлопков отозвались эхом от сводов Большого зала. Аплодировал Галилей.

– Превосходно, Коперник, превосходно! Твое мышление

прагматика в сочетании с экспериментальным научным подходом – вот чего недостает большинству ученых. Уже только по одной этой причине твою теорию стоит выслушать.

Папа кивнул Вану:

– Продолжай.

Ван постарался взять себя в руки. Подойдя к другому концу длинного стола, он промолвил:

– Фактически все очень просто. Причина видимого хаотического поведения солнца заключается в том, что у нашего мира их целых три! Под влиянием постоянно меняющегося взаимного тяготения движение трех звезд становится непредсказуемым. Это так называемая «задача трех тел». Когда наша планета вращается вокруг только одной звезды по стабильной орбите, наступает Эра Порядка. Когда вторая или обе оставшихся звезды приближаются на определенное расстояние, их притяжение срывает планету с орбиты, в результате чего она начинает метаться в гравитационных полях всех трех солнц. Наступает Эра Хаоса. Через некоторое время планета снова притягивается какой-то одной звездой и начинает двигаться по стабильной орбите – устанавливается Эра Порядка и так далее. Это как футбол, только вселенского масштаба, где три звезды – игроки, а наша планета – мяч.

Под гулками сводами Большого зала раздался хохот.

– Сжечь его, – безучастно приказал папа. Двое стражников в ржавых латах двинулись к Вану, словно пара неуклюжих роботов.

– Сжечь! – повторил Галилей и вздохнул. – Я возлагал на тебя надежды, а ты всего лишь очередной колдун...

– С такими, как он, одна морока! – поддакнул Аристотель.

– По крайней мере, дайте мне закончить! – Ван отпихнул от себя железные рукавицы стражников.

– Ты когда-нибудь видел три солнца? – спросил Галилей. – Или знаешь кого-нибудь, кто видел?

– Их все видели!

– Ну хорошо, мы видим одно во время Эр Порядка и Хаоса. А где же в это время два других?

– Солнце, которое мы наблюдаем в различные эпохи, не обязательно одно и то же! Когда два других находятся далеко, они представляются нам как летящие звезды.

– Тебе не хватает элементарной научной подготовки, – покачал головой Галилей. – Солнце должно двигаться непрерывно; оно не может сразу прыгнуть из одной точки в другую, не пройдя через все промежуточные. Согласно твоей гипотезе, мы должны были бы наблюдать следующую ситуацию: солнце становится меньше, чем мы видим его обычно, но больше летящей звезды, а потом, удаляясь, постепенно становится летящей звездой. Но мы никогда не наблюдали ничего подобного.

– Поскольку у тебя научная подготовка на должном уровне, ты, стало быть, разобрался во внутренней структуре светила?

– Конечно. Этим своим открытием я горжусь больше все-

го. Солнце состоит из разреженного, очень обширного облака газов, внутри которого имеется плотное раскаленное ядро.

– Совершенно верно! – подтвердил Ван. – Но ты, по-видимому, еще не знаешь об особом оптическом взаимодействии между газообразной внешней оболочкой солнца и атмосферой нашей планеты. Этот феномен сродни поляризации или гасящей интерференции. В результате, когда мы наблюдаем солнце изнутри нашей атмосферы, а потом оно отдаляется от нас на определенное расстояние, газообразный слой внезапно становится абсолютно прозрачным, и все, что видно, – это раскаленное внутреннее ядро. Поэтому оно и представляется нам летящей звездой.

Этот феномен вводил в заблуждение каждого исследователя на протяжении всей истории цивилизаций и не давал открыть существование трех солнц. Теперь вы понимаете, почему три летящих звезды знаменуют наступление экстремального холода: все три солнца удаляются на слишком большое расстояние от планеты.

Последовала короткая пауза – все обдумывали услышанное. Первым нарушил молчание Аристотель:

– Тебе не хватает элементарной логики. Это правда – временами мы видим три летящих звезды, после чего всегда наступает гибельный холод. Но, согласно твоей теории, иногда мы также должны были бы видеть на небе все три солнца нормального размера. А такого ни разу не случалось! Ни од-

на цивилизация этого не зафиксировала!

– Постойте-ка!

Длиннобородый человек в шляпе странного фасона поднялся и заговорил в первый раз.

– Я Леонардо да Винчи. Думается, подобные свидетельства есть. Одна цивилизация видела одновременно два солнца и погибла, сожженная их совместным жаром, но записи, оставленные ею, весьма туманны.

– Речь о трех солнцах, а не о двух! – отрезал Галилей. – Согласно теории Коперника, раз в небе иногда появляются три летящих звезды, то должны появляться и три солнца!

– Это случилось! – спокойно и уверенно заявил Ван. – Люди видели одновременно три солнца. Но никакой информации о событии не сохранилось просто потому, что свидетелям его оставалось жить не более нескольких мгновений! У них не было ни малейшего шанса спастись. День трех солнц – самая ужасающая из катастроф, могущих постигнуть наш мир. В такой день поверхность планеты в один миг превращается в пылающую топку; даже камень плавится. После рокового Дня трех солнц должна пройти целая вечность, прежде чем жизнь и цивилизация вновь возродятся. Вот почему нет свидетельств таких дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.